КОНТРЪ - АДМИРАЛЪ С. Н. ТИМИРЕВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ МОРСКОГО ОФИЦЕРА

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦІИ (1914 - 1918 Г. Г.)

СЪ КАРТОЙ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

AMERICAN SOCIETY FOR RUSSIAN NAVAL HISTORY.

ИЗДАНІЕ
АМЕРИКАНСКАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ
ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ МОРСКОЙ ИСТОРІИ

НЬЮ ІОРКЪ
1961.

КОНТРЪ - АДМИРАЛЪ С. Н. ТИМИРЕВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ МОРСКОГО ОФИЦЕРА.

БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦІИ. (1914 - 1918 Г. Г.)

СЪ КАРТОЙ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

AMERICAN SOCIETY FOR RUSSIAN NAVAL HISTORY.

ИЗДАНІЕ
АМЕРИКАНСКАГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ
ИЗУЧЕНІЯ РУССКОЙ МОРСКОЙ ИСТОРІИ

НЬЮ ІОРКЪ
1961.

С. Н. Тимиревъ въ Шанхаѣ въ 1930 г.

БІОГРАФІЯ.

«Записки Морского Офицера» — воспоминанія одного изъ блестящихъ морскихъ офицеровъ дореволюціоннаго времени — контръ-адмирала Сергѣя Николаевича Тимирева. Онѣ были написаны въ 1922 году въ Шанхаѣ. Получившій ихъ отъ автора родственникъ не счелъ тогда своевременнымъ ихъ опубликовать, «записки» пролежали подъ спудомъ долгое время, и только въ 1958 году были переданы въ морскую организацію.

Читатель найдетъ въ этомъ историческомъ документѣ интересныя, еще не опубликованныя подробности о дѣятельности Балтійскаго флота во время первой Міровой войны, освѣщенныя, такъ сказать, изнутри; глубокую и безпристрастную характеристику начальствовавшихъ въ немъ лицъ, и картину развала флота, начавшагося съ первыхъ же дней февральской революціи.

Не много осталось въ живыхъ людей интимно знавшихъ Сергѣя Николаевича, и еще меньше сверстниковъ, знавшихъ его со школьной скамьи. Всѣ они хранятъ о немъ свѣтлую память. Начиная съ кадетскихъ временъ, онъ неизмѣнно пользовался любовью, уваженіемъ и авторитетомъ у своихъ однокашниковъ и тѣ же чувства онъ возбуждалъ впослѣдстіи у своихъ начальниковъ и подчиненныхъ. Кристальная, безкомпромиссная честность и благородство въ мысляхъ и поступкахъ были его отличительными качествами. Наряду съ требовательностью и пунктуальностью, проводимыхъ съ большимъ тактомъ, онъ былъ проникнутъ благожелательностью и

сердечной добротой, и этимъ, можетъ быть, больше чѣмъ всѣмъ остальнымъ, привлекалъ къ себѣ сердца простыхъ людей, матросовъ, оставшихся вѣрными ему даже въ дни революціоннаго угара и озвѣрѣнія...

Сынъ морского офицера, С. Н. Тимиревъ поступилъ въ Морской Корпусъ (тогда Училище) и былъ выпущенъ изъ него мичманомъ въ 1889 году, третьимъ въ выпускѣ. Въ 1896 году онъ былъ назначенъ младшимъ штурманомъ на только что построенный крейсеръ «Россія», на которомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ плавалъ въ Средиземномъ морѣ и Тихомъ океанѣ. По возвращеніи изъ плаванія онъ былъ зачисленъ въ Гвардейскій Экипажъ, въ которомъ состоялъ до 1911 года. Въ началѣ русско-японской войны, будучи старшимъ штурманомъ на строющемся броненосцѣ «Императоръ Александръ III», С. Н. Тимиревъ вытянулъ счастливый жребій и въ числѣ трехъ офицеровъ экипажа отбылъ въ Портъ-Артуръ. (Жребій оказался счастливымъ потому что назначеніе въ Портъ-Артуръ, гдѣ онъ съ отличіемъ служилъ на броненосцахъ «Пересвѣтъ» и «Побѣда», а подъ конецъ осады на сухомъ пути, снялъ его съ «Александра III», погибшаго въ Цусимѣ со всѣмъ личнымъ составомъ). Тяжело раненый на Высокой горѣ наканунѣ сдачи крѣпости, онъ отказался дать подписку о дальнѣйшемъ неучастіи въ войнѣ и, до заключенія мира, оставался въ японскомъ плѣну. По возвращеніи изъ плѣна С. Н. Тимиревъ былъ назначенъ помощникомъ старшаго офицера на флагманскій корабль перваго Гардемаринскаго Отряда и принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи молодежи, будущихъ офицеровъ возрождаемаго флота. Предполагалось, что онъ займетъ мѣсто старшаго офицера на томъ же кораблѣ, когда, совершенно неожиданно, онъ былъ выбранъ на должность старшаго офицера Императорской яхты «Штандартъ», на которомъ онъ находился четыре года, послѣ чего онъ былъ назначенъ командиромъ учебнаго судна «Вѣрный». На этой должности застала его война, и свою службу съ 1914 по 1918 годъ онъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Послѣдующими волнами революціи онъ былъ брошенъ въ Шанхай, гдѣ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни плавалъ на судахъ китайскаго коммерческаго флота, единственный случай, писалъ онъ оттуда, когда китайскими пароходами командовалъ русскій адміралъ. Скончался Сергѣй Николаевичъ въ 1933 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во избѣжаніе предъявленія излишнихъ требованій къ моему скромному труду, я спѣшу оговориться, что настоящія «воспоминанія», не представляя собою связаннаго, полнаго, документально провѣреннаго и объективнаго описанія участія Балтійскаго флота въ минувшей войнѣ и революціи, вовсе не претендуютъ на какую-либо самостоятельную историческую цѣнность и, въ лучшемъ случаѣ, могутъ послужить лишь матеріаломъ для будущаго серьезнаго историка. Но и въ этомъ случаѣ, по моему, слѣдуетъ пользоваться настоящими «воспоминаніями» съ большой осторожностью, такъ какъ, ввиду полнаго отсутствія подъ рукой какихъ бы то ни было документовъ, многіе факты и событія освѣщены въ нихъ исключительно сквозь призму личныхъ впечатлѣній и переживаній, какъ они сохранились въ памяти автора.

С. Тимиревъ

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ВЪ КРОНШТАДТѢ (1914 г.)

Состоянiе флота передъ войной. Объявленiе войны. Организацiя тыловой службы въ Кронштадтѣ. Наступленiе зимы.

Война застала меня командиромъ учебнаго судна «Вѣрный», плававшимъ въ составѣ Отряда Судовъ Морского Корпуса; этимъ Отрядомъ въ то время командовалъ кап. 1 р. Карцовъ, бывшiй одновременно и Директоромъ Морского Корпуса. Условiя плаванiя были глубоко мирнаго характера, да и общее настроенiе на флотѣ еще за мѣсяцъ до войны не давало никакихъ основанiй ожидать близости мiрового бѣдствiя — войны, которая свела на нѣтъ Россiю и опустошила всю Европу. Хотя еще въ концѣ iюня, вскорѣ послѣ Сараевскаго событiя, уже появились первые опредѣленные признаки зарождающагося конфликта, но общее политическое настроенiе въ Европѣ, о чемъ мы, рядовые офицеры, могли судить лишь по газетамъ, давало всѣ вѣроятiя улаженiя этого конфликта мирнымъ дипломатическимъ путемъ. Лишь около 10 iюля, послѣ открытаго выступленiя Россiи въ защиту Сербiи и перваго дерзкаго вызова со стороны Австрiи по адресу Россiи — призракъ войны зловѣще нависъ надъ Россiей. Въ этотъ моментъ, конечно, ни наша армiя, ни флотъ не были готовы къ войнѣ: въ этомъ заключается наша вѣковѣчная историческая особенность. Мнѣ пришлось вторично (первый разъ въ русско-японскую войну) наблюдать ту же картину общей растерянности и безтолковщины, вызванную нашей преступной матерiальной неготовностью. Положенiе флота еще было значительно лучше, чѣмъ положенiе армiи, такъ какъ боевые корабли, по самому характеру службы, должны

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

ВЪ КРОНШТАДТѢ (1914 г.)

Состояніе флота передъ войной. Объявленіе войны. Организація тыловой службы въ Кронштадтѣ. Наступленіе зимы.

Война застала меня командиромъ учебнаго судна «Вѣрный», плававшимъ въ составѣ Отряда Судовъ Морского Корпуса; этимъ Отрядомъ въ то время командовалъ кап. 1 р. Карцовъ, бывшій одновременно и Директоромъ Морского Корпуса. Условія плаванія были глубоко мирнаго характера, да и общее настроеніе на флотѣ еще за мѣсяцъ до войны не давало никакихъ основаній ожидать близости мірового бѣдствія — войны, которая свела на нѣтъ Россію и опустошила всю Европу. Хотя еще въ концѣ іюня, вскорѣ послѣ Сараевскаго событія, уже появились первые опредѣленные признаки зарождающагося конфликта, но общее политическое настроеніе въ Европѣ, о чемъ мы, рядовые офицеры, могли судить лишь по газетамъ, давало всѣ вѣроятія улаженія этого конфликта мирнымъ дипломатическимъ путемъ. Лишь около 10 іюля, послѣ открытаго выступленія Россіи въ защиту Сербіи и перваго дерзкаго вызова со стороны Австріи по адресу Россіи — призракъ войны зловѣще нависъ надъ Россіей. Въ этотъ моментъ, конечно, ни наша армія, ни флотъ не были готовы къ войнѣ: въ этомъ заключается наша вѣковѣчная историческая особенность. Мнѣ пришлось вторично (первый разъ въ русско-японскую войну) наблюдать ту же картину общей растерянности и безтолковщины, вызванную нашей преступной матеріальной неготовностью. Положеніе флота еще было значительно лучше, чѣмъ положеніе арміи, такъ какъ боевые корабли, по самому характеру службы, должны

находиться всегда въ боевой готовности. Но для всякаго очевидно, что этимъ далеко не исчерпывается общая боевая готовность флота для борьбы съ опредѣленнымъ противникомъ — съ Германіей въ данномъ случаѣ. Я нисколько не сомнѣвался и даже зналъ, что въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ планъ войны съ Германіей былъ подробно разработанъ и былъ детально извѣстенъ командовавшему тогда Балтійскимъ флотомъ адмиралу Эссену и его Штабу; но какая цѣна была этому плану, разъ базы оставались неподготовленными, матеріальнаго снабженія было недостаточно, и, наконецъ, не была закончена постройкой главная сила Балтійскаго флота — его дредноуты; въ составѣ Минной Дивизіи существовалъ только одинъ серьезный истребитель «Новикъ», а мореходныя подводныя лодки имѣлись лишь въ проектѣ. Вѣдь ни для кого не было секретомъ даже въ тѣ первые дни растерянности и хаоса, что Балтійскій флотъ, можетъ быть, избѣгъ разгрома исключительно благодаря смѣлой рѣшимости адмирала Эссена, взявшаго на свою отвѣтственность, еще до офиціальнаго объявленія войны (но когда уже для всѣхъ была очевидна ея неизбѣжность) отдачу распоряженія о постановкѣ грандіознаго миннаго загражденія при входѣ въ Финскій заливъ. Но не буду опережать событій и постараюсь излагать факты въ той послѣдовательности, какъ они проходили передо мною.

10 іюля мой корабль, бывшій въ отдѣльномъ плаваніи, стоялъ въ Балтійскомъ Порту, выполняя свою учебную программу. Насколько помню, у меня плавало около ста кадетъ одной изъ среднихъ ротъ. Совершенно неожиданно въ этотъ день я получилъ распоряженіе Начальника Отряда — къ 12 іюля перейти въ Ревель, гдѣ на этотъ день назначенъ сборъ всего флота и откуда должны были начаться маневры согласно боевого мобилизаціоннаго плана. Не трудно было догадаться, что «маневры» эти вызваны были угрожающимъ положеніемъ на политическомъ горизонтѣ (раньше ни о какихъ маневрахъ не было и рѣчи), и нельзя не отмѣтить предусмотрительности и находчивости адмирала Эссена, сдѣлавшаго фактически все возможное, чтобы исправить чужія ошибки и не дать возможности нѣмцамъ захватить нашъ флотъ голыми руками въ первые же дни войны.

Въ Ревелѣ собрался почти весь нашъ наличный Балтійскій флотъ. Отсутствовали только нѣкоторые спеціальные Отряды (заградители, подводныя лодки) и суда, находящіяся въ

ремонтѣ въ Кронштадтѣ. Настроеніе на всѣхъ судахъ, особенно боевыхъ, было смутно-тревожное, но, въ то же время, бодрое и радостное: личный составъ не могъ полностью оцѣнить всѣхъ трудностей предстоящей войны и радовался съ рѣдкимъ единодушіемъ возможности осуществить свое прямое назначеніе — принять участіе въ морской войнѣ. Бодрости духа еще много способствовало то, что въ адмирала Эссена всѣ вѣрили; я не помню ни одного адмирала, — пожалуй, кромѣ Макарова, — который бы пользовался такой популярностью среди офицеровъ и командъ, какъ Эссенъ. Ему, и только ему одному, флотъ былъ обязанъ подготовкой цѣлаго ряда лихихъ боевыхъ командировъ, прошедшихъ школу на миноносцахъ; всѣ тѣ корабли, которые находились подъ непосредственнымъ его руководствомъ (въ такъ называемомъ «Дѣйствующемъ Флотѣ») сохранили до конца войны, даже въ первый періодъ революціи, прекрасный духъ и дисциплину. По своему нравственному облику — истинный воинъ и рыцарь безъ страха и упрека — только онъ одинъ могъ создать такихъ адмираловъ и командировъ, каковы были Керберъ, Бахиревъ, В. К. Пилкинъ, Бар. Гревеницъ, Непенинъ, Бестужевъ-Рюминъ, Вердеревскій, Колчакъ, Трухачевъ, Развозовъ, М. Беренсъ, Крашенинниковъ, Шевелевъ, Черкасскій, Щастный, Дудоровъ и многіе другіе. Подвиги этихъ лицъ служили прежде всего къ славѣ ихъ учителя. Да послужатъ эти краткія строки слабой данью памяти одного изъ лучшихъ нашихъ адмираловъ и одного изъ лучшихъ русскихъ людей, отдавшаго всю свою жизнь любимому дѣлу, — со стороны скромнѣйшаго изъ его былыхъ сотрудниковъ, случайно уцѣлѣвшаго послѣ боевой и революціонной грозъ, хотя и выброшеннаго за бортъ «красными» родиной и флотомъ.

День или два прошли въ совѣщаніяхъ флагмановъ. Затѣмъ были произведены боевыя перегруппировки отрядовъ и судовъ; созданы были двѣ бригады линейныхъ кораблей — 1-я изъ неготовыхъ еще дредноутовъ («Петропавловскъ», «Полтава», «Севастополь» и «Гангутъ»); 2-я — въ составѣ «Андрея Первозваннаго», «Павла 1-го», «Славы» «Цесаревича»; двѣ бригады крейсеровъ — 1-я изъ «Олега», «Богатыря», «Баяна», «Паллады» и «Адмирала Макарова»; «Рюрикъ», впослѣдствіи также вошедшій въ составъ этой бригады, былъ оставленъ въ личномъ распоряженіи Командующаго Флотомъ; 2-я — изъ «Россіи», «Громобоя», «Авроры» и «Діаны». Двѣ

Минныя Дивизіи были сведены въ одну. Суда, не имѣющія боевого значенія, были распредѣлены для несенія охранной службы по различнымъ портамъ. Возможно, что часть этихъ распоряженій была сдѣлана нѣсколько позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ войны. Характерно, что многія изъ этихъ перегруппировокъ вовсе не соотвѣтствовали заранѣе составленному мобилизаціонному плану: это лишній разъ доказываетъ, что подготовка войны въ кабинетѣ часто идетъ вразрѣзъ съ жизнью.

Характеръ организаціонной работы, выполнявшейся въ эти дни на Ревельскомъ рейдѣ, не оставлялъ никакихъ сомнѣній, что идутъ приготовленія не къ случайнымъ маневрамъ, а къ настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ, хотя никакихъ офиціальныхъ распоряженій о мобилизаціи еще и не было, да и самая возможность войны казалась проблематичной нѣкоторымъ (хотя и немногимъ) оптимистамъ изъ власть имущихъ.

Отряду Морского Корпуса приказано было прекратить свою учебную работу; старшій выпускъ гардемаринъ былъ расписанъ по боевымъ судамъ (кажется, большая часть попала на суда Минной Дивизіи), прочіе же гардемарины и кадеты были отправлены въ Петербургъ. Боевыя суда, входившія въ составъ Отряда Морского Корпуса («Россія», «Олегъ» и «Аврора»), присоединились къ своимъ бригадамъ согласно новаго распредѣленія, не-боевыя же суда («Рында», «Вѣрный» и «Воинъ») были отправлены въ Кронштадтъ.

Я принялъ на бортъ въ Ревелѣ около ста воспитанниковъ съ другихъ судовъ, затѣмъ перешелъ (кажется 13 іюля) въ Гельсингфорсъ, гдѣ снялъ съ разныхъ судовъ около 50 воспитанниковъ Морского Инженернаго Училища и, съ этимъ живымъ грузомъ, съ трудомъ размѣстившимся на верхней палубѣ, направился въ Кронштадтъ. Здѣсь я сдалъ воспитанниковъ Инженернаго Училища, а затѣмъ нѣсколько часовъ посвятилъ на поиски «начальства». Въ гавани оказалась «Аврора», раньше бывшая нашимъ флагманскимъ кораблемъ (Карцовъ состоялъ Начальникомъ Отряда и командиромъ «Авроры»). Она пришла въ Кронштадтъ вмѣстѣ съ другими крейсерами за боевымъ запасомъ и для сдачи въ портъ всего лишняго, мѣшающаго боевой обстановкѣ (мебели, всякаго дерева и т. д.). Я сунулся было на «Аврору», но засталъ тамъ новаго командира (Г. И. Бутакова) и новаго адмирала (Лѣскова), которые заявили мнѣ, что никакого отношенія больше

къ бывшему Отряду Морского Корпуса они не имѣютъ. Тогда я обратился къ старшему въ гавани — къ Начальнику Учебныхъ Отрядовъ контръ-адмиралу Сапсаю, который разъяснилъ мнѣ, что по мобилизаціи, дѣйствительно, мой корабль долженъ поступить въ его подчиненіе, но такъ какъ мобилизація еще не объявлена, то онъ и не считаетъ себя вправѣ давать мнѣ какія-либо распоряженія. Сознавъ свою «автономность», я рѣшилъ идти въ Петербургъ, дабы сдать тамъ мой живой грузъ — гардемаринъ и кадетъ. Ставъ на якорь противъ Морского Корпуса, я сдалъ туда воспитанниковъ и попытался найти Карцова, полагая, что ему что-нибудь извѣстно о моемъ дальнѣйшемъ назначеніи. Однако, Карцова въ городѣ не оказалось. На другой день съ утра я пустился ловить Начальника Главнаго Морского Штаба, которому ужъ я безусловно былъ подчиненъ, какъ командиры всѣхъ судовъ, находящихся въ Петербургѣ. Я поймалъ его на пристани яхты «Нева», гдѣ онъ провожалъ Морского Министра (Григоровича). Начальникъ Штаба (вице-адмиралъ К. В. Стеценко) на ходу приказалъ мнѣ немедленно идти въ Кронштадтъ и поступить въ распоряженіе адмирала Сапсая. Когда я хотѣлъ было возражать, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ на ухо: «мобилизація объявлена».

По приходѣ въ Кронштадтъ (это было 18 іюля), я явился опять къ Сапсаю; я доложилъ ему о мобилизаціи, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что условнаго радіо еще не было. Однако черезъ полчаса онъ прислалъ флагъ-офицера съ сообщеніемъ, что радіо получено, почему «Вѣрный» вступаетъ въ его распоряженіе и долженъ войти въ гавань. Съ этого момента началась въ Кронштадтѣ наша «игра въ войну», которая, въ обстановкѣ глубокаго тыла, имѣла совершенно комичный характеръ и изводила насъ до чрезвычайности. «Вѣрный», вмѣстѣ съ «Воиномъ», заградителемъ «Волгой», «Рындой» и «Двиной» (бывшая «Память Азова», приспособленная для Миннаго Отряда) долженъ былъ охранять отъ непріятеля (!) подходы къ Кронштадту и нести дозорную и брандвахтенную службу. Первое время служба была организована такъ: по очереди въ 10 миляхъ отъ Кронштадта по три дня стояла въ качествѣ внутренней брандвахты «Двина» или «Рында»; «Вѣрный» же, «Воинъ» и «Волга», также на три дня, выставлялись внѣшней брандвахтой недалеко отъ меридіана Стирсудденскаго маяка. Въ первые дни войны въ указанныхъ районахъ

были поставлены въ большомъ количествѣ мины загражденія сухопутнаго Инженернаго Вѣдомства; мины эти взрывались отъ удара послѣ того, какъ на берегу замыкалась цѣпь. Между минами былъ оставленъ очень узкій и извилистый фарватеръ, по которому суда проводились особыми лоцманами, при чемъ общая организація и наблюденіе за этимъ дѣломъ были поручены брандвахтеннымъ судамъ. Первое время было много работы по проводкѣ судовъ, такъ какъ приходило и уходило довольно большое число иностранныхъ пароходовъ, застрявшихъ въ Финскомъ заливѣ въ моментъ объявленія войны. Но, приблизительно черезъ мѣсяцъ, всякое движеніе прекратилось и брандвахтенная служба свелась къ трехдневному болтанію безъ всякаго дѣла на якорѣ въ открытомъ морѣ, что, при частыхъ штормовыхъ погодахъ, было и непріятно, и небезопасно.

19 іюля была объявлена, наконецъ, война. Очень скоро отъ меня убрали всѣхъ флотскихъ офицеровъ, оставивъ только старшаго офицера (сначала Блинова, потомъ Нелидова) и укомплектовали судно взятыми по мобилизаціи офицерами и прапорщиками по морской части. Затѣмъ убрали и команду, замѣнивъ ее мобилизованными стариками. Характеръ самой службы скоро упростился, такъ какъ были взяты для разныхъ надобностей въ Ревель и Гельсингфорсъ «Двина», «Рында» и «Воинъ». Такъ продолжалось до 10 декабря, когда, наконецъ, море около Кронштадта такъ основательно замерзло, что наши суда уже не въ состояніи были пробиваться на свои брандвахтенныя мѣста безъ посторонней помощи; ихъ установили на зимовку въ гавани, имѣя, однако, въ готовности къ выходу въ море въ любой моментъ. Объ этомъ «тыловомъ» періодѣ войны у меня сохранилось самое мрачное воспоминаніе: съ одной стороны — совершенно безсмысленная, хотя и тяжелая, служба; съ другой — сознаніе того, что тамъ, впереди, идетъ живая, интересная работа, о которой мы знали только по слухамъ, да по разсказамъ офицеровъ съ приходящихъ изрѣдка съ «передовыхъ позицій» боевыхъ судовъ — чаще всего заградителей, приходившихъ за свѣжимъ запасомъ минъ. Мучительнѣе всего были мысли о своей «незадачѣ», т. е. о томъ, что война застала меня, все-же боевого офицера съ неплохимъ прошлымъ, командиромъ никуда негоднаго въ боевомъ отношеніи корабля. Оставалась надежда лишь на то, что я уже около трехъ лѣтъ командовалъ «Вѣрнымъ» и, нор-

мально, въ мирное время, могъ бы ожидать полученія какого-либо новаго, болѣе высокаго назначенія: уже нѣкоторые изъ моихъ товарищей, младшихъ меня по выпуску, были произведены и получили высшія назначенія; но вѣдь эти счастливцы находились тамъ, «впереди», въ боевой линіи. Еще была у меня смутная надежда, что Начальникъ Штаба Командующаго Флотомъ, вице-адмиралъ Керберъ, вспомнитъ обо мнѣ: мы съ нимъ были старые соплаватели еще по первому плаванію крейсера «Россія» въ 97-99 г.г. Пока же я, скрѣпя сердце и совѣстясь смотрѣть въ глаза роднымъ и знакомымъ, а еще болѣе пріѣзжимъ съ фронта и съ передовыхъ позицій моимъ товарищамъ и старымъ сослуживцамъ, пользовался всѣми привилегіями тыловой жизни и частенько бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ жила моя семья и недавно родился сынъ. «Замерзнувъ» со своимъ кораблемъ въ Кронштадтѣ, я даже пытался перевестись въ Петербургъ, куда меня приглашалъ въ качествѣ батальоннаго командира старый мой сослуживецъ по Гвардейскому экипажу генералъ-маіоръ А. К. Гирсъ, командовавшій въ то время Сводным Отрядомъ Петербургскихъ экипажей; эти экипажи готовили спеціальный морской отрядъ для отправки на фронтъ. Впослѣдствіи этотъ отрядъ, развернутый въ полкъ, очень отличился на фронтѣ подъ командой кап. 1 р. Г. Н. Мазурова, также моего сослуживца по Гвардейскому экипажу.

Однако, всѣ эти планы были совершенно опрокинуты въ послѣднихъ числахъ декабря, когда я, въ одну прекрасную ночь, получилъ весьма краткую, но и весьма сладко звучащую телеграмму слѣдующаго содержанія: «телеграфируй согласенъ ли занять мѣсто Флагъ-Капитана по Распорядительной Части. Керберъ». Хотя я никогда въ жизни не служилъ въ штабахъ и питалъ органическое отвращеніе къ штабной службѣ, я сразу сообразилъ, что лучшаго способа попасть въ «боевую линію» и придумать нельзя: отъ Флагъ-Капитана зависѣли всѣ назначенія, и не было никакого сомнѣнія, что, прослуживъ нѣкоторое время въ этой чрезвычайно трудной и безпокойной должности, я автоматически долженъ былъ получить, чуть не по своему выбору, въ командованіе любой боевой корабль. Немедленно былъ посланъ отвѣтъ: «Благодарю — согласенъ», а черезъ недѣлю (6 января 1915 года) я отправился въ Гельсингфорсъ.

ГЛАВА II.

ВЪ ШТАБѢ ДѢЙСТВУЮЩАГО ФЛОТА

(Первая половина 1915 года).

Назначеніе мое Флагъ-Капитаномъ. Состояніе Штаба и характеристика лицъ, его составлявшихъ. Дѣятельность адм. Эссена. Высочайшій смотръ. Береговая жизнь въ Гельсингфорсѣ. Наступленіе весны. Тревога за Рижскій заливъ. Смерть адм. Эссена. Назначеніе Канина и Григорова. Бой 1-ой Бригады крейсеровъ у Готланда.

Спутникомъ моимъ въ поѣздѣ оказался кап. 1 р. Александръ Васильевичъ Колчакъ, состоявшій съ начала войны Флагъ-Капитаномъ по Оперативной части того же Штаба, куда я ѣхалъ для занятія должности Флагъ-Капитана по Распорядительной части. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы и теперь возвращался къ мѣсту служенія въ Гельсингфорсъ. Мнѣ было очень интересно съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ онъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, могъ посвятить меня въ общую боевую обстановку на морскомъ фронтѣ и дать мнѣ указанія и разъясненія по поводу характера и условій новой моей службы.

Я зналъ А. В. Колчака еще со школьной скамьи. Онъ былъ старше меня однимъ выпускомъ, причемъ въ послѣдній годъ его пребыванія въ Корпусѣ мы оба состояли въ одной ротѣ: онъ — фельдфебелемъ, я — унтеръ-офицеромъ. Затѣмъ мы неоднократно сталкивались на службѣ: первые два года послѣ выпуска мы были одновременно въ Тихомъ океанѣ, онъ — на «Рюрикѣ», я — на «Россіи» (97, 98 и 99 г.г.). Во время

русско-японской войны мы оба были въ Портъ-Артурѣ, гдѣ, въ концѣ мая 1904 года, должны были участвовать въ одной и той же экспедиціи на транспортѣ «Ангара» (до этого пароходъ Добр. флота «Москва», потомъ — «Печенга»). Разработка плана этой экспедиціи (прорывъ блокады и дѣйствій на путяхъ движенія японскихъ транспортовъ въ Желтомъ морѣ и Тихомъ океанѣ) въ значительной степени принадлежала А. В. Колчаку. Пароходъ былъ укомплектованъ офицерами-добровольцами, въ числѣ которыхъ были: Бестужевъ-Рюминъ, П. М. Пленъ; командиромъ состоялъ Клюпфель, старшимъ офицеромъ — Львовъ. Я былъ штурманомъ, помощникомъ же у меня состоялъ прапорщикъ С. А. Черепановъ. Къ сожалѣнію, экспедиція наша не состоялась, такъ какъ въ послѣднюю минуту адмиралъ Витгефтъ (командовавшій флотомъ послѣ Макарова), вначалѣ относившійся сочувственно къ нашему плану, отмѣнилъ его, испугавшись рискованности предпріятія. Послѣдній періодъ осады Колчакъ и я состояли на сухопутныхъ позиціяхъ и часто встрѣчались. При сдачѣ крѣпости мы оба оказались въ госпиталяхъ; у А. В., если не ошибаюсь, было воспаленіе легкихъ. Японцы эвакуировали его въ Шанхай, откуда онъ былъ отправленъ въ Россію. Меня судьба забросила въ плѣнъ въ Японію. Послѣдующіе годы мирной жизни мы встрѣчались рѣже ,такъ какъ Колчакъ служилъ частью въ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ, частью на Минной Дивизіи (командовалъ миноносцемъ «Пограничникъ) и въ Штабѣ адмирала Эссена; я же, какъ офицеръ Гвардейскаго экипажа попалъ старшимъ офицеромъ на яхту «Штандартъ» и затѣмъ былъ назначенъ командиромъ учебнаго судна «Вѣрный», который, хотя и состоялъ въ Дѣйствующемъ флотѣ, но находился всегда въ отдѣльномъ плаваніи. Однако, несмотря на это, мы здѣсь, въ поѣздѣ, встрѣтились, какъ старые пріятели.

По прибытіи въ Гельсингфорсъ, мы отправились вмѣстѣ на крейсеръ «Россія», гдѣ адмиралъ Эссенъ въ то время держалъ свой флагъ и гдѣ размѣщался его штабъ. Сообщеніе съ крейсеромъ было очень затруднительное, такъ какъ, хотя рейдъ уже и замерзъ, но прямое сообщеніе по льду еще не было налажено: приходилось путешествовать частью на извозчикѣ, частью пѣшкомъ и частью на ледоколѣ.

Съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія вошелъ я на палубу крейсера «Россія»: во первыхъ — этимъ ознаменовы-

валось мое вступленіе въ «боевую линію», о чемъ я мечталъ съ начала войны, а во вторыхъ — съ этимъ крейсеромъ у меня связывались самыя лучшія, самыя «весеннія» воспоминанія моей молодости: восемнадцать лѣтъ назадъ я началъ на немъ мою офицерскую службу, проплававъ на «Россіи» въ общей сложности около трехъ лѣтъ; въ то время это былъ грозный крейсеръ, лучшій въ свѣтѣ (его sisterships немного улучшеннаго типа «Powerful» и «Terrible», еще не были тогда готовы); мы, молодые мичмана, гордились имъ и любили его, какъ можно любить живое существо. Теперь же это былъ корабль устарѣлаго типа, уже заканчивающій свою боевую службу, но старый духъ и традиціи, составляющіе главнѣйшій элементъ живого организма всякаго корабля, еще крѣпко держались на немъ, чему не мало способствовали его былые подвиги во время русско-японской войны и недавніе удачные походы къ берегамъ Германіи: Канинъ и Колчакъ ходили на крейсерѣ въ самую южную часть Балтійскаго моря, гдѣ, подъ ихъ руководствомъ, были поставлены мины подъ самымъ носомъ главныхъ базъ германскаго флота. Командиромъ «Россіи» въ это время состоялъ кап. 1 р. Н. Л. Подгурскій, извѣстный Артурскій герой.

Явившись Начальнику Штаба вице-адмиралу Людвигу Федоровичу Керберъ и затѣмъ самому Командующему Флотомъ адмиралу Николаю Оттовичу фонъ-Эссенъ, я началъ принимать дѣла отъ моего предшественника, кап. 2 р. Д. П. Руденскаго, на что ушло около трехъ дней. Руденскій, сравнительно молодой еще офицеръ, занималъ эту должность еще до войны и, пока Штабъ не былъ развернутъ по военному положенію, назывался старшимъ флагъ-офицеромъ. Теперь же, когда къ Штабу Командующаго Флотомъ перешли многія функціи Главнаго Морского и Морского Генеральнаго Штабовъ, всѣ должности были повышены въ разрядахъ, и было признано, что Флагъ-Капитанами должны быть штабъ-офицеры, откомандовавшіе судами 2-го ранга. Руденскій былъ назначенъ выполнять свой цензъ командованія на одинъ изъ миноносцевъ 2-го ранга.

Послѣ первыхъ дней хаоса и путаницы, неизбѣжныхъ при вступленіи во всякую новую должность, я началъ понемногу осваиваться съ новой, совершенно чуждой мнѣ, обстановкой работы въ этомъ «мозгѣ» всего флота, главной пружинѣ, отъ

тѣхъ или иныхъ дѣйствій которой зависѣло выполненіе крупнѣйшей боевой задачи — обезпеченія безопасности нашего праваго фланга невѣроятно растянутой линіи сухопутнаго фронта и охраны подступовъ къ нашимъ морскимъ базамъ; кромѣ этихъ, чисто пассивныхъ, дѣйствій въ Штабѣ постоянно разрабатывались и осуществлялись всевозможныя операціи, имѣвшія цѣлью причиненіе наибольшаго вреда непріятельскому флоту и его транспортамъ. Затѣмъ, при Штабѣ велась обычная работа по руководству боевой готовностью флота по всѣмъ спеціальностямъ, по организаціи снабженія, ремонта и т. д.; сосредотачивалась подробная регистрація, учетъ, и производились всѣ назначенія по личному составу; обслуживались санитарная и военно-морская судная части флота.

При какихъ же условіяхъ протекала эта отвѣтственная работа? Соотвѣтствовала ли организація Штабной службы и работы тѣмъ колоссальнымъ требованіямъ, которыя къ нимъ повелительно предъявлялись текущимъ моментомъ? Долженъ сознаться, что не вполнѣ.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, адмиралъ Эссенъ былъ прежде всего человѣкомъ «живого» дѣла и не терпѣлъ кабинетной работы и канцелярщины. Не совсѣмъ правильно онъ отождествлялъ всякую штабную работу съ «канцелярщиной», почему и терпѣлъ ее лишь какъ неизбѣжное зло. Естественно, что онъ подбиралъ и ближайшихъ сотрудниковъ, проникнутыхъ такимъ же взглядомъ на вещи, если же и оказывались люди другого направленія, то они, въ большинствѣ случаевъ, очень быстро заражались общимъ духомъ. Въ результатѣ, работа Штаба, составленнаго изъ выдающихся офицеровъ, проникнутыхъ желаніемъ выполнить максимумъ работы, шла безсистемно, нервно, несогласованно. Кромѣ того, Штабъ былъ слишкомъ малочисленъ: подобная же работа въ обстановкѣ мирнаго времени выполнялась на берегу чуть не вдесятеро большимъ числомъ работниковъ. Вѣрно, что подобная система или, лучше сказать, безсистемность, ограждала Штабъ отъ заразы «бюрократизмомъ» или «чиновничествомъ», но всему же есть предѣлъ, и я, на основаніи личнаго опыта, долженъ сказать, что качество работы отъ всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ очень страдало: офицеры, прежде всего перегруженные работой, часто вторгались въ чужую область, отъ чего происходили споры и пререканія. Личная инціатива слиш-

комъ преобладала и объединеніе работы происходило лишь на почвѣ личныхъ отношеній, направленіе же работы свыше почти отсутствовало. Работа была живая, спору нѣтъ; но очень часто она дѣлалась впустую или недодѣлывалась.

Начальникъ Штаба, Л. Ф. Керберъ, образованный и способный морской офицеръ, прекрасно разрабатывавшій планы операцій и съ присущей ему лихостью и храбростью выполнявшій эти операціи на дѣлѣ, былъ слишкомъ нервенъ и горячъ, чтобы согласовать и направить работу всего Штаба: онъ близко интересовался только оперативными дѣлами и личнымъ составомъ, т. е. назначеніями и перемѣщеніями. Его непосредственный сотрудникъ и помощникъ — Флагъ-Капитанъ по Оперативной части А. В. Колчакъ, обладавшій изумительной способностью составлять самые неожиданные и всегда остроумные, а подчасъ и геніальные планы операцій, — не признавалъ никакого начальника, кромѣ Эссена, которому онъ всегда непосредственно докладывалъ. На этой почвѣ у Колчака съ Керберомъ всегда выходили конфликты, причемъ Эссенъ, уважавшій и цѣнившій ихъ, пожалуй, одинаково, совершенно неожиданно, оказывался въ роли примирителя обоихъ своихъ горячихъ и неуступчивыхъ помощниковъ.

При такихъ-то ненормальныхъ условіяхъ протекала многотрудная работа Штаба.

Какъ я уже упоминалъ выше, качественно Штабъ былъ составленъ прекрасно. Всѣ флагманскіе чины были по справедливости лучшими представителями Дѣйствующаго Флота — каждый по своей спеціальности. Назову ихъ поскольку могу возстановить въ своей памяти: старшимъ флагъ-офицеромъ по Оперативной части (впослѣдствіи помощникомъ Флагъ-Капитана по Опер. части) состоялъ ст. лейт. кн. М. Б. Черкасскій, замѣнившій Колчака. Этотъ выдающійся и въ высшей степени образованный морской офицеръ (онъ окончилъ Морск. Акад. Ген. Штаба) до нѣкоторой степени возмѣщалъ недостатокъ Колчака — его нелюбовь къ усидчивой работѣ: Черкасскій былъ прекраснымъ кабинетнымъ работникомъ и добросовѣстнымъ систематизаторомъ. Старшимъ флагъ-офицеромъ (впослѣдствіи помощн. Флагъ-Капитана) по Распорядительной части былъ старшій лейт. Мих. Александр. Петровъ (также оконч. Воен. Отд. Ник. Морск. Акад.); лучшаго помощника, кажется, нельзя и придумать. Онъ вѣдалъ всѣми

командами (нижними чинами) флота и если бы не онъ, то я, навѣрно, никогда бы не разобрался въ хаосѣ назначенiй, отчисленiй, переводовъ десятковъ тысячъ людей, при постоянныхъ вступленiяхъ новыхъ кораблей, перемѣнахъ въ судовыхъ составахъ, при сложныхъ табеляхъ комплектацiй, при вѣчныхъ просьбахъ и претензiяхъ о переводахъ и пополненiяхъ со стороны штабовъ бригадъ, дивизiй, отрядовъ и даже отдѣльныхъ кораблей. Онъ же вѣдалъ внѣшнимъ порядкомъ штабной жизни. Затѣмъ шли флагманскiе чины: артиллеристъ — ст. лейт. Свиньинъ — фанатически преданный своей специальности офицеръ, на первомъ мѣстѣ всегда ставившiй служебный долгъ. Онъ очень много поработалъ по организацiи артиллерiйскаго дѣла на судахъ и по морскимъ установкамъ на береговыхъ батареяхъ морского фронта. По характеру своей службы онъ очень часто бывалъ въ разъѣздахъ. Флагманскимъ минеромъ состоялъ кап. 2 р. баронъ Мирбахъ; онъ былъ главнымъ организаторомъ по разработкѣ минныхъ заградительныхъ операцiй. Флагманскимъ штурманомъ былъ стар. лейт. А. Н. Сполатбогъ; на немъ лежала сложная и отвѣтственная работа по организацiи тральнаго дѣла и, въ связи съ этимъ, составленiе картъ стратегическихъ фарватеровъ. Впослѣдствiи онъ замѣнилъ меня въ должности Флагъ-Капитана и затѣмъ былъ командиромъ крейсера «Адмиралъ Макаровъ». Весьма способный офицеръ, онъ застрялъ на службѣ у большевиковъ, впослѣдствiи былъ сосланъ и, повидимому, разстрѣлянъ. Радiо - телеграфнымъ дѣломъ вѣдалъ на правахъ флагманскаго специалиста стар. лейт. Ив. Ив. Ренгартенъ; онъ оказалъ неоцѣнимыя услуги флоту своимъ изобрѣтенiемъ радiо-пеленгатора и послѣдующими работами съ нимъ. Флагманскимъ механикомъ (впослѣдствiи — главнымъ механикомъ флота) состоялъ генералъ-маiоръ Винтеръ — прекрасный администраторъ и знатокъ ремонтнаго дѣла.

Хозяйствомъ флота и вопросами общаго снабженiя и продовольствiя, а также денежной частью, вѣдалъ и. д. флагманскаго интенданта лейт. Янковичъ; этотъ офицеръ, пожалуй, единственный изъ всего Штаба, былъ не на мѣстѣ. Онъ, несомнѣнно, обладалъ хозяйственными способностями, но, вслѣдствiе отсутствiя общаго служебнаго опыта, совершенно не въ состоянiи былъ разобраться въ сложныхъ вопросахъ денежныхъ операцiй, заготовокъ и снабженiя всего флота.

Юрисконсультомъ Штаба и флагманскимъ оберъ-аудиторомъ былъ капитанъ Мартьяновъ, счастливо выдѣлявшійся среди массы своихъ коллегъ — морскихъ юристовъ — во-первыхъ, знаніемъ морской обстановки (онъ былъ раньше флотскимъ офицеромъ), а затѣмъ — неимѣніемъ склонности всегда становиться на сторону нижнихъ чиновъ въ случаяхъ проступковъ противъ воинской дисциплины (говорю о дореволюціонномъ періодѣ, конечно).

Санитарной частью флота вѣдалъ флагманскій врачъ д.с.с. Зортъ, всю свою службу плававшій, а потому и имѣвшій большой опытъ въ организаціи санитарнаго дѣла на судахъ.

Затѣмъ при Штабѣ состояло четыре флагъ-офицера; они часто мѣнялись, такъ что я помню только лейт. Довконта, Тирбаха и Комелова; всѣ трое были выдающіеся молодые офицеры.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, составъ Штаба былъ сравнительно молодой (преобладали выпуски 1901-02 г.г. и моложе), но большинство этихъ офицеровъ принимало участіе въ русско-японской войнѣ, почему и обладало уже достаточной служебной солидностью и боевымъ опытомъ.

При Штабѣ же числился на правахъ флагъ-капитана Начальникъ Службы Связи кап. 1 р. Адріанъ Ивановичъ Непенинъ. Еще до войны, фактически, эта должность была совершенно выдѣлена изъ состава Штаба. Непенинъ постоянно проживалъ въ Ревелѣ, откуда и руководилъ съ рѣдкимъ искусствомъ сложной, и въ то же время чрезвычайно стройной, системой организаціи Службы Связи, необыкновенная налаженность которой была обязана всецѣло незауряднымъ административнымъ и хозяйственнымъ способностямъ Непенина — одного изъ самыхъ выдающихся начальниковъ морскихъ отдѣловъ Бал. флота эпохи войны съ Германіей. Непенинъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ — умѣніемъ выбирать людей и заставлять ихъ работать. Кромѣ того, въ немъ въ высшей степени былъ развитъ даръ, путемъ логическаго сопоставленія фактовъ и догадокъ, доставляемыхъ ему постами Службы Связи, и на основаніи расшифрованныхъ германскихъ радіо и карты радіо-пеленговъ устанавливать вѣроятную картину движенія непріятельскихъ судовъ, а оттуда — плановъ и намѣреній непріятеля; предсказанія его, иногда очень смѣлыя и какъ будто мало обоснованныя, почти всегда оправдывались. Его

дѣятельность въ періодъ войны по должности Начальника Службы Связи давала возможность Штабу Командующаго Флотомъ видѣть и слышать, не имѣя ни глазъ, ни ушей. Ни одна операція не начиналась, пока не получалось отъ него подробнаго и почти всегда вѣрнаго освѣщенія требуемаго раіона. На основаніи его донесеній о движеніи непріятельскихъ судовъ и транспортовъ, производились атаки — и почти всегда удачно. Я довольно подробно съ самаго начала останавливаюсь на положительныхъ сторонахъ дѣятельности А. И. Непенина, такъ какъ впослѣдствіи его яркая личность была сильно затуманена не особенно удачнымъ командованіемъ флотомъ, завершившимся столь трагической смертью его въ первые дни революціи. Его несчастье заключалось въ томъ, что, при безспорномъ умѣ и выдающихся способностяхъ, онъ не обладалъ достаточнымъ опытомъ и знаніями, необходимыми для командованія флотомъ: онъ никогда не командовалъ большими кораблями и былъ полнымъ невѣждой въ вопросахъ морской и боевой техники.

Ко времени моего вступленія въ должность Флагъ-Капитана характеръ морской войны на Балтійскомъ театрѣ въ значительной степени уже опредѣлился. Нѣмцы, въ первые дни войны не проявившіе должной рѣшительности, упустили наиболѣе благопріятный для себя моментъ для сравнительно легкаго разгрома нашего флота и созданія реальной угрозы самой столицѣ Россіи — Петербургу. Конечно, это не обошлось бы безъ жертвъ — часть ихъ флота погибла бы на нашихъ минныхъ загражденіяхъ, отъ минныхъ атакъ и въ бояхъ съ нашими кораблями: нашъ флотъ все же былъ достаточно силенъ для того, чтобы, погибая въ неравномъ бою, причинить непріятелю серьезныя потери. Но за то такимъ маневромъ германцы могли бы сразу, однимъ ударомъ, покончить войну съ Россіей, не считаясь съ нашими успѣхами на сухопутномъ фронтѣ, такъ какъ переброшенные въ раіонъ Финскаго залива, ихъ войска, оказавшись въ тылу всѣхъ нашихъ боевыхъ линій, совершенно спутали бы нашъ планъ кампаніи. Однако, нѣмцы побоялись рискнуть, и благопріятный моментъ былъ потерянъ; послѣ же объявленія войны Англіей, ихъ руки оказались совершенно связанными вслѣдствіе угрозы наступленія болѣе сильнаго Британскаго флота: нѣмцы вынуждены были беречь свои главныя силы на случай какихъ либо боевыхъ выступленій со стороны Англіи и для охраны своего

западнаго побережья. Для Балтики же были выдѣлены ихъ наиболѣе старые корабли, оборонительныя задачи которыхъ, повидимому, ограничивались охраной береговъ (базъ), широко поставленной развѣдкой, и; главнымъ образомъ — постановкой многочисленныхъ минныхъ загражденій на путяхъ движенія нашихъ кораблей. Кромѣ того, съ самаго же начала войны, ими начата была подводная война въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ подводныя лодки очень часто играли роль и минныхъ заградителей. Германскія бомбардировки Либавы, прилегающаго побережья, вторженіе отдѣльными кораблями въ Финскій заливъ (окончившееся гибелью «Магдебурга» и потерей нѣсколькихъ миноносцевъ), имѣли чисто демонстративный характеръ. Встрѣчи нашихъ боевыхъ отрядовъ съ германскими судами въ Балтійскомъ морѣ (такъ называемый бой 1-ой бригады крейсеровъ съ германской эскадрой у Готланда и др.) имѣли, несомнѣнно, случайный характеръ, и въ этихъ случаяхъ активность была всецѣло на нашей сторонѣ. Не было никакихъ сомнѣній, что боевая задача германскаго флота въ Балтійскомъ морѣ свелась, кромѣ чисто оборонительныхъ функцій, къ совмѣстной работѣ съ ихъ арміями, т. е. къ обезпеченію ихъ лѣваго фланга и помощи во время наступленій.

Когда вполнѣ выяснилась картина вѣроятной дѣятельности германскаго флота на Балтійскомъ театрѣ, работа Штаба, имѣвшая въ самомъ началѣ войны лихорадочный, случайный характеръ, вступила болѣе или менѣе въ нормальное русло. Началась непрерывная и спѣшная работа по постановкѣ минъ загражденія въ самыхъ разнообразныхъ раіонахъ: въ дополненіе къ уже поставленному центральному минному полю, затѣмъ для защиты подступовъ ко входамъ въ Або-Оландскія шхеры и въ Рижскій заливъ. Созданъ былъ планъ боя на Центральной позиціи (позади миннаго поля), въ случаѣ прорыва непріятеля въ Финскій заливъ; организована была защита входа въ Рижскій заливъ. Составлялись подробныя инструкціи для дѣйствій, въ различныхъ случаяхъ, различныхъ отрядовъ, съ наступленіемъ зимняго времени распредѣленныхъ по своимъ зимнимъ базамъ. Созданы были проэкты новыхъ береговыхъ оборонительныхъ раіоновъ, комплектуемыхъ, вооружаемыхъ и снабжаемыхъ флотомъ и подчиненныхъ непосредственно Командующему Флотомъ. Изъ такихъ позицій въ первую очередь были намѣчены къ осуществленію

Або-Оландская и Моонзундская. Окончательно перегруппированы были боевые и не-боевые отряды; создана была особая «Минная Оборона Балтійскаго Моря», въ составъ которой вошли Отрядъ Заградителей, Дивизія Траленія и часть Минной Дивизіи. Существовавшій до войны небольшой Тральный Отрядъ былъ развернутъ въ Дивизію, въ составъ которой вошли два Отряда. Для траленія были приспособлены коммерческіе пароходы малаго тоннажа съ небольшой осадкой. Создана была авіація, съ маткой «Орлица», надъ чѣмъ много потрудился капитанъ перваго ранга Б. П. Дудоровъ. Наконецъ, до послѣдней возможности, т. е. пока не замерзъ окончательно Финскій заливъ и часть Балтійскаго моря, отдѣльные крейсера и миноносцы высылались въ море для развѣдочной службы; однако, организація этой развѣдки не всегда была удачна, чему доказательствомъ можетъ служить гибель крейсера «Паллада»: находясь 28 сентября 1914 г. въ дозорѣ, онъ былъ подорванъ непріятельской подводной лодкой и быстро затонулъ; ни одинъ человѣкъ спасенъ не былъ, такъ какъ около него не находилось конвоирующихъ миноносцевъ.

Въ такомъ видѣ, въ общихъ чертахъ, рисовалась дѣятельность Штаба, а съ нимъ и всего Балтійскаго флота, ко дню моего вступленія въ составъ Штаба въ началѣ января 1915 года.

Какъ я уже упоминалъ, Штабъ былъ размѣщенъ на старомъ крейсерѣ «Россія», гдѣ также держалъ свой флагъ и жилъ Командующій Флотомъ адм. Эссенъ. Кромѣ того, въ распоряженіи Штаба находилось учебное судно «Воинъ», поставленное бортъ о бортъ съ «Россіей»; тамъ помѣщалась типографія, учетная канцелярія и жила часть чиновъ Штаба. Несмотря на это, тѣснота въ помѣщеніяхъ была страшная, что, конечно, создавало немалую помѣху работѣ; чувствовалась настоятельная необходимость въ какомъ нибудь выходѣ. Во многихъ иностранныхъ флотахъ штабы высшихъ морскихъ начальниковъ размѣщались на берегу или на особыхъ не боевыхъ судахъ (яхтахъ), и лишь для маневровъ или боя адмиралъ переходилъ на боевой корабль, беря съ собой такъ называемый «походный штабъ». Подъ давленіемъ обстоятельствъ, адмиралъ Эссенъ рѣшилъ завести на нашемъ флотѣ нѣчто подобное. Былъ купленъ подходящій финляндскій пассажирскій пароходъ «Полярисъ», и приступлено было къ пе-

редѣлкѣ его въ качествѣ «базы Штаба». Самъ Эссенъ не очень сочувствовалъ идеѣ созданія подобной «базы», совершенно правильно считая, что адмиралъ и его штабъ должны всегда находиться на томъ кораблѣ, на которомъ придется вступить въ бой, и только сознаніе полной невозможности размѣстить весь Штабъ на боевомъ кораблѣ, заставило его согласиться съ планомъ учрежденія особаго штабного корабля. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, Эссенъ рѣшилъ, что онъ съ Походнымъ Штабомъ (Начальникъ Штаба, оба Флагъ-Капитана, флагъ-офицеры, флагманскій артиллеристъ и штурманъ) въ періодъ навигаціоннаго времени, будетъ находиться преимущественно на томъ боевомъ кораблѣ, на которомъ онъ предполагалъ вступить въ бой въ случаѣ прорыва нѣмцевъ на Центральную позицію; таковымъ кораблемъ былъ избранъ дредноутъ «Севастополь».

Пока же, въ ожиданіи готовности штабного корабля, мы продолжали сидѣть на «Россіи». Въ эту зиму на Гельсингфорскомъ рейдѣ были собраны: 1-я бригада линейныхъ кораблей (контръ-адмиралъ А. С. Максимовъ), — къ этому времени уже всѣ дредноуты вошли въ строй; 2-я бригада линейныхъ кораблей, (контръ-адмиралъ Небольсинъ); 2-я бригада крейсеровъ (контръ-адмиралъ Лѣсковъ); Минная Оборона (вице-адмиралъ Канинъ), составленная изъ Отряда Заградителей, Дивизіи Траленія (кап. 1 р. Киткинъ) и части Минной Дивизіи. Кромѣ того, здѣсь же формировался Отрядъ Транспортовъ (кап. 1 р. Скаловскій). Командиромъ Свеаборгскаго порта состоялъ въ то время кап. 1 р. Теше.

Въ то же время въ Ревелѣ зимовала 1-я бригада крейсеровъ (контръ - адмиралъ Бахиревъ), 2-й Отрядъ Траленія (кап. 2 р. Ковалевскій), часть Отряда Заградителей и большая часть Минной Дивизіи (контръ-адмиралъ Шторре).

Ко времени моего прибытія въ Гельсингфорсъ были получены свѣдѣнія что нѣмцы, освѣдомившись о сборѣ здѣсь почти всего флота, рѣшили, якбоы, произвести рядъ цеппелинныхъ и аэропланныхъ налетовъ на городъ, съ цѣлью причинить поврежденія нашему флоту, стоящему въ довольно тѣсномъ порядкѣ на внутреннемъ рейдѣ, скованномъ льдомъ. Хотя простой арифметическій подсчетъ показывалъ, что подобная операція почти невыполнима принимая во вниманіе удаленность германскихъ базъ и обычный раіонъ дѣйствія

аэроплановъ и цеппелиновъ, все же, исходя изъ пословицы, что «береженаго и Богъ бережетъ», были приняты всевозможныя предупредительныя мѣры. По предложенію штабъ-офицера для связи съ крѣпостью кап. 2 р. Щетинина, всѣ корабли были спѣшно перекрашены дешевой мѣловой краской въ бѣлый цвѣтъ: выкрашены были не только борта, но и верхнія палубы, надстройки сверху и т. д., съ такимъ расчетомъ, чтобы, смотря сверху, корабли сливались съ окружающимъ льдомъ, покрытымъ снѣгомъ. Конечно, полнаго «исчезновенія» достигнуть было нельзя, но, во всякомъ случаѣ, по словамъ нашихъ летчиковъ, съ нѣкоторой высоты и при наличіи пасмурности, очень трудно было разсмотрѣть отдѣльные корабли. Съ берега же, въ солнечную погоду, корабли имѣли прямо сказочный видъ: точно всѣ корабли, по мановенію волшебной палочки феи изъ «Спящей Красавицы», сразу обратились въ глыбы льда, составивъ одно цѣлое съ окружающимъ ледянымъ покровомъ, сковавшимъ рейдъ. Въ городѣ тоже проведена была полная организація на случай налета: по сигналу сиреной, повторяемому въ различныхъ частяхъ города, всѣ огни должны были тушиться, и жителямъ рекомендовалось скрываться въ подвальныя помѣщенія. Обычно же, съ наступленіемъ темноты, всѣ окна вообще должны были закрываться ставнями, и на улицахъ зажигались рѣдкіе фонари съ синими колпаками, что давало слабый мертвенный свѣтъ. Однако, большой оживленный городъ, считавшій себя наполовину «заграничнымъ», туго поддавался дисциплинѣ военнаго времени; жизнь продолжала кипѣть ключемъ, по вечерамъ всѣ кинематографы и рестораны были полны разношерстной публикой, которая, расходясь по домамъ, освѣщала себѣ путь ручными электрическими фонариками, чѣмъ устраивала настоящую иллюминацію, весьма полезную для оріентировки непріятельскихъ «налетчиковъ», буде они заблагоразсудили бы прилетѣть.

Однако, Гельсингфорсу такъ и не пришлось дождаться непріятельскихъ налетовъ: надо думать, что нѣмцы не рѣшились тронуть столицы Финляндіи, желая этимъ вызвать симпатіи къ себѣ со стороны шведскаго населенія, и такъ въ значительной своей части настроеннаго германофильски.

Какъ курьезъ, слѣдуетъ упомянуть, что одна бомба все-таки была сброшена съ аэроплана въ городъ: но въ этой

бомбѣ былъ повиненъ не непріятель, а не кто иной, какъ А. В. Колчакъ. Этотъ послѣдній, въ свободное отъ «операцій» время, очень увлекался «воздушнымъ» дѣломъ и часто леталъ въ качествѣ пассажира. Какъ-то онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ летчикомъ для испытанія новой бомбы, которую надлежало сбросить на опытномъ полѣ за городомъ. Однако, предварительно они еще покрутились надъ городомъ, и здѣсь, ужъ не помню по чьей винѣ, бомба сорвалась и упала въ чей-то огородъ, взрывомъ перепугавъ до полусмерти окружающее населеніе; жертвъ, по счастію, не было. Колчакъ былъ чрезвычайно сконфуженъ, такъ какъ легкомысліе, въ сущности, было вопіющее; исторію кое-какъ замяли.

Вынужденное отсутствіе активности въ дѣйствіяхъ флота, вызванное ледоставомъ, было не по душѣ адм. Эссену. Его кипучей, дѣятельной натурѣ необходимо было постоянное движеніе. Вслѣдствіе этого ему не сидѣлось въ сравнительно комфортабельной и спокойной обстановкѣ на флагманскомъ кораблѣ, и онъ все время разъѣзжалъ — то въ Ревель для осмотровъ новыхъ береговыхъ оборонительныхъ сооруженій и свиданій съ Непенинымъ и Герасимовымъ (Комендантомъ Крѣпости), то въ Або, то въ Моонзундъ для осмотра строющейся новой базы миноносцевъ — гавани Роггекюль. Обычно онъ бралъ съ собой Колчака и одного изъ флагъ-офицеровъ, чаще всего Тирбаха. Въ Петербургъ онъ ѣздить избѣгалъ, такъ какъ, повидимому, тамошняя атмосфера ему не очень нравилась; въ случаяхъ надобности онъ посылалъ туда Колчака, или меня. Примѣру Эссена слѣдовалъ и Колчакъ, непосѣдливой натурѣ котораго претила спокойная штабная жизнь: онъ пользовался каждымъ намекомъ на «авантюру», чтобы хоть на нѣсколько дней уѣхать изъ Гельсингфорса.

Въ промежутки между своими разъѣздами Эссенъ собиралъ на совѣщанія флагмановъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей. Изъ наличныхъ адмираловъ чаще всего у него бывалъ Канинъ, который пользовался особымъ довѣріемъ Эссена. Канинъ, почти вся служба котораго протекла въ Черномъ морѣ, лишь незадолго передъ войной былъ назначенъ Начальникомъ Отряда Заградителей и особенно выдѣлился прекраснымъ выполненіемъ заградительной программы въ первые дни войны, въ кратчайшій срокъ совершивъ безъ единой жертвы грандіозную работу по постановкѣ центральнаго миннаго загражденія, имѣя въ своемъ распоряженіи

крайне несовершенныя средства. Въ теченіе двухъ сутокъ было поставлено 2200 минъ. Онъ не отличался выдающимися способностями подобно Колчаку, Керберу и многимъ другимъ сотрудникамъ Эссена, но былъ безспорно умнымъ человѣкомъ и прекраснымъ хозяиномъ, съ большимъ служебнымъ и техническимъ опытомъ. Кромѣ того, онъ обладалъ въ высшей степени качествомъ поддерживать самыя лучшія отношенія съ самыми разнообразными элементами людей. Человѣкъ выдержанный, покладистый, и несомнѣнно имѣвшій большой запасъ здраваго смысла, Канинъ постепенно завоевалъ при адм. Эссенѣ положеніе перваго совѣтника, и даже друга. Это обстоятельство часто вызывало столкновенія между нимъ и Керберомъ, который не могъ примириться съ подобнымъ вторженіемъ въ его права по должности Начальника Штаба, естественнаго перваго совѣтника Командующаго Флотомъ. Пожалуй, Керберъ былъ единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ Канину не удалось наладить отношеній, несмотря на всю его ловкость. По всему чувствовалось, что они — два соперника, и что борьба за власть, за преобладающее значеніе во флотѣ, между ними неминуема. Также уже тогда было ясно, что горячему, несдержанному Керберу, не побѣдить спокойнаго, выдержаннаго Канина. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этой борьбѣ Канинъ имѣлъ еще одно крупное преимущество — онъ былъ чисто русскаго происхожденія: въ это время на флотѣ, подъ флагомъ опасеній «германофильства» и прогерманскаго шпіонажа, шла опредѣленная работа противъ всѣхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія; частично она коснулась даже безупречнаго Эссена; на Кербера же, вообще человѣка невоздержаннаго на языкъ и никогда не скрывавшаго своихъ остзейскихъ симпатій, обрушивалась масса нападокъ и нелѣпѣйшихъ обвиненій. Въ концѣ концовъ онъ понялъ опасность своей позиціи и пытался спасти положеніе шагомъ, чрезвычайно удивившимъ своей непослѣдовательностью всѣхъ насъ, его друзей — съ Высочайшаго разрѣшенія онъ перемѣнилъ фамилію и сталъ именоваться «Корвинымъ»; но было уже слишкомъ поздно.

Черезъ мѣсяцъ или два послѣ пріѣзда въ Гельсингфорсъ, я болѣе или менѣе вошелъ въ курсъ моей новой работы. Главная ея трудность заключалась не въ усидчивой рутинной работѣ, отнимавшей ежедневно время съ 8 ч. утра до 7 ч. вечера, а въ постоянныхъ разговорахъ и удовлетвореніяхъ

претензій начальствующихъ лицъ, добивающихся какихъ-либо перемѣщеній или назначеній офицеровъ и нижнихъ чиновъ; всѣ эти начальники считались исключительно со своими узкими отрядными или судовыми интересами, и не хотѣли понять того, что Штабъ старался провести систему абсолютной справедливости, руководствуясь лишь степенью серьезности задачъ, возлагаемыхъ на различные отряды и суда. Работа, принимая во вниманіе общую нехватку въ хорошихъ кадровыхъ офицерахъ и въ нижнихъ чинахъ спеціалистахъ, была безспорно очень трудная, но, положа руку на сердце, долженъ сказать, что нами дѣлалось все, чтобы уничтожить лицепріятство и довести комплектованіе до нормы. Разговоры мои съ начальствующими лицами, изъ коихъ большинство было старше меня въ чинѣ, требовали постояннаго наличія такта, извѣстной дипломатической ловкости и, въ то же время, авторитетной твердости. Не мнѣ судить, насколько я соотвѣтствовалъ этимъ требованіямъ, но могу сказать одно, что на мои нервы подобная работа дѣйствовала весьма разрушительно. Мнѣ еще значительно помогало то обстоятельство, что по прежней службѣ у меня сохранились съ очень многими адмиралами и командирами прекрасныя отношенія, а также то, что въ случаѣ надобности, я всегда могъ расчитывать на поддержку Начальника Штаба, который относился ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и вполнѣ по-товарищески.

Въ январѣ 1915 г., несмотря на тяжелыя навигаціонныя условія, Эссеномъ была сдѣлана послѣдняя попытка проявить «активность». Была назначена экспедиція для постановки минъ съ миноносцевъ къ сѣверу отъ Данцига; 1-я бригада крейсеровъ должна была прикрывать работу миноносцевъ. Бригада вышла въ составѣ «Рюрика», на которомъ держалъ свой флагъ начальникъ экспедиціи контръ-адмиралъ Бахиревъ, «Адмирала Макарова», «Олега» и «Богатыря»; для постановки минъ былъ выдѣленъ полудивизіонъ особаго назначенія. Не безъ труда миновавъ ледяной покровъ, отрядъ направился къ острову Готландъ, гдѣ встрѣтилъ штормовую погоду съ пургой, во время которой «Рюрикъ» прошелъ черезъ необозначенную на картѣ банку, получивъ при этомъ серьезныя поврежденія, съ которыми, къ счастью, ему удалось справиться своими средствами. Миноносцы, однако, поставили минное загражденіе,

послѣ чего весь отрядъ вернулся въ Ревель *). «Рюрикъ» вскорѣ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, гдѣ его ремонтъ затянулся на нѣсколько мѣсяцевъ. Случай съ «Рюрикомъ» доказалъ Эссену рискованность подобныхъ экспедицій въ зимнее время, вслѣдствіе чего онъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей активности впредь до открытія навигаціи, т. е. до середины апрѣля.

Въ концѣ февраля или въ началѣ марта, въ Гельсингфорсѣ состоялся Высочайшій смотръ флоту. Смотръ продолжался всего одинъ день и прошелъ вполнѣ гладко. Государь посѣтилъ «Россію», гдѣ ему были представлены всѣ начальствующіе лица, нѣкоторые другіе флагманскіе корабли, и проѣхалъ, затѣмъ, на автомобилѣ по льду мимо всего флота, восторженно привѣтствуемый нескончаемыми криками «ура» будущихъ революціонеровъ и большевиковъ — «красы и гордости революціи», сокрушившей монархію. Въ этотъ день въ послѣдній разъ я разговаривалъ съ Царемъ, выглядѣвшимъ постарѣвшимъ и утомленнымъ; во время этого разговора мнѣ и въ голову не приходило, какая ужасная участь ожидаетъ этого чуднаго, добраго, кристальной души человѣка, отдавшаго всю жизнь на служеніе Родинѣ...

Въ свитѣ Государя находились Флагъ-Капитанъ Его Величества генералъ-адьютантъ адмиралъ К. Д. Ниловъ, флигель-адьютанты полковникъ Дрентельнъ и кап. 2 р. Саблинъ 2-й. Интересно отмѣтить, что для оказанія помощи по приготовленіямъ къ смотру, самъ себя командировалъ въ нашъ Штабъ кап. 2 р. Альтфатеръ (изъ Штаба Сѣв. Фронта). Убѣжденія этого офицера были въ то время до такой степени «монархичны», что никому бы и въ голову не пришло, что этотъ самый Альтфатеръ въ будущемъ сдѣлается однимъ изъ самыхъ «сознательныхъ» сотрудниковъ большевиковъ. Эссенъ хотѣлъ воспользоваться Высочайшимъ смотромъ, чтобы провести въ адмиралы Колчака; однако изъ этого ничего не вышло вслѣдствіе какихъ-то треній, существовавшихъ между Эссеномъ и придворной партіей, имѣвшей тогда на Царя большое вліяніе. Сравнительно спокойныя условія службы, благодаря прекра-

---

ПРИМѢЧАНІЕ. Краткое описаніе похода и аваріи крейсера "Рюрикъ", составленное бывшимъ флагманскимъ штурманомъ 1-й бригады крейсеровъ кап. 2 р. Н. Н. Крыжановскимъ, выполнявшимъ штурманскую часть этого похода — смотри приложеніе №1.

щенію навигаціи, давали возможность личному составу пользоваться нѣкоторыми удобствами береговой жизни. Почти каждый день семейнымъ офицерамъ Штаба удавалось съѣзжать на берегъ и проводить вечеръ дома, возвращаясь на корабль въ 7 час. утра. Связанность со Штабомъ телефономъ позволяла, въ случаѣ надобности, очень быстро во всякое время ночи являться на флагманскій корабль.

Я долженъ отмѣтить, что семьи нисколько не мѣшали правильному теченію службы: наоборотъ, онѣ давали отдыхъ и успокоеніе всѣмъ, кому дано было счастіе имѣть семью, и здоровое развлеченіе холостой молодежи; служба шла еще глаже и успѣшнѣе. Я вообще считаю, что особенности морской службы требуютъ непремѣннаго наличія семьи, уютнаго домашняго угла; иначе изъ людей, вынужденныхъ служить во флотѣ, вырабатываются бездушные черствые автоматы, теряющіе постепенно всѣ лучшія стороны человѣческой натуры. Ничто такъ не ожесточаетъ и не изсушаетъ человѣка, какъ необходимость служить и работать въ искусственно созданной «монастырской» обстановкѣ, безъ возможности отдыхать время отъ времени въ береговой нормальной средѣ, въ обществѣ близкихъ людей.

Подобныя условія жизни на флотѣ и въ Штабѣ продолжались до весны, до начала ледохода. Къ этому времени всѣ подготовительныя работы къ новой боевой кампаніи, а также всѣ текущіе ремонты были закончены. Съ начала апрѣля всѣ корабли постепенно начали переходить по своимъ боевымъ базамъ: 2-я бригада крейсеровъ — въ Або-Оландскій раіонъ, 1-я бригада крейсеровъ (кромѣ «Рюрика») въ Лапвикъ и Люмъ, Минная Дивизія — въ Моонзундъ и тоже Лапвикъ. Заградители начали свою работу по постановкѣ минъ. Дивизія Траленія приступила къ очисткѣ секретныхъ стратегическихъ фарватеровъ, проложенныхъ причудливыми зигзагами между площадями, сплошь усѣянными нашими минами загражденія. Зашевелились и нѣмцы: ихъ подводныя лодки начали показываться у Дагерорта, у Такхоны, у входовъ въ Або-Оландскія шхеры и даже у Наргена. Настроеніе на флотѣ и въ Штабѣ сдѣлалось тревожнѣе; береговая жизнь почти прекратилась.

Съ начала весны начались и наши неуспѣхи на сухопутномъ фронтѣ. Постепенное отступленіе нашихъ войскъ заставило очистить побережье почти до Ирбенскаго пролива. Непосред-

ственная угроза Рижскому заливу, а съ нимъ и Моонзунду — этому ключу ко входу въ Финскій заливъ помимо центральнаго миннаго загражденія — создала новыя заботы нашему флоту. Слабость Церельскихъ береговыхъ позицій (тамъ въ то время существовали только 6" или 120-ти миллиметровыя береговыя батареи), заставили адм. Эссена принять рѣшеніе забросать минами Ирбенскій проходъ и прилегающій раіонъ моря; нѣсколько линій загражденій должно было быть поставлено также по наружному побережью къ югу. Недостатокъ крупной артиллеріи рѣшено было возмѣстить посылкой въ Рижскій заливъ кругомъ Дагерорта (Моонзундомъ могли проходить суда съ осадкой лишь не свыше 15 футъ) одного изъ старыхъ линейныхъ кораблей: рискъ былъ очень большой, но этимъ кораблемъ жертвовали ради важности задачи. Большая часть Минной Дивизіи была стянута въ Рижскій заливъ, имѣя основной базой Куйвастъ (на Moонѣ), передовой — Аренсбургъ и тыловой — Роггекюль. Начальникомъ Минной Дивизіи и въ то же время Начальникомъ Обороны Рижскаго залива, былъ назначенъ и вступилъ въ должность 12 мая контръ-адмиралъ П. Л. Трухачевъ, очень способный и опытный офицеръ, въ началѣ войны съ большимъ успѣхомъ командовавшій крейсеромъ «Олегъ». Трухачевъ былъ близкимъ другомъ Непенина и Колчака и пользовался большимъ довѣріемъ адм. Эссена. Вся его предыдущая служба протекла въ Гвардейскомъ экипажѣ, но почти исключительно на боевыхъ судахъ. Во время русско-японской войны мы съ нимъ вмѣстѣ были отправлены отъ экипажа по жребію въ Портъ-Артуръ, гдѣ онъ командовалъ миноносцемъ «Безстрашный», проявивъ себя лихимъ командиромъ.

Характеръ способностей Трухачева во многомъ напоминалъ Непенина: природа надѣлила его большимъ здравымъ смысломъ; онъ былъ очень находчивъ, сообразителенъ и обладалъ рѣдкимъ остроуміемъ; онъ былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ дружеской компаніи, очень быстро сходясь съ людьми на товарищескую ногу и, въ то же время, былъ прекраснымъ боевымъ офицеромъ и строгимъ, требовательнымъ начальникомъ, не считавшимся въ служебной обстановкѣ съ личными отношеніями. Онъ былъ несомнѣнно выше Непенина своей выдержкой, опытомъ и знаніями, и если бы не его болѣзнь и преждевременная смерть — можно бы было ожидать для него самой блестящей боевой карьеры.

Въ связи съ тревожнымъ положеніемъ въ Рижскомъ заливѣ, въ началѣ апрѣля адм. Эссенъ рѣшилъ перенести свою «ставку» въ Ревель — поближе къ театру военныхъ дѣйствій и къ «душѣ» службы связи — Непенину. Эссенъ со Штабомъ перешелъ въ Ревель на крейс. «Россія», здѣсь же уже насъ ожидалъ «Кречетъ» — новая база Штаба, передѣланная наскоро изъ парохода «Полярисъ». Раньше чѣмъ мы успѣли перебраться на «Кречетъ» Балтійскій флотъ постигъ тягчайшій ударъ — 8 мая, въ частной береговой лечебницѣ скончался адмиралъ Эссенъ. Постоянное нервное возбужденіе, связанное съ тяжелой отвѣтственностью передъ Родиной, и вѣчные походы на миноносцахъ, безъ самыхъ элементарныхъ удобствъ, при разнообразныхъ условіяхъ погоды — еще задолго до окончательной болѣзни подломили здоровье Эссена. Однако, онъ не слушалъ никакихъ резоновъ близкихъ лицъ и продолжалъ работать, какъ всегда. Тотчасъ же послѣ перехода нашего въ Ревель, онъ совершилъ поѣздку въ автомобилѣ на одну изъ береговыхъ позицій, причемъ одѣлся очень легко, несмотря на холодную погоду и рѣзкій вѣтеръ. По возвращеніи онъ слегъ и, перевезенный на другой день въ госпиталь, черезъ пять дней, несмотря на всѣ усилія врачей, скончался отъ грудной жабы: не выдержало сердце. Потеря для флота была незамѣнима: Эссенъ былъ «единственный». Въ него всѣ вѣрили; одно сознаніе, что всѣмъ руководитъ Эссенъ, спаивало самые разнообразные элементы флота, удерживало отъ междоусобныхъ треній (столь частыхъ среди русскихъ начальниковъ, къ сожалѣнію) и заставляло весь личный составъ, отъ послѣдняго матроса до адмираловъ, работать не за страхъ, а за совѣсть. Подобная популярность адм. Эссена не была обязана исключительно его незауряднымъ военнымъ талантамъ: несомнѣнно, очень много значили и обаятельность его личности, огромный житейскій и служебный опытъ и его славное прошлое. Онъ ушелъ, и замѣнить его было некѣмъ. Правда, послѣ него осталась цѣлая плеяда превосходныхъ офицеровъ его школы — но среди нихъ, по совѣсти, не было ни одного, который бы былъ достаточно подготовленъ къ трудной и отвѣтственной роли Командующаго Флотомъ. Со смертью Эссена во флотѣ воцарилось многовластіе, такъ какъ ни Канинъ, ни Непенинъ, ни послѣдующіе Командующіе Флотомъ революціоннаго времени, не въ состояніи были объединить власть: постоянно отдѣльные началь-

ники проявляли излишнюю самостоятельность, часто вредную для общей работы.

Весь флотъ, какъ одинъ человѣкъ, оплакивалъ адмирала Эссена.

Временно, по Уставу, командованіе флотомъ принялъ Начальникъ его Штаба вице-адмиралъ Керберъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ходили упорные слухи, что Керберъ останется на посту Командующаго Флотомъ, но затѣмъ 10 мая, была получена телеграмма изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, что Командующимъ Флотомъ назначается вице-адмиралъ Канинъ, причемъ одновременно съ этимъ ему давалось старшинство въ чинѣ, дабы не быть моложе Кербера, произведеннаго въ вице-адмиралы раньше Канина. Какъ говорили потомъ, главную роль въ выборѣ Канина сыграло нѣмецкое происхожденіе и цѣлый рядъ доносовъ на Кербера, хотя многіе даже въ Ставкѣ смотрѣли на него, какъ на естественнаго преемника Эссена. Послѣ же Кербера, Канинъ былъ старшій, да и, пожалуй, наиболѣе популярный адмиралъ на флотѣ. Надо сознаться, что Керберъ не пользовался симпатіями личнаго состава, главнымъ образомъ изъ-за его рѣзкости и все того же нѣмецкаго происхожденія. Я же лично считалъ, что все же Керберъ лучше всѣхъ другихъ могъ бы замѣнить Эссена, такъ какъ онъ зналъ всѣ его замыслы и со свойственной ему энергіей сумѣлъ бы провести ихъ.

Тотчасъ же послѣ вступленія Канина въ должность, пришелъ изъ Ставки приказъ о созданіи «Эскадры Линейныхъ Кораблей» (т.е. сведены были во-едино 1-я и 2-я бригады линейныхъ кораблей) и о назначеніи на постъ Начальника эскадры вице-адмирала Кербера; Начальникъ же 1-й бригады линейныхъ кораблей Максимовъ назначался Начальникомъ Минной Обороны. Я не помню, кѣмъ былъ разработанъ планъ объ этихъ перемѣщеніяхъ; по всей вѣроятности, все это было рѣшено въ Ставкѣ Верховнаго, гдѣ находился весьма освѣдомленный Морской Отдѣлъ (во главѣ этого Отдѣла, кажется, въ то время уже состоялъ контръ-адмиралъ Ненюковъ). Кербера, очевидно, нужно было убрать, такъ какъ, во-первыхъ, одно время онъ былъ старше Канина, а во-вторыхъ, прежняя обостренность отношеній Кербера и Канина не допускала возможности ихъ совмѣстной службы въ столь тѣсномъ общеніи. Перемѣщеніе Максимова также имѣло свои основа-

нія. Адмиралъ Максимовъ, лихой артурскій командиръ миноносца «Безшумный», оказался совсѣмъ не на высотѣ на высшихъ должностяхъ. Человѣкъ съ огромнымъ самомнѣніемъ и честолюбіемъ, тупой и завистливый, онъ всегда доставлялъ массу хлопотъ Командующему Флотомъ и былъ ненавидимъ всѣмъ подчиненнымъ личнымъ составомъ. Онъ былъ рѣзокъ и нетерпимъ, очень неровенъ и все хотѣлъ передѣлать по своему, причемъ это «свое» въ большинствѣ случаевъ было нежизненно и часто ломало коренные устои морской службы. Спорить съ нимъ и убѣждать его, вслѣдствіе его безграничнаго упрямства, было совершенно немыслимо. Назначеніе его на Минную Оборону — должность искусственно созданную, въ сущности было понято имъ (и довольно вѣрно), какъ почетная отставка, что окончательно ожесточило его обидчивую и весьма неглубокую натуру, чѣмъ была создана прекрасная почва для его послѣдующихъ «революціонныхъ» подвиговъ.

На постъ Начальника Штаба, по выбору Канина, былъ назначенъ командиръ дредноута «Гангутъ» кап. 1 р. Н. М. Григоровъ, произведенный тѣмъ же приказомъ въ контръ-адмиралы. Прекрасный, образованный и съ большимъ штабнымъ опытомъ офицеръ — Григоровъ, къ сожалѣнію, обладалъ однимъ крупнымъ недостаткомъ — онъ былъ страшный «тугодумъ»; и не то, чтобы онъ туго соображалъ вообще — онъ, безспорно, былъ человѣкомъ свѣтлаго ума но, благодаря ли натурѣ или выработанной привычкѣ (вѣрнѣе — благодаря и тому, и другому вмѣстѣ) онъ не могъ принять рѣшенія, не обдумавъ, не «обмозговавъ» всесторонне всѣхъ деталей. При спокойныхъ, кабинетныхъ условіяхъ работы, можетъ быть, подобная система была бы только желательна, но въ нервной боевой обстановкѣ она приносила существенный вредъ: отъ быстраго рѣшенія обычно зависѣлъ весь успѣхъ дѣла, промедленіе же въ рѣшеніи часто являлось источникомъ полнаго провала, не говоря уже про то, что подобная медлительность производила очень дурное впечатлѣніе на подчиненныхъ («начальникъ нерѣшителенъ — значитъ онъ не знаетъ, что дѣлать»). Особенно трудно было привыкнуть къ Григорову послѣ Эссена и Кербера, которые отличались способностью принимать рѣшенія съ молніеносной быстротой и, въ большинствѣ случаевъ, удачно. Канинъ, къ сожалѣнію, также не отличался смѣлостью въ принятіи рѣшеній, такъ что со смер-

тью Эссена характеръ работы нашего Штаба, а съ нимъ и дѣйствія флота, коренныімъ образомъ разомъ измѣнились: было много совѣщаній, обсужденій, «обмозговываній», и сравнительно мало активныхъ дѣйствій. Нѣкоторое оживленіе въ работу Штаба вносили Колчакъ и Непенинъ, которые дѣйствовали теперь уже почти самостоятельно: Канинъ относился къ нимъ съ безграничнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, какъ къ «высшимъ существамъ». Григоровъ же, хотя и пытался вогнать ихъ въ рамки «положенія о Штабѣ» и подчинить себѣ, но обычно запаздывалъ и очень часто оказывался въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ.

Я не привожу здѣсь болѣе подробной характеристики Канина, такъ какъ о немъ уже были упоминанія въ свое время, нѣкоторыя же новыя его черты обнаружатся попутно съ изложеніемъ дальнѣйшихъ событій.

Ко времени послѣднихъ дней командованія адм. Эссена, или первыхъ дней вступленія въ должность Канина, относится печальное событіе для нашего флота — гибель отъ непріятельской подводной лодки заградителя «Енисей».

«Енисей» возвращался въ Ревель послѣ постановки минъ гдѣ-то въ раіонѣ Дагерорта или при входѣ въ Финскій заливъ, и былъ подорванъ непріятельской лодкой недалеко отъ Балтійскаго Порта. Онъ опрокинулся и затонулъ въ нѣсколько минутъ, раньше, чѣмъ успѣли спустить шлюпки. Только одинъ офицеръ и 19 человѣкъ команды были спасены рыбачьими лодками, находившимися у берега и видѣвшими картину гибели «Енисея»; всѣ же остальные офицеры и около 200 человѣкъ команды погибли. Многіе погибли уже въ водѣ, не выдержавъ холода. Геройски велъ себя командиръ кап. 1 р. Прохоровъ, который до самаго послѣдняго момента оставался ан мостикѣ, отдавая распоряженія спокойнымъ голосомъ, и пошелъ ко дну вмѣстѣ со своимъ кораблемъ *).

Тѣмъ временемъ мы перебрались на новый нашъ штабной корабль — посыльное судно «Кречетъ». Въ видахъ соблюденія

*) Интересна и трогательна подробность, о которой потомъ разсказывали спасенные: когда выяснилось, что гибель корабля неминуема, командиръ запѣлъ гимнъ, который немедленно былъ подхваченъ командой и затихъ лишь, когда "Енисей" уже окончательно погрузился въ воду. И это меньше, чѣмъ за два года до революціи!

экономіи въ личномъ составѣ, командиромъ «Кречета» былъ назначенъ флагманскій минный офицеръ кап. 2 р. бар. Мирбахъ, а старшимъ офицеромъ — флагманскій интендантъ, лейт. Янковичъ. Передѣлка парохода заключалась лишь въ томъ, что, путемъ соединенія нѣсколькихъ пассажирскихъ каютъ, было создано помѣщеніе для Командующаго Флотомъ, Начальника Штаба и флагманскаго механика; въ остальныхъ же каютахъ лишь поставили письменные столы, шкапы и убрали лишнія койки. Каюты оказались маленькія, тѣсныя и душныя. Но за то теперь весь Штабъ и всѣ его учрежденія, не исключая архива и типографіи, оказались собранными воедино. Кромѣ того, на «Кречетѣ» была установлена сильная станція радіо-телеграфа и прямой проводъ.

За это лѣто мы довольно часто переходили на «Кречетѣ» изъ Ревеля въ Гельсингфорсъ и обратно, причемъ въ обоихъ этихъ портахъ у насъ имѣлись постоянныя мѣста для швартовки: въ Ревелѣ — въ концѣ берегового мола, а въ Гельсингфорсѣ — у особой пристани рядомъ съ угольной, въ Военномъ порту.

Въ теченіе лѣта (въ его первую половину) всѣ большіе корабли прошли курсы стрѣльбъ, причемъ особое вниманіе было обращено на дредноуты. Кромѣ курса стрѣльбъ были продѣланы общіе маневры, въ которыхъ приняли участіе всѣ линейные корабли и часть крейсеровъ. Маневры происходили въ районѣ нѣсколько восточнѣе Ревеля и Гельсингфорса и представляли собою всевозможныя комбинаціи боя позади центральнаго миннаго загражденія, въ случаѣ прорыва германскаго флота въ Финскій заливъ. На время маневровъ адмиралъ съ Походнымъ Штабомъ пересѣлъ на «Рюрикъ», который маневрировалъ во главѣ всего флота. Маневры нельзя было назвать удачными: сказывалось полное отсутствіе практики въ совмѣстныхъ эволюціяхъ всего флота. Ни Канинъ, ни Григоровъ, не обнаружили способностей флотоводцевъ: маневры прошли безъ подъема, вяло и нерѣшительно. Изъ отдѣльныхъ частей флота лучше всѣхъ маневрировали дредноуты, что слѣдуетъ приписать энергіи и распорядительности Кербера и прекраснымъ качествамъ командировъ (Пилкинъ 1, бар. Гревеницъ, Бестужевъ-Рюминъ и Кедровъ). Во время маневровъ принимались всѣ мѣры предосторожности на случай появленія непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, такъ какъ

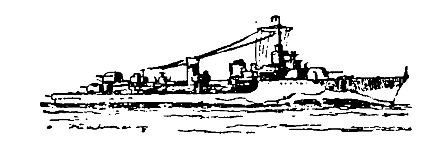
уже имѣлись достовѣрныя свѣдѣнія объ единичныхъ случаяхъ проникновенія этихъ лодокъ въ тыловой раіонъ Финскаго залива.

18-19 іюня начались активныя дѣйствія нашихъ большихъ кораблей противъ непріятеля въ Балтійскомъ морѣ. Послѣ занятія нѣмцами Виндавы (5 іюня) угроза Рижскому заливу стала настолько реальной, что Командующій Флотомъ рѣшилъ продѣлать какую-либо крупную демонстрацію въ тылу нѣмцевъ для отвлеченія ихъ вниманія и силъ отъ Рижскаго залива, что дало бы возможность выиграть время для завершенія оборонительныхъ работъ при входѣ въ Рижскій заливъ. Было рѣшено обстрѣлять Мемель. Для выполненія этой операціи была избрана 1-я бригада крейсеровъ въ полномъ своемъ составѣ. На высотѣ о-ва Готланда, при находящей слоистой туманности, бригада совершенно неожиданно наткнулась на германскій развѣдочный отрядъ, бывшій въ составѣ крейсеровъ «Роонъ», «Бременъ», «Аугсбургъ» и заградителя «Альбатросъ». Наши корабли немедленно открыли огонь; послѣ получасового боя, причемъ были получены легкія поврежденія какъ германскими, такъ и нашими судами, крейсера «Роонъ». «Бременъ» и «Аугсбургъ» воспользовались нашедшимъ туманомъ и вышли изъ сферы нашего огня, оставивъ на произволъ судьбы своего слабѣйшаго товарища «Альбатроса», который въ короткій срокъ былъ окончательно разстрѣлянъ огнемъ нашихъ крейсеровъ и выбросился на берегъ у Эстергарна. Вслѣдъ за тѣмъ «Рюрикъ» въ туманѣ потерялъ остальные крейсера и двигаясь въ поискахъ ихъ, вторично наткнулся на «Роонъ», «Бременъ» и «Аугсбургъ». Какъ оказалось впослѣдствіи, наши крейсера незадолго передъ этимъ также встрѣтили непріятеля, но уклонились отъ боя, считая силы неравными. «Рюрикъ» немедленно открылъ огонь изъ своей крупной артиллеріи по «Роону», причемъ при первыхъ же залпахъ достигъ накрытія. Черезъ 15-20 минутъ боя «Роонъ», повидимому, получилъ серьезныя поврежденія и уклонился отъ дальнѣйшаго боя, скрывшись въ туманѣ на югъ. Изъ-за тумана же «Рюрикъ» лишенъ былъ возможности преслѣдовать. Вскорѣ послѣ этого наши крейсера соединились и пошли на сѣверъ, такъ какъ для новыхъ боевъ, а также для обстрѣла Мемеля, у нихъ оставалось слишкомъ мало снарядовъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что

«демонстрація» удалась, хотя и не такъ, какъ это предполагалось въ первоначальномъ планѣ. Весьма возможно, что нѣмцы, напуганные нашей активностью, затянули на нѣсколько недѣль свое наступленіе на Рижскій заливъ.

Наши крейсера по возвращеніи въ Ревель, чествовались, какъ герои; и дѣйствительно, нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствія ихъ были выше похвалы, и если не была достигнута полная побѣда, то въ этомъ виноваты были не наши крейсера, а условія погоды (туманъ), давшія возможность врагу ускользнуть отъ полнаго разгрома. Всѣ наши корабли получили поврежденія, которыя, однако, не лишили ихъ боеспособности ни на одинъ день.

Воспользовавшись временнымъ затишьемъ, наступившимъ на Рижскомъ фронтѣ послѣ нашего крейсерскаго похода, въ Рижскій заливъ былъ проведенъ линейный корабль «Слава». Предварительно Ирбенскій проливъ былъ протраленъ, послѣ чего «Слава», подъ прикрытіемъ дредноутовъ «Петропавловска» и «Гангута», 15 іюля благополучно совершила свой переходъ, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля.

ГЛАВА III.

БОЕВАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЬ ФЛОТА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1915 ГОДА.

Первое наступленіе нѣмцевъ на Рижскій заливъ. Уроки этого наступленія и новыя работы по усиленію обороны Рижскаго залива. Послѣдующія событія въ Рижскомъ заливѣ, и участіе въ нихъ Колчака. Назначеніе Колчака Начальникомъ Минной Дивизіи. Дѣйствія большихъ кораблей. Обзоръ организаціи и дѣятельности отдѣльныхъ частей флота.

Въ концѣ іюля, наконецъ, нѣмцы собрались съ силами и приступили къ форсированію Ирбенскаго пролива. Какъ я уже упоминалъ выше, входъ въ Рижскій заливъ былъ защищенъ почти исключительно минными загражденіями, такъ какъ наши слабыя береговыя батареи могли быть опасны только миноносцамъ и тральщикамъ, въ распоряженіи же Начальника Морской Обороны Рижскаго залива, кромѣ 40 старыхъ миноносцевъ, имѣлась лишь «Слава» и нѣсколько канонерскихъ лодокъ (въ Ригѣ); такимъ образомъ, противопоставить непріятельскимъ большимъ кораблямъ было фактически ничего. Слѣдовательно, въ сущности, серьезныхъ помѣхъ для проникновенія Германскаго флота въ Рижскій заливъ не существовало, послѣдствія же отъ этого должны были получиться огромныя: владѣя Рижскимъ заливомъ, нѣмцы имѣли полную возможность высадить десантъ въ тылу нашей сухопутной линіи обороны и поставить въ безвыходное положеніе нашъ правый флангъ, упирающійся въ море немного сѣвернѣе Виндавы. Поэтому можно себѣ предста-

вить, какая паника поднялась въ нашемъ Штабѣ, когда, 26 іюля, было получено тревожное сообщеніе отъ Трухачева, что въ виду Ирбена появилось до 50 непріятельскихъ судовъ; вслѣдъ же за тѣмъ, — что непріятель приступилъ къ траленію и обстрѣливаетъ изъ дальнобойныхъ орудій своихъ большихъ кораблей районъ по внутреннюю сторону Ирбена, гдѣ сосредоточены морскія силы Рижскаго залива. Посыпались распоряженія Трухачеву: «держаться во что бы то ни стало», «не допускать траленія», «возстановлять минныя поля по ночамъ» и т. д.

Войска (кажется, бригада морскихъ стрѣлковъ), расположенныя на островѣ Эзелѣ и Моонъ, были спѣшно приведены въ боевую готовность. Войска эти, однако, проявили полную растерянность, благодаря нераспорядительности и трусости Начальника бригады кап. 1 р. Ф. и полному бездѣйствію Начальника позиціи кап. 1 р. Ш. Къ счастью, помощь этихъ войскъ не понадобилась.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней Трухачевъ пытался бороться съ наступавшимъ врагомъ, мѣшая его траленію и выставляя за ночь новыя минныя загражденія; но — «сила солому ломитъ», и вскорѣ непріятельскимъ большимъ кораблямъ удалось добраться до Ирбена, хотя и понеся немалыя потери въ тральщикахъ и миноносцахъ, подорвавшихся на минахъ и пострадавшихъ отъ нашего артиллерійскаго огня. Съ этого момента участь Рижскаго залива была рѣшена. Постепенно отступая со своими судами, Трухачевъ, въ концѣ концовъ, укрылся въ южную часть Моонзунда, оставивъ въ Рижскомъ заливѣ лишь дозоры. 4-го августа траленіе было закончено, и непріятельскій флотъ вошелъ въ Рижскій заливъ. Донесеніе объ этомъ событіи повергло въ естественное уныніе какъ начальствующихъ лицъ, такъ и весь флотъ. Не трудно было понять, какія послѣдствія можетъ имѣть это событіе: съ одной стороны, это могло повлечь за собой уничтоженіе праваго фланга нашей арміи, занятіе нѣмцами Риги и т. д.; а съ другой стороны, имъ теперь ничего не стоило забрать Моонзундъ, всѣ острова и запереть нашъ флотъ въ Финскомъ заливѣ, позади Центральнаго Миннаго загражденія, лишивъ его возможности оказывать какую-либо помощь нашему сухопутному фронту. Однако, уже въ первые дни послѣ прорыва германцевъ въ Рижскій заливъ, начало выясняться, что то странное: кромѣ демонстративнаго наступленія на Пер-

новъ *) и попытки затопить тамъ при входѣ въ гавань пароходъ, да потопленія артиллерійскимъ огнемъ (тремя нѣмецкими крейсерами) канонерской лодки «Сивучъ», въ ночь прорыва шедшей изъ Риги въ Моонзундъ, нѣмцы не проявили активности и не показывались въ виду Моонзунда. Наконецъ, произведенная черезъ нѣсколько дней послѣ прорыва (8 августа) глубокая развѣдка не обнаружила въ Рижскомъ заливѣ **ни одного** германскаго корабля. Телеграмма объ этомъ, полученная въ нашемъ Штабѣ, вызвала полное ликованіе. Что же, однако, заставило нѣмцевъ уйти? Тогда всѣ недоумѣвали, но и до сихъ поръ я не знаю истинныхъ причинъ ухода нѣмецкаго флота изъ Рижскаго залива: мнѣ не пришлось ознакомиться съ нѣмецкими описаніями этого періода войны, гдѣ, нѣтъ сомнѣнія, приведены какіе-либо резоны столь страннаго, не сказать безсмысленнаго, поведенія непріятеля. Ходили слухи, что одной изъ причинъ было то, что нѣмцы во время прорыва потеряли слишкомъ много кораблей, подорвавшихся на нашихъ минахъ. По другой версіи говорили, что адмиралъ, прорвавшійся въ Рижскій заливъ, превысилъ полномочія, за что и былъ отозванъ со своимъ флотомъ (дико, но на нѣмцевъ похоже). Но, такъ или иначе, Рижскій заливъ былъ чистъ отъ нѣмцевъ и наши суда вновь заняли свои сторожевые посты у Ирбена; подходъ къ Ирбену немедленно былъ забросанъ новыми минами загражденія, что ставило окончательный крестъ на крупный морской успѣхъ нѣмцевъ, сводя его на пораженіе и создавая для насъ побѣду. Трухачевъ, нимало этого не ожидавшій, оказался героемъ дня: онъ получилъ Георгіевскій крестъ по статуту и былъ произведенъ въ контръ-адмиралы.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ періодъ прорыва нѣмцевъ въ Рижскій заливъ, произошло одно блестящее дѣло, вписавшее, пожалуй, самую красивую страницу въ исторію нашей морской войны съ Германіей на Балтійскомъ морѣ. Миноносецъ «Новикъ», подъ командой кап. 2 ранга Мих. Андр. Беренса, неожиданно, въ туманную погоду, во время развѣдки, встрѣтился съ двумя большими, новѣйшей постройки, германскими миноносцами и вступилъ съ ними въ артиллерійскій бой; несмотря на преимущество непріятеля въ артилле-

*) Эта операція, совершенно несерьезная и имѣвшая чисто демонстративный характеръ, была чрезвычайно раздута благодаря фантастическому донесенію Начальника мѣстнаго гарнизона полковника Пав. Вл. Родзянко (Шталмейстера, брата Предсѣдателя Государственной Думы).

ріи (6 — 100-миллиметровыхъ пушекъ противъ 4), «Новикъ», искуснымъ маневрированіемъ и мѣткимъ огнемъ, черезъ 17 минутъ боя, привелъ въ полную негодность одинъ изъ миноносцевъ, который, потерявъ возможность управляться, сѣлъ на мель, имѣя сильный пожаръ; второй миноносецъ, получившій также сильныя поврежденія, воспользовался дымовой завѣсой и спасся бѣгствомъ. «Новикъ» же почти не понесъ поврежденій и благополучно вернулся въ свою базу. За этотъ лихой бой Беренсъ и артиллерійскій офицеръ лейт. Федотовъ 2-ой получили Георгіевскіе кресты, что несомнѣнно было ими заслужено.

За время наступленія нѣмцевъ, наши потери, кромѣ погибшей въ неравномъ бою съ тремя непріятельскими крейсерами канонерской лодки «Сивучъ» *), заключались еще въ канонерской лодкѣ «Кореецъ». Лодка эта вышли изъ Риги одновременно съ «Сивучемъ», благополучно миновала непріятельскія суда, занятыя разстрѣломъ «Сивуча», но побоялась идти въ Моонзундъ, предполагая, что входъ уже заблокированъ непріятелемъ; считая свое положеніе безнадежнымъ, командиръ (кап. 2 р. Федяевскій) рѣшилъ выброситься на берегъ и взорвать корабль, дабы не допустить захвата его непріятелемъ. Это непродуманное рѣшеніе, къ сожалѣнію, было исполнено на мелководномъ плесѣ къ западу отъ входа въ Перновскую губу. Послѣ этого офицеры и команда походнымъ порядкомъ добрались до Куйваста. Впослѣдствіи все, что возможно, было снято съ лодки, самую же лодку спасти уже было нельзя.

Легкость прорыва нѣмецкаго флота въ Рижскій заливъ заставила болѣе серьезно отнестись къ плану защиты Ирбена. Прежде всего уширенъ былъ районъ минныхъ загражденій, въ помощь которымъ предположено было затопить нѣсколько группъ баржъ и пароходовъ съ камнями, чѣмъ достигалось съуженіе фарватера и создавалась помѣха траленію. Затѣмъ составленъ былъ проектъ сооруженія у Цереля (на полуостровѣ Сворбэ) батареи изъ 4-хъ 12" орудій, съ обстрѣ-

*) Въ ночь прорыва нѣмцевъ въ Рижскій заливъ, съ 4 на 5 августа она шла изъ Риги въ Моонзундъ и на пути была настигнута тремя непріятельскими легкими крейсерами, которые потопили ее своимъ артиллерійскимъ огнемъ; отъ массы попаданій на ней возникъ рядъ пожаровъ, отъ которыхъ, по словамъ очевидцевъ, корпусъ ея раскалился до-красна. "Сивучъ", до послѣдняго момента, отвѣчалъ на огонь. Нѣмцами было спасено съ него 2 офицера и 40 матросовъ. Командиромъ лодки былъ кап. 2 р. Черкасовъ.

ломъ до 150 кабельтововъ; пушки должны были быть сняты съ тыловыхъ батарей Финскаго залива. Кромѣ того, рѣшено было немедленно приступить къ углубленію до 28' канала между сѣверной и южной частями Моонзунда, дабы имѣть возможность держать въ Рижскомъ заливѣ большіе корабли. Такимъ образомъ создавалась дѣйствительная, а не воображаемая, защита Рижскаго залива: проектируемая батарея должна была обладать дальностью обстрѣла, превышающей самую большую дальность артиллеріи германскаго флота, т. е. теоретически не должна была пропустить ни одного непріятельскаго судна въ районъ траленія подходовъ къ Ирбену. На случай же прорыва непріятеля въ Рижскій заливъ — выработанъ былъ планъ обороны уже въ водахъ Рижскаго залива при помощи большихъ кораблей («Слава», «Цесаревичъ», крейсера), судовъ Минной Дивизіи и подводныхъ лодокъ.

Къ работамъ по осуществленію всѣхъ этихъ проектовъ было приступлено немедленно. Каналъ былъ законченъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что еще до зимы, для поддержки «Славы», былъ проведенъ до Куйваста крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ». Нѣмцы работамъ не мѣшали, такъ какъ до весны центръ тяжести германскаго наступленія перешелъ на юго-западный фронтъ, и въ Рижскомъ районѣ наступило затишье.

Поздняя осень и зима 1915-1916 г. г. оставили во мнѣ блѣдное воспоминаніе. Насколько мнѣ помнится, за этотъ періодъ выдающихся боевыхъ событій въ Балтійскомъ морѣ не произошло.

Однако, активность оставалась въ нашихъ рукахъ, и предпринимаемыя время отъ времени нашими миноносцами и большими кораблями дальнія развѣдки и постановки минныхъ банокъ у германскихъ береговъ, должны были причинять немало безпокойства нашему врагу.

Въ Рижскомъ заливѣ, несмотря на наступившее со стороны нѣмцевъ затишье, наши суда все время проявляли усиленную дѣятельность, обстрѣливая главнымъ образомъ прибрежныя позиціи германскихъ войскъ, которыя, одновременно съ наступленіемъ ихъ фронта въ Рижскій заливъ, продвинулись по берегу почти до мѣстечка Шлокъ. 12 сентября «Слава», уже не въ первый разъ обстрѣливая эти позиціи, понесла тяжелыя потери: шальная непріятельская шрапнель залетѣла

въ амбразуру боевой рубки и, разорвавшись тамъ, убила на мѣстѣ командира кап. 1 р. Вяземскаго, флагманскаго артиллериста нашего Штаба стар. лейт. Свиньина (командированнаго въ Моонзундъ для организаціи стрѣльбы по берегу) и 4-хъ матросовъ; изъ бывшихъ въ рубкѣ чудомъ уцѣлѣлъ лишь одинъ штурманскій офицеръ лейтенантъ Ваксмутъ. Всѣ очень жалѣли бѣднаго Свиньина — этого фанатика войны и своей спеціальности, глубоко честнаго и порядочнаго человѣка, всегда отдававшаго себя цѣликомъ тому дѣлу, которому онъ служилъ.

За смертью Свиньина флагманскимъ артиллеристомъ Штаба былъ назначенъ кап. 2 р. Н. И. Игнатьевъ, служившій до этого въ артиллерійскомъ отдѣлѣ Главнаго Управленія Кораблестроенія и въ Генморѣ, — очень способный и опытный артиллерійскій офицеръ, совмѣщавшій въ себѣ незаурядную энергію съ серьезными техническими знаніями и рѣдкимъ служебнымъ тактомъ. Живой и остроумный человѣкъ, чуждый всякаго бюрократизма, онъ внесъ въ нашъ Штабъ свѣжую, бодрящую струю, что было весьма кстати, такъ какъ за послѣдній годъ «мозгъ флота», руководимый слишкомъ спокойными и уравновѣшенными Канинымъ и Григоровымъ, началъ покрываться налетомъ плесени.

4-го сентября Начальникъ Минной Дивизіи контръ-адмиралъ Трухачевъ захворалъ (вывихнулъ руку, оступившись и упавъ на сходнѣ), и временно вмѣсто него былъ назначенъ Колчакъ, который оставался въ должности вплоть до выздоровленія Трухачева — до 11 ноября. Несмотря на кратковременность пребыванія въ должности, Колчакъ успѣлъ развить самымъ плодотворнымъ образомъ свою кипучую энергію. Онъ былъ созданъ для службы на миноносцахъ, это была его стихія. Колчакъ неоднократно говорилъ своимъ друзьямъ, что вѣнцомъ его желаній всегда было получить въ командованіе Минную Дивизію: онъ чувствовалъ, что тамъ онъ будетъ на мѣстѣ, и о большемъ не мечталъ. Его оперативные замыслы, связанные съ миноносцами, всегда были неожиданны, смѣлы и рискованны, но въ то же время ему всегда сопутствовало счастье; однако, это не было слѣпое счастье, а своего рода предвидѣніе, основанное на охотничьей вѣрности глаза и привычкѣ къ успѣху. Его молніеносные налеты на непріятельскіе транспорты въ шведскихъ водахъ, атаки на непріятельскіе миноносцы, самыя смѣлыя постановки минъ подъ

носомъ нѣмцевъ, можно было сравнить съ лихими кавалерійскими набѣгами или атаками. Въ концѣ концовъ, за цѣлый рядъ подвиговъ, которые трудно было подвести подъ какіе-либо статуты, Колчакъ, по Высочайшему повелѣнію, помимо Георгіевской Думы, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія; очевидно трудно было найти офицера, болѣе достойнаго этой награды.

За періодъ своего временнаго командованія, Колчакъ осуществилъ уже давно задуманную имъ десантную операцію въ тылу германскаго лѣваго фланга. Канинъ, Григоровъ и Непенинъ были противъ этой операціи, справедливо полагая, что, не давъ существенныхъ результатовъ, она можетъ спровоцировать новое наступленіе нѣмецкаго флота на Рижскій заливъ; но Колчаку слишкомъ не по душѣ было вынужденное бездѣйствіе, и онъ настоялъ на своемъ. Однако, вслѣдствіе настояній начальства пришлось сократить размѣры операцій до минимума и, въ концѣ концовъ, она свелась къ скромной авантюрѣ, имѣвшей цѣлью доказать полную возможность подобной операціи и въ болѣе крупномъ масштабѣ.

Десантъ состоялъ изъ двухъ ротъ морскихъ стрѣлковъ, эскадрона драгунъ и подрывной партіи, подъ общимъ командованіемъ кап. 2 р. П. О. Шишко (командира миноносца «Инж.-Мех. Дмитріевъ»). Высадка была произведена у мыса Доменесъ въ ночь съ 8 на 9 октября, безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля, обнаружившаго непростительное отсутствіе бдительности. Отрядъ снялъ сторожевой постъ у маяка Доменесъ, и только послѣ этого прибыло два отряда ландштурма (всего 150 человѣкъ), которые должны были охранять прилегающее побережье. Благодаря полной неосвѣдомленности этихъ отрядовъ о произведенной нами высадкѣ, десанту удалось застать ихъ врасплохъ и, послѣ короткаго боя, что называется, разбить ихъ на голову: у нѣмцевъ былъ убитъ 1 офицеръ и 42 солдата, 7 человѣкъ взято въ плѣнъ; наши же потери ограничились 4-мя тяжело ранеными. Однако, сейчасъ же послѣ боя, опасаясь прибытія подкрѣпленій, нашъ отрядъ спѣшно погрузился на суда и благополучно вернулся въ Моонзундъ. Такимъ образомъ, «авантюра» блестяще удалась и доказала, что подобныя операціи вполнѣ возможны; это, однако, не поколебало упорства «начальства», и подобныя операціи больше не повторялись до конца войны.

Послѣ этого Колчакъ занялся морскими операціями: въ началѣ ноября онъ совершилъ очень удачный «набѣгъ» на Виндаву, гдѣ (около банки Спаунъ) уничтожилъ непріятельское дозорное судно.

Большіе корабли, т. е. дредноуты и 1-я бригада крейсеровъ за этотъ періодъ тоже не бездѣйствовали; въ теченіе осенняго и зимняго періода, подъ начальствомъ Кербера (Начальника эскадры линейныхъ кораблей), были продѣланы двѣ очень смѣлыя операціи въ южную часть Балтійскаго моря, съ цѣлью постановки минныхъ банокъ на путяхъ слѣдованія германскихъ кораблей. Въ экспедиціяхъ 29 октября и 22 ноября приняли участіе дредноуты «Петропавловскъ» и «Гангутъ» въ качествѣ «заслона» съ юга, и 1-я бригада крейсеровъ подъ командой адм. Бахирева (въ первой экспедиціи — «Рюрикъ», «Макаровъ», «Баянъ»; во второй — «Рюрикъ», «Макаровъ», «Баянъ», «Богатырь» и «Олегъ»); крейсера ставили мины. Обѣ операціи прошли вполнѣ удачно.

Въ декабрѣ адм. Трухачевъ почувствовалъ первые приступы болѣзни, отъ которой онъ впослѣдствіи скончался (по всей вѣроятности — ракъ желудка). Условія службы на Минной Дивизіи не давали ему никакой возможности сколько-нибудь систематически лѣчиться, почему Командующій Флотомъ рѣшилъ предоставить ему болѣе спокойную должность: 23 декабря онъ былъ назначенъ Начальникомъ 1 бригады крейсеровъ. Въ связи съ этимъ назначеніемъ былъ произведенъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ высшемъ командномъ составѣ флота. По вопросу о назначеніи преемника Трухачеву споровъ не было: для всѣхъ было слишкомъ очевидно, что это мѣсто по праву принадлежитъ Колчаку. Въ Штабѣ Колчака замѣнилъ кап. 2 р. кн. М. Б. Черкасскій, состоявшій съ начала войны помощникомъ Флагъ-Капитана по оперативной части.

Рѣдкое назначеніе привѣтствовалось столь единодушно всѣмъ флотомъ и даже обществомъ (морскимъ, конечно), какъ назначеніе Колчака на Минную Дивизію. И, надо сказать, что онъ вполнѣ оправдалъ тѣ надежды, которыя на него возлагались: никогда миноносцы не работали такъ интенсивно и успѣшно, какъ при немъ. Остается только пожалѣть что онъ такъ недолго оставался во главѣ своего любимаго дѣтища — Минной Дивизіи, отъ котораго былъ оторванъ совершенно неожиданно, чтобы занять хотя и высокій,

но нежеланный постъ Командующаго Черноморскимъ Флотомъ. Но не буду забѣгать впередъ.

Циклъ перемѣщеній начался съ ухода вице-адмирала Кербера. Уходъ этого блестящаго, боевого адмирала, имѣвшаго несчастіе быть русскимъ нѣмцемъ, былъ, пожалуй, предрѣшенъ еще съ момента вступленія въ должность Командующаго Флотомъ адм. Канина; кромѣ того, повидимому, эта смѣна произошла не безъ вѣдома самаго Кербера, а, можетъ быть, даже явилась слѣдствіемъ его личныхъ просьбъ. Дѣло въ томъ, что положеніе его на Флотѣ было очень тяжелое (вслѣдствіе постоянныхъ обвиненій его въ германофильствѣ) и безнадежное въ смыслѣ продвиженія вверхъ, отчего, конечно, сильно страдало его самолюбіе. Уходъ его являлся, до нѣкоторой степени, выходомъ изъ положенія, давая ему возможность приложить энергію на новомъ дѣлѣ (ему было поручено завѣдываніе заграничными заказами для нуждъ Флота). Еще передъ революціей Керберъ уѣхалъ по службѣ въ Лондонъ, гдѣ и оставался до самой смерти (онъ скончался, кажется, въ 1919 г.). Вмѣсто Кербера Начальникомъ эскадры былъ назначенъ контръ-адмиралъ Бахиревъ, произведенный, кажется, одновременно съ этимъ въ вице-адмиралы. Онъ предпочелъ бы, по всей вѣроятности, остаться на крейсерской бригадѣ, съ которой онъ сроднился еще за время командованія крейсеромъ «Рюрикъ», но съ нимъ, къ сожалѣнію, не церемонились. Бахиревъ, одинъ изъ лучшихъ боевыхъ начальниковъ старшаго поколѣнія, всегда былъ образцомъ личной храбрости, служебной честности и исполнительности. Благодаря его скромности и отсутствію карьернаго честолюбія, во время войны онъ оставался сравнительно въ тѣни, что не мѣшало ему, однако, пользоваться большой популярностью во флотѣ, которая не поколебалась даже въ революціонныя времена. О немъ вспоминали лишь когда нужно было спасти почти безнадежное положеніе, какъ это случилось въ Моонзундѣ въ сентябрѣ 1917 года. Въ теченіе всей войны Бахиревъ состоялъ Предсѣдателемъ Думъ Георгіевской и Георгіевскаго Оружія.

Тѣмъ временемъ нѣмцы продолжали вести подводную войну, держа подъ угрозой своихъ лодокъ не только внѣшніе районы моря, но и внутрннія воды, достаточно защищенныя, казалось, нашими минными загражденіями. Успѣшно дѣйст-

вовали и англійскія подводныя лодки, присланныя Британскимъ Правительствомъ намъ въ помощь, ввиду неготовности нашихъ большихъ лодокъ. Англійскія лодки, которыхъ къ концу войны у насъ было семь, пробрались Зундомъ (гдѣ только одна, восьмая, Е-13, выскочивъ на камни въ Зундѣ, была уничтожена нѣмецкими миноносцами въ территоріальныхъ водахъ). и имѣли превосходный личный составъ. Вначалѣ командовалъ всѣмъ Отрядомъ капитанъ второго ранга Лоренсъ, котораго въ 1916 году смѣнилъ кап. 2 р. Кроми, впослѣдствіи злодѣйски убитый большевиками во время обороны Британскаго Посольства въ Петроградѣ. Этими лодками было подорвано и потоплено нѣсколько германскихъ боевыхъ судовъ. На каждой лодкѣ состояло по одному нашему офицеру, говорящему по англійски, «для связи». Лодки стояли въ Ревелѣ; базой имъ служилъ старый крейсеръ «Память Азова», переименованный въ «Двину». Наши большія лодки тоже постепенно начали вступать въ строй, но имъ или не везло, или же личный составъ былъ не на высотѣ. Послѣднее, пожалуй, было вѣроятнѣе: надо сказать, что во главѣ Подводнаго Плаванія уже давно стоялъ адмиралъ Левицкій (кажется товарищъ Эссена по выпуску) — прекрасный техникъ, но весьма слабый и небойкій администраторъ. Благодаря его попустительству, еще до войны, изъ Подводнаго Плаванія образовалась «лавочка», т. е. тамъ засѣли люди, преслѣдующіе скорѣе личные интересы и думающіе о карьерѣ, а отнюдь не любители и не фанатики подводнаго дѣла. Съ началомъ войны Левицкій не сумѣлъ обновить личнаго состава, и всѣ эти «дѣятели» остались чуть не во главѣ дѣла, ревниво оберегая свою «лавочку» отъ вторженія новыхъ, свѣжихъ элементовъ. Были тамъ, конечно, и хорошіе офицеры, но имъ ходу не было; нѣсколько такихъ офицеровъ погибло при первыхъ же атакахъ нашихъ лодокъ. Обычно же наши лодки непріятеля не встрѣчали, хотя и плавали въ тѣхъ же районахъ, гдѣ англичане дѣйствовали весьма успѣшно. Въ послѣдніе дни командованія адм. Эссена, Левицкій былъ назначенъ наблюдающимъ за постройкой новыхъ лодокъ, во главѣ же Подводной Дивизіи былъ поставленъ кап. 1 р. Подгурскій. Назначеніе это нельзя было назвать удачнымъ. Внѣшне Подгурскій какъ будто вполнѣ подходилъ къ этой должности: онъ былъ подводный офицеръ, хорошо знакомый съ техникой дѣла; кромѣ того, его прош-

лая блестящая боевая служба давала основанія думать, что онъ сумѣетъ внести живую струю въ работу лодокъ. На дѣлѣ же вышло не такъ; утомленный болѣзнью (послѣдствіе ранненія его на Высокой Горѣ въ Портъ-Артурѣ), Подгурскій уже не въ состояніи былъ проявлять прежней энергіи, почему и подпалъ вскорѣ подъ вліяніе тѣхъ самыхъ лицъ, которыя больше всего вредили живому дѣлу. Неувѣренные, и мало согласованные съ общей обстановкой, оперативные планы Подгурскаго, вскорѣ, возстановили противъ него Непенина, бывшаго раньше его большимъ другомъ. Естественно, что съ назначеніемъ Непенина Командующимъ Флотомъ, Подгурскій былъ убранъ изъ Подводнаго Плаванія.

Работа тральщиковъ, этихъ истинныхъ скромныхъ «смертниковъ», полуобреченныхъ на гибель, продолжалась безъ перерыва. Ни одинъ выходъ большихъ кораблей даже изъ гавани не обходился безъ ихъ помощи. Кромѣ того, необходимо было все время поддерживать въ чистотѣ всѣ стратегическіе фарватеры, такъ какъ нѣмцы пользовались каждымъ случаемъ, чтобы «засорить» ихъ минами: и съ подводныхъ лодокъ, и съ чухонскихъ лайбъ, по всей вѣроятности. Надо отдать справедливость Дивизіи Траленія, что она выполняла свою работу хорошо и безропотно. Начальникъ Дивизіи кап. 1 р. Киткинъ сумѣлъ внушить своему личному составу истинныя понятія о боевомъ долгѣ: а это было нелегко, если принять во вниманіе сборность этого личнаго состава, недостатокъ кадровыхъ офицеровъ и крайне тяжелыя и опасныя условія работы, лишенной какихъ бы то ни было внѣшнихъ признаковъ геройства. Киткинъ не обладалъ блестящими способностями флотоводца, да, повидимому, и не претендовалъ на нихъ; но онъ, несомнѣнно, былъ знатокомъ тральнаго дѣла и, что очень важно — прекраснымъ, заботливымъ хозяиномъ. Пожалуй, онъ былъ самымъ частымъ гостемъ нашего Штаба, досаждая всевозможными просьбами о личномъ составѣ и ихъ награжденіяхъ, а также по вопросамъ снабженія, ремонта и увеличенія судового состава. Поспорить съ нимъ въ упорствѣ и настойчивости при различныхъ служебныхъ требованіяхъ могъ лишь одинъ Непенинъ, который за то и почитался истиннымъ «мучителемъ» Штаба (самъ же себя, конечно въ насмѣшку, онъ называлъ: «умученный отъ штаба младенецъ Адріанъ»).

Какъ я уже упоминалъ, Дивизія Траленія дѣлилась на два Отряда. Дивизіей и 1-мъ Отрядомъ командовалъ Киткинъ, 2-мъ же Отрядомъ, вновь сформированнымъ въ началѣ войны — кап. 1 р. Ковалевскій 2-й. Первый Отрядъ состоялъ изъ небольшихъ миноносцевъ типа «Циклонъ» и изъ настоящихъ тральщиковъ, спеціальной постройки; въ составъ же 2-го Отряда входили исключительно приспособленные грузовые пароходы, реквизированные по военно-судовой повинности по всѣмъ портамъ Финскаго залива.

Однако, несмотря на усиленное траленіе, въ началѣ осени 1915 года, погибъ на минѣ еще одинъ нашъ заградитель, и притомъ самый крупный — «Ладога». Имѣя на борту Начальника Отряда контръ-адмирала Рейна (назначеннаго послѣ ухода Канина), «Ладога» была отправлена поставить минную банку въ Балтійскомъ морѣ къ югу отъ Або-Оландскихъ шхеръ, гдѣ предполагалось присутствіе германскихъ крейсеровъ. Выполнивъ успѣшно свою задачу, «Ладога» ночью возвращалась на стратегическій фарватеръ, и у самаго входа, около острова Утэ, подорвалась на минѣ. Она тонула довольно медленно (около 3 часовъ), такъ что катастрофа обошлась почти безъ жертвъ: погибло лишь пять матросовъ, бросившихся за бортъ въ моментъ взрыва. Командиромъ «Ладоги» состоялъ кап. 1 р. Кротковъ.

Въ теченіе 1915 года была закончена серьезная гидрографическая работа по проведенію и протраленію новаго стратегическаго фарватера защищеннаго шхерами — прямого пути отъ Гельсингфорса до острова Оланда, съ цѣлымъ рядомъ выходовъ въ море, охраняемыхъ батареями, расположенными на островахъ. Работа эта потребовала участія всѣхъ наличныхъ силъ Гидрографической Экспедиціи Балтійскаго Моря и Финляндскаго Лоцманскаго и Маячнаго вѣдомства; надо признать, что выполнена она была блестяще. Благодаря этому новому фарватеру, всѣ большіе корабли, не исключая и дредноутовъ, получили возможность свободно, не опасаясь атакъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, передвигаться на западъ до острова Оландъ. Рядъ выходовъ въ море (Лапвикъ ,Эре, Утэ) поддерживался въ чистотѣ отъ минъ почти непрерывнымъ траленіемъ. Обнаружившіеся вскорѣ на практикѣ нѣкоторые недочеты этого фарватера, заключавшіеся главнымъ образомъ въ крутизнѣ и узкости поворотовъ, очень

затруднявшихъ передвиженія большихъ кораблей, были исправлены; послѣ этого крейсера получили возможность проходить его 16-ти узловымъ ходомъ. Фарватеръ былъ обвѣхованъ двойнымъ рядомъ вѣхъ особаго рода (съ крестовинами), такъ что имѣлъ видъ настоящаго корридора. Конечно, нѣмцы очень скоро узнали о существованіи новаго фарватера и предприняли рядъ попытокъ забросать его минами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣлся доступъ съ моря. Однако, съ постовъ Службы Связи, расположенныхъ вдоль фарватера, внимательно слѣдили за дѣйствіями нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ, и попытки ихъ своевременно ликвидировались тральными работами.

Намѣченныя еще при Эссенѣ работы по сооруженію и достройкѣ новыхъ береговыхъ батарей, имѣвшихъ значеніе для флота, получали осуществленіе ускореннымъ темпомъ. Главное вниманіе, кромѣ Церельской батареи, было обращено на укрѣпленіе острова Наргена и двухъ крупныхъ островов̆ъ по Финляндскому побережью къ западу отъ Гельсингфорса; эти батареи, которыя предположено было снабдить крупными дальнобойными орудіями (до 14"), предназначались для оказанія помощи флоту въ случаѣ прорыва непріятеля въ Финскій заливъ и боя на Центральной Позиціи.

Въ то же время наши передовыя укрѣпленныя позиціи — Або-Оландская и Моонзундская — были почти закончены формированіемъ. Первая изъ нихъ, въ сущности, представляла собою передовую базу флота для операцій въ Або-Оландскихъ шхерахъ и Ботническомъ заливѣ. Суда, находившіяся въ районѣ позиціи, временно откомандировывались въ распоряженіе Начальника Позиціи. Первымъ Начальникомъ Позиціи былъ назначенъ контръ-адмиралъ Рихтеръ, который избралъ резиденціей Управленія Позицій городъ Або. Такъ какъ непріятельскія суда, кромѣ рѣдкихъ подводныхъ лодокъ, въ Ботническій заливъ не заходили, то и Позиція эта за все время войны никакой боевой роли не сыграла, не оправдавъ совсѣмъ тѣхъ огромныхъ денежныхъ затратъ, которыя были израсходованы на ея оборудованіе. Моонзундская Позиція была совершенно другого характера, такъ какъ имѣла въ своемъ распоряженіи лишь береговыя части — сухопутныя войска, морскіе батальоны и рядъ батарей, расположенныхъ на островахъ Моонъ, Эзель и Даго.

Главное назначеніе ея состояло въ недопущеніи непріятельскаго десанта на эти острова, вслѣдствіе чего въ оперативномъ отношеніи Позиція была подчинена Начальнику Обороны Рижскаго залива. Послѣ перваго неудачнаго наступленія нѣмцевъ на Рижскій заливъ, Начальникъ Позиціи кап. 1 р. Ш. былъ смѣненъ за бездѣйствіе власти, и на его мѣсто былъ назначенъ контръ-адмиралъ Свѣшниковъ.

Чтобы закончить обзоръ военно-морскихъ формированій за 15-й годъ, слѣдуетъ упомянуть еще о Воздушномъ Флотѣ. Флотъ этотъ, состоявшій въ началѣ войны изъ ничтожнаго числа летчиковъ и гидроплановъ, находился въ вѣдѣніи Службы Связи и имѣлъ главной базой Ревель. Формированіе его и подготовка личнаго состава была поручена одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ Непенина — кап. 2 р. Дудорову. Этотъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ былъ первымъ командиромъ матки гидроплановъ — посыльнаго судна «Орлица» и также первымъ Начальникомъ Воздушной Дивизіи. Подъ его руководствомъ дѣло развивалось очень быстро, такъ что къ концу 15-го г. Воздушный Флотъ уже имѣлъ достаточно исправныхъ аппаратовъ и хорошо обученныхъ летчиковъ, чтобы съ успѣхомъ нести воздушную сторожевую службу въ Моонзундѣ и Рижскомъ заливѣ. Лихіе налеты нашихъ гидроплановъ на южное побережье Рижскаго залива создали немало героевъ — летчиковъ изъ моряковъ и вполнѣ оправдали тѣ расходы, которые потребовались для организаціи дѣла.

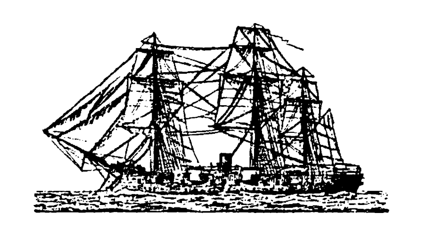
Остается еще упомянуть объ одномъ начинаніи Службы Связи, имѣвшемъ серьезнѣйшее значеніе для полнаго освѣдомленія о дѣйствіяхъ непріятельскаго флота. Въ пустынной лѣсистой мѣстности, на берегу залива между Балтійскимъ Портомъ и Ревелемъ, была сооружена и прекрасно оборудована такъ называемая «Радіо-станція Особаго Назначенія». Главная цѣль ея устройства заключалась въ пріемкѣ и расшифровкѣ всѣхъ германскихъ радіо; туда же передавались всѣ германскіе радіо, принятыя нашими станціями гдѣ бы то ни было. Во главѣ радіостанціи былъ поставленъ кап. 2 р. Пржиленскій, ближайшимъ же его сотрудникомъ состоялъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Феттерлейнъ — спеціалистъ по любой расшифровкѣ. По словамъ работавшихъ вмѣстѣ съ нимъ офицеровъ, способности этого человѣ-

ка къ разгадкѣ любого шифра были прямо изумительны: не было случая, чтобы онъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы въ полномъ уединенiи, не нашелъ ключа къ разгадкѣ незнакомаго шифра, какъ бы онъ новъ и сложенъ ни былъ. Въ помощь ему было дано нѣсколько морскихъ офицеровъ и чиновниковъ хорошо знающихъ нѣмецкiй языкъ и имѣвшихъ опытъ въ шифровальной работѣ; для охраны станцiи имѣлся усиленный караулъ. Уединенность мѣста была избрана для того, чтобы гарантировать станцiю отъ нѣмецкаго шпiонажа и создать идеально спокойныя условiя работы. Всѣ добытыя свѣдѣнiя немедленно доставлялись по прямому проводу Непенину.

Теперь слѣдуетъ еще упомянуть о «настроенiяхъ» въ средѣ командъ за этотъ перiодъ, каковыя, несомнѣнно, являются важнымъ факторомъ въ боевой жизни всякаго флота. Какъ общее правило, слѣдуетъ считать, что лучшая дисциплина и духъ поддерживались всегда въ тѣхъ частяхъ флота, которымъ чаще всего приходилось быть въ дѣлахъ противъ непрiятеля, или быть въ соприкосновенiи съ непрiятелемъ. Не меньшую роль, конечно, игралъ и подборъ начальниковъ; но опять, какъ общее правило, слѣдуетъ отмѣтить, что тамъ, гдѣ была постоянная опасность, и начальники подбирались лучше. Такимъ образомъ, несомнѣнно, первой по духу и настроенiю командъ за все время войны, не исключая и революцiоннаго перiода, справедливо считалась Минная Дивизiя; на второмъ мѣстѣ была 1-я бригада крейсеровъ. Затѣмъ шли спецiальные отряды (заградителей, подводнаго плаванiя, тральный), гдѣ духъ главнымъ образомъ поддерживался постоянной опасной и отвѣтственной работой, несмотря даже на частое общенiе съ береговыми базами. И, наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ находились линейные корабли и 2-я бригада крейсеровъ. Линейные корабли имѣли превосходный личный составъ (особенно дредноуты); но, несмотря на это, команды ихъ были очень ненадежны, что слѣдовало приписать, главнымъ образомъ, ихъ длительному бездѣйствiю, отсутствiю боевого прошлаго и продолжительной стоянкѣ въ большихъ портахъ, гдѣ (особенно въ Гельсингфорсѣ) велась усиленная революцiонная пропаганда. Дредноуты же, кромѣ того еще носили въ себѣ слѣды заводской распущенности, всегда прiобрѣтаемой командами кораблей за перiодъ постройки и долгаго ремонта. Хуже же всѣхъ была 2-я бригада

крейсеровъ, гдѣ большую роль въ распущенности командъ, кромѣ вышеизложенныхъ причинъ, сыграло отсутствіе отрядной спайки (бригада была собрана лишь съ началомъ войны) и неудачный подборъ начальниковъ.

Съ прекращеніемъ навигаціи, боевая жизнь, по обыкновенію, замерла. Отряды и корабли были распредѣлены на зимовку по прежнему расписанію. Нашъ «Кречетъ» приступилъ къ новымъ передѣлкамъ внутренняго устройства для созданія болѣе «импозантнаго» помѣщенія Командующему Флотомъ и возможнаго устраненія общей тѣсноты; для этой цѣли пароходъ былъ уведенъ къ Сандвикскому заводу. Походный же Штабъ временно размѣстился на дредноутѣ «Севастополь», на которомъ былъ поднятъ флагъ Командующаго Флотомъ. Командиромъ «Севастополя» состоялъ въ то время кап. 1 р. Л. Л. Ивановъ, назначенный вмѣсто Бестужева-Рюмина, списаннаго по болѣзни въ Морской Генеральный Штабъ. Канинъ выписалъ свою семью и поселился на берегу въ домѣ Командира Порта. Началось «мирное житіе».

ГЛАВА IV.

БОЕВАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЬ ФЛОТА ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1916 ГОДА.

Командировка къ ген. Рузскому. Покупка кораблей у Японіи. Начало навигаціи и возобновленіе боевой дѣятельности въ Рижскомъ заливѣ. Совмѣстные походы большихъ кораблей и миноносцевъ къ шведскимъ берегамъ. Подготовка десантной операціи въ тылу нѣмцевъ. Приморская оборона побережья и адм. Непенинъ. Назначеніе Колчака въ Черное море.

1916 годъ былъ годомъ развитія полной боевой мощи Балтійскаго флота: всѣ достройки судовъ, береговыя сооруженія и формированія, а также разработки всевозможныхъ оперативныхъ плановъ были закончены или заканчивались. Однако, слѣдуетъ признать, что въ этомъ было мало заслуги Командующаго флотомъ адмирала Канина. Общая работа по созданію мощи флота шла какъ-то помимо него, автоматически — отчасти въ порядкѣ выполненія и развитія еще старыхъ замысловъ, намѣченныхъ адмираломъ Эссеномъ, отчасти же по инициативѣ отдѣльныхъ начальниковъ. Канинъ же только затягивалъ разрѣшеніе и осуществленіе различныхъ плановъ, подвергая ихъ безконечнымъ обсужденіямъ и разсмотрѣніямъ. Ни его вялая, безъ всякихъ проблесковъ творчества, работа по управленію флотомъ, ни отсутствіе какой бы то ни было инициативы и энергіи въ рѣшеніи вопросовъ чисто боевого характера, никоимъ образомъ не могли создать ему новой популярности во флотѣ, въ особенности,

когда еще у всѣхъ былъ въ памяти Н. О. Эссенъ. Безспорныхъ положительныхъ качествъ Канина — его здраваго смысла, служебнаго опыта, техническихъ знанiй и хозяйственныхъ способностей, — хватало съ избыткомъ для командованiя Отрядомъ Заградителей, но было совершенно недостаточно для командованiя флотомъ. Въ лучшемъ случаѣ о немъ отзывались, какъ о прiятномъ, любезномъ собесѣдникѣ, гостепрiимномъ хозяинѣ и тонкомъ игрокѣ въ винтъ и бриджъ, но одни эти качества, очень цѣнныя, можетъ быть, въ мирномъ обиходѣ, не могли, конечно, создать репутацiи хорошаго руководителя цѣлаго флота въ военное время. Какъ умный человѣкъ, Канинъ самъ чувствовалъ, что пѣсенка его спѣта, вслѣдствiе чего заблаговременно началъ подготовлять себѣ почву для «почетнаго» ухода: онъ постоянно жаловался на недомоганье, вслѣдствiе переутомленiя и склонности къ апоплексiи. Болѣзнь его, повидимому, не была чисто «дипломатической»: онъ дѣйствительно часто хворалъ головокруженiями и даже обмороками.

Отношенiя его съ ближайшимъ начальникомъ, Главнокомандующимъ Сѣвернымъ Фронтомъ ген. Рузскимъ, коему онъ былъ непосредственно подчиненъ въ оперативномъ отношенiи, и съ Морскимъ Министромъ Григоровичемъ, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ по вопросамъ техническаго оборудованiя и снабженiя, становились все болѣе и болѣе натянутыми. Рузскiй былъ недоволенъ кажущейся бездѣятельностью флота и туманностью и краткостью донесенiй Канина; Григоровичъ же, вначалѣ благоволившiй къ Канину, началъ, повидимому, подозрѣвать его въ двойной игрѣ. Въ концѣ концовъ, Канинъ рѣшилъ забѣжать впередъ и, воспользовавшись случаемъ легкихъ безпорядковъ на «Гангутѣ» (имѣвшихъ въ основѣ несомнѣнно революцiонную почву германскаго происхожденiя) и связаннымъ съ этими безпорядками отказомъ команды «Рюрика» выставить караулы для конвоированiя арестованныхъ матросовъ, посылая донесенiе объ этихъ случаяхъ ген. Рузскому, присоединилъ къ нему письмо съ просьбой объ отчисленiи отъ должности по разстроенному здоровью. Это было, насколько помню, въ февралѣ. Обычно донесенiя въ ставку Рузскаго (во Псковѣ) посылались черезъ Морской Генеральный Штабъ съ очередными курьерами. Теперь же, ввиду важности случая, Канинъ рѣшилъ послать кого-либо изъ чиновъ Штаба. Первоначально онъ предполагалъ

послать кого-либо изъ младшихъ чиновъ, и лишь въ послѣднюю минуту, за два часа до отхода поѣзда, его выборъ остановился окончательно на мнѣ. Я былъ дома и уже собирался ложиться спать, когда Григоровъ по телефону экстренно вызвалъ меня въ Штабъ. Прибывъ на «Кречетъ», я получилъ отъ самого Канина слѣдующую инструкцію: немедленно отправиться въ Петроградъ и лично передать письмо Морскому Министру; вслѣдъ за тѣмъ проѣхать въ Псковъ, явиться къ ген. Рузскому и также лично вручить ему письмо и донесеніе. Кромѣ того, на словахъ доложить Главнокомандующему о случаяхъ на «Гангутѣ» и «Рюрикѣ», рисуя ихъ маловажными и основанными на нѣмецкой пропагандѣ, и о принятыхъ мѣрахъ къ воспрепятствованію повторенія подобныхъ случаевъ — т. е. о выводѣ всѣхъ большихъ судовъ изъ Гельсингфорса и Ревеля и распредѣленія ихъ по боевымъ базамъ, расположеннымъ въ пустынныхъ мѣстахъ (Лапвикъ и т. д.). Затѣмъ Канинъ сообщилъ мнѣ, прося соблюдать полную конфиденціальность, что въ письмахъ къ Рузскому и Григоровичу онъ проситъ ихъ помощи и ходатайства о его смѣнѣ по болѣзни. Въ концѣ разговора, повторивъ о крайней секретности порученія, Канинъ сказалъ мнѣ: «если Рузскій будетъ васъ разспрашивать о моемъ здоровьѣ, ужъ вы поддержите меня». Видя, что разговоръ начинаетъ принимать «интимный» характеръ, я позволилъ себѣ возразить: «вѣдь сейчасъ самое неподходящее время для смѣны Командующаго Флотомъ — передъ началомъ весеннихъ боевыхъ операцій». Кажется, Канинъ на это ничего не сказалъ. Послѣ этого я прошелъ къ Григорову, который, прощаясь со мной, высказался съ возмущеніемъ о несвоевременности просьбы Канина. Взволнованный этими новостями и серьезностью порученія, я отправился домой, чтобы собрать кое-какія вещи и двинуться затѣмъ на вокзалъ (было 10 ч., а поѣздъ уходилъ въ 12). Здѣсь со мной произошелъ случай, о которомъ я упоминаю лишь потому, что онъ хорошо характеризуетъ одновременно благоустройство города и патріархальность порядковъ. Нужно сказать, что почти во всѣхъ домахъ въ Гельсингфорсѣ двери на улицу запирались въ 9 ч. вечера, и для того, чтобы попасть послѣ этого часа домой, нужно было имѣть съ собой ключъ отъ наружной двери. Если же на несчастье ключа не имѣлось, попасть въ домъ нормальнымъ порядкомъ было невозможно: звонковъ обычно не было, а если и имѣлись, то соединялись

съ дворникомъ, который, послѣ 9 ч. вечера, уходилъ домой. Стучаньемъ же при двойныхъ рамахъ можно было разбудить кого угодно, но только не живущихъ въ домѣ. Въ такомъ именно положенiи очутился я, такъ какъ второпяхъ забылъ взять съ собой ключъ отъ наружной двери. Произведя достаточный шумъ, чтобы поднять всю улицу, но не разбудивъ никого въ домѣ, я, напослѣдокъ, догадался отойти на сто сажень, зайти въ кiоскъ съ телефономъ и оттуда позвонилъ домой, прося жену спуститься и открыть мнѣ дверь. Черезъ пять минутъ я уже былъ дома.

Прибывъ на другое утро въ Петроградъ, я тотчасъ же проѣхалъ къ Григоровичу. Прочтя письмо, онъ спросилъ меня, извѣстно ли мнѣ его содержанiе. Полагая, что въ немъ говорится о желанiи Канина покинуть должность по болѣзни, я отвѣтилъ утвердительно. Тогда Григоровичъ сказалъ: «что же, это у васъ общее желанiе, чтобы Герасимовъ былъ назначенъ вмѣсто Канина»? Пораженный неожиданностью вопроса (у насъ даже въ Штабѣ никакихъ разговоровъ о возможности назначенiя Герасимова не велось), я пробормоталъ что-то вродѣ: «адм. Герасимовъ наврядъ ли подойдетъ къ этой должности, такъ какъ онъ отсталъ отъ чисто морской службы». Затѣмъ Григоровичъ высказалъ свое мнѣнiе, что сейчасъ смѣнять Командующаго Флотомъ не время, и что онъ сомнѣвается, чтобы состоянiе здоровья Канина не позволило ему остаться на посту еще нѣсколько мѣсяцевъ, пока окончательно не выяснится характеръ германскаго наступленiя. Послѣ этого онъ отпустилъ меня, прося зайти къ нему послѣ возвращенiя отъ Рузскаго, чтобы взять письмо къ Канину. Въ тотъ же вечеръ я проѣхалъ въ Псковъ, куда и прибылъ на слѣдующiй день утромъ. Въ штабѣ Рузскаго, размѣщенномъ въ зданiи женской гимназiи на берегу рѣки, я разыскалъ кап. 2 р. Альтфатера, состоявшаго при этомъ штабѣ для связи съ флотомъ. Альтфатеръ — будущiй большевицкiй адмиралъ и одинъ изъ главныхъ дѣятелей Брестъ-Литовскаго договора, являлъ собой яркiй примѣръ очень умнаго, ловкаго и совершенно безпринципнаго карьериста. Въ то время на словахъ онъ былъ самымъ крайнимъ монархистомъ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, имъ былъ намѣченъ путь къ достиженiю военно-морской карьеры при помощи флигель-адъютантства. Къ принятiю активнаго участiя въ военныхъ дѣйствiяхъ онъ всегда питалъ органическое отвращенiе.

Альтфатеръ всегда былъ со мной очень любезенъ, думаю, отчасти потому, что онъ разсчитывалъ на мою помощь въ дѣлѣ выполненія его честолюбивыхъ плановъ: онъ зналъ, что въ свое время я былъ близокъ къ Царской Семьѣ. Хотя ко времени войны отъ этой близости уже не осталось абсолютно ничего, онъ, очевидно, дѣйствовалъ исходя изъ пословицы: не плюй въ колодецъ и т. д. Кромѣ того, Альтфатеру, по тогдашней его должности, было вообще выгоднѣе поддерживать со Штабомъ Командующаго Флотомъ хорошія отношенія.

Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и прежде всего попытался вывѣдать у меня о цѣли моего пріѣзда. Однако я, слѣдуя инструкціи Канина, сразу заявилъ ему, что цѣль моего пріѣзда — секретъ, который я могу открыть только одному Главнокомандующему. Оказалось, что Рузскій только что оправился отъ серьезной болѣзни (кажется, у него было воспаленіе легкихъ) и въ день моего пріѣзда лишь всталъ съ постели. Пока онъ принималъ только одного Начальника Штаба, но обо мнѣ обѣщали ему доложить. Тѣмъ временемъ Альтфатеръ ознакомилъ меня съ положеніемъ на фронтѣ. Въ 12 ч. дня я былъ приглашенъ къ обѣду въ общую столовую, гдѣ представился Начальнику Штаба ген. Бончъ-Бруевичу (также будущему большевистскому дѣятелю), который посадилъ меня, какъ почетнаго гостя, за столъ вмѣстѣ съ собой. Краткость разговора не позволила мнѣ вынести о немъ сколько-нибудь полное впечатлѣніе; однако, съ перваго взгляда чувствовалось, что это человѣкъ умный, скрытный и неискренній.

Въ 2 ч. дня меня принялъ ген. Рузскій. Онъ жилъ въ небольшомъ домѣ почти напротивъ Штаба и занималъ очень скромное помѣщеніе. Несмотря на слабость послѣ болѣзни, онъ произвелъ на меня прекрасное впечатлѣніе. Худощавый, небольшого роста, хорошо тренированный и подтянутый, съ пронизывающими, холодными глазами и спокойными увѣренными манерами — онъ выражался ясно, опредѣленно и безаппеляціонно. Чувствовалось, что спорить съ нимъ и переубѣждать его трудно. Прочтя письмо, онъ задалъ нѣсколько вопросовъ по поводу безпорядковъ на «Гангутѣ», которымъ, видимо, онъ придавалъ серьезное значеніе. Выслушавъ мои разъясненія, онъ какъ будто удовлетворился ими и затѣмъ спросилъ меня: «Думаете ли вы, что состояніе здоровья адм.

Канина дѣйствительно не позволяетъ ему оставаться на посту Командующаго Флотомъ»? Я былъ подготовленъ къ этому вопросу и, несмотря на просьбу Канина, рѣшилъ дѣйствовать въ интересахъ флота, а не его, въ особенности, когда узналъ отъ Григоровича, что Канинъ прочитъ себѣ въ преемники Герасимова. Я давно зналъ Герасимова, такъ какъ во время осады Портъ-Артура плавалъ съ нимъ на одномъ кораблѣ (бр. «Побѣда») и, когда въ концѣ осады онъ списался на берегъ по болѣзни, то замѣнилъ его въ должности старшаго офицера; затѣмъ просидѣлъ съ нимъ двѣнадцать мѣсяцевъ въ плѣну въ Японіи и впослѣдствіи часто встрѣчался въ періодъ между двумя войнами. Какъ и всѣ, я считалъ Герасимова очень талантливымъ и разносторонне образованнымъ артиллеристомъ, но въ то же время, зная его рѣзкость, неуравновѣшенность, отсутствіе такта и малый опытъ въ дѣлѣ управленія флотомъ, совершенно не могъ себѣ представить, чтобы онъ былъ на мѣстѣ въ роли Командующаго Флотомъ; онъ былъ бы, во всякомъ случаѣ, хуже Канина. Я не могъ понять, что заставило Канина, умнаго человѣка, рекомендовать вмѣсто себя адмирала съ подобной репутаціей. Похоже было на то, что Канинъ, выставляя подобнаго кандидата, какъ бы напрашивался на отказъ въ просьбѣ объ отчисленіи отъ должности.

Взвѣсивъ все это, я отвѣтилъ Рузскому такъ: «Я думаю, что нѣсколько недѣль полнаго отдыха было бы достаточно для возстановленія здоровья адмирала Канина настолько, чтобы имѣть возможность продолжать свою дѣятельность по должности Командующаго Флотомъ». Рузскій подумалъ и сказалъ: «Пусть отдыхаетъ, но для смѣны сейчасъ не время. Я напишу письмо адмиралу Канину, которое прошу васъ доставить ему. По полученіи письма можете отправляться обратно». Затѣмъ онъ отпустилъ меня и Альтфатера, молчаливо присутствовавшаго при нашемъ разговорѣ. Въ послѣдующей затѣмъ бесѣдѣ Альтфатеръ возмущался слабостью и нерѣшительностью Канина и кончилъ такъ: «Какъ вы думаете, не лучше ли было назначить вмѣсто него Непенина»? Подозрѣвая съ его стороны какой-либо подвохъ, я отвѣтилъ уклончиво. Въ глубинѣ же души уже тогда я считалъ, что Непенинъ не обладалъ достаточными знаніями и опытомъ для занятія этой должности. На обратномъ пути я зашелъ опять къ Григоровичу, который также передалъ мнѣ письмо для Канинина. Какъ потомъ я узналъ, Григоровичъ, въ немъ, так-

же какъ Рузскій, уговаривалъ Канина хотя бы до осени отказаться отъ намѣренія покинуть Флотъ.

Канинъ, прочтя оба письма, не выразилъ особаго неудовольствія, какъ будто, наоборотъ ,былъ даже радъ; это лишній разъ подтверждало, что его просьба объ отчисленіи была своего рода игрой для упроченія своего пошатнувшагося положенія.

Незадолго передъ этимъ, или вскорѣ послѣ этого, я, по порученію того же Канина, имѣлъ другую интересную командировку — въ Морской Генеральный Штабъ. Дѣло въ томъ, что уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ этомъ Штабѣ разрабатывался проектъ о покупкѣ у Японіи и посылкѣ на нашъ Сѣверъ нѣсколькихъ кораблей, съ цѣлью охраны отъ непріятеля Мурманскаго побережья и входа въ Бѣлое море. Японцы охотно соглашались продать намъ наши же бывшіе корабли, забранные во время Русско-Японской войны, но, конечно, пользуясь случаемъ, старались содрать за это какъ можно больше денегъ. Не желая платить огромныя деньги за корабли весьма сомнительной боевой цѣнности, Генеральный Штабъ колебался и затягивалъ переговоры. У насъ же на флотѣ не было двухъ мнѣній объ этой «авантюрѣ»: ясно, что наши старые корабли, подорванные нами же въ Портъ-Артурѣ почти до полнаго разрушенія, забранные затѣмъ японцами и наружно отремонтированные ими не для боевыхъ цѣлей, а въ качествѣ трофеевъ, были въ такомъ состояніи, что окончательный ремонтъ удвоилъ бы ихъ стоимость и затянулся бы на годы. Вслѣдствіе этого можно было съ увѣренностью сказать, что составленная такимъ образомъ новая эскадра «на страхъ врагамъ» имѣла чрезвычайно мало шансовъ на то, что она поспѣетъ быть на мѣстѣ до окончанія войны. Такъ стоило ли при такихъ обстоятельствахъ дарить японцамъ огромныя суммы денегъ? По нашему мнѣнію, конечно, не стоило; тѣмъ болѣе, что, насколько намъ было извѣстно, была возможность купить совершенно новые корабли (аргентинскіе, строящіеся въ Англіи). Генеральный Штабъ вначалѣ былъ, повидимому, того же мнѣнія, но все перевернулось, когда явился туда кап. 1 р. Бестужевъ-Рюминъ. Незадолго передъ этимъ онъ списался по болѣзни съ дредноута «Севастополь», которымъ онъ командовалъ. Человѣкъ честолюбивый и энергичный, онъ томился отъ вынужденнаго бездѣлья въ тылу. Занимая временную должность въ

Генеральномъ Штабѣ, онъ имѣлъ возможность детально ознакомиться съ дѣломъ о покупкѣ кораблей и ухватился за него, преслѣдуя, къ сожалѣнію, прежде всего личныя цѣли. Ему необходимо было получить какое-либо видное назначеніе, дабы реабилитировать себя за свой не совсѣмъ «гладкій» уходъ съ «Севастополя» и добиться контръ-адмиральства. Лучшаго случая, конечно, и придумать было нельзя. Онъ немедленно нажалъ на Начальника Генеральнаго Штаба адмирала Русина и, какъ умный и ловкій человѣкъ, вскорѣ убѣдилъ Русина въ полной цѣлесообразности и крайней необходимости этой покупки. Дѣло велось такъ тонко, что въ концѣ концовъ Русину было внушено, что это его собственное мнѣніе и убѣжденіе. Дѣло пошло ускореннымъ темпомъ. Намѣчены были корабли: наши старые «Пересвѣтъ», «Полтава» и «Варягъ». Съ японцами всѣ формальности были живо покончены и назначенъ былъ срокъ привода кораблей во Владивостокъ для окончательной передачи. Бестужевъ былъ назначенъ Начальникомъ новаго Отряда съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Вотъ тутъ-то и выплылъ вопросъ о комплектованіи новаго отряда; свыше рѣшено было укомплектовать одинъ корабль («Полтаву», переименованный въ «Чесму») — отъ Чернаго моря, другой («Пересвѣтъ») — отъ Балтики, и третій («Варягъ») — отъ Гвардейскаго экипажа. Выполнить это рѣшеніе, особенно въ смыслѣ комплектованія офицерами, было чрезвычайно трудно. Не слѣдуетъ забывать, что со вступленіемъ въ строй цѣлаго ряда новыхъ кораблей, на боевыхъ судахъ получился некомплектъ кадровыхъ офицеровъ до 20%, который пополнить было рѣшительно неоткуда. Дальнѣйшее снятіе офицеровъ съ судовъ Балтійскаго флота повело бы къ потерѣ значительной части ихъ боеспособности. Принимая во вниманіе это, а также учитывая несерьезность Бестужевской затѣи, Командующій Флотомъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ на требованіе Генмора укомплектовать офицерами «Пересвѣтъ». Въ Морскомъ Министерствѣ заволновались, и на насъ посыпались обвиненія въ «узости взгляда», непониманія «общихъ задачъ» и т. д. Въ нашъ Штабъ пріѣхалъ самъ Бестужевъ и, не добившись ничего отъ Канина, придумалъ такой выходъ: онъ предложилъ мнѣ въ командованіе «Пересвѣтъ». Расчетъ былъ ясенъ: трудно было предположить, чтобы бывшій Флагъ-Капитанъ, отъ котораго въ свое время зависѣли всѣ

офицерскія назначенія, не нашелъ офицеровъ на «свой» корабль. Однако, даже не разобравъ въ чемъ тутъ дѣло, я категорически отказался, такъ какъ не видѣлъ для себя ничего заманчиваго въ комановании искалѣченнымъ «Пересвѣтомъ», боевая миссія котораго была болѣе, чѣмъ проблематична: мнѣ гораздо пріятнѣе было получить хорошій корабль въ Балтикѣ, на что я уже выслужилъ право и лишь ждалъ подходящаго момента. Вслѣдъ за этимъ, по тому же вопросу, было назначено совѣщаніе въ Генморѣ, куда былъ приглашенъ и Канинъ. Однако, боясь, что разговоръ, перенесенный во «вражескій станъ», можетъ заставить его пойти на уступки, Канинъ отказался пріѣхать (подъ предлогомъ какихъ-то операцій) и командировалъ вмѣсто себя меня, давъ инструкцію — не уступать ни въ какомъ случаѣ. Засѣданіе происходило въ Генморѣ, причемъ присутствовали Русинъ, Стеценко (нач. Гл. Морск. Шт.) и Бестужевъ. Адмиралы потратили добрый часъ на то, чтобы убѣдить меня въ необходимости пойти навстрѣчу «важному боевому начинанію», но моя роль была очень простая: на всѣ ихъ доводы я долженъ былъ отъ имени Канина отвѣчать категорическимъ отказомъ, основываясь на нашемъ некомплектѣ и «боевой безнадежности предпріятія». Это послѣднее особенно обидѣло Русина, который не выдержалъ и началъ уже обвинять меня лично въ противодѣйствіи этому дѣлу изъ какихъ-то непонятныхъ для него соображеній. Меня это взорвало, и я довольно рѣзко отвѣтилъ, что моя «личность» тутъ непричемъ, такъ какъ я говорю лишь то, что мнѣ поручено Командующимъ Флотомъ, но что, конечно, я согласенъ съ мнѣніемъ Канина, что на эту «безнадежную авантюру» не слѣдуетъ давать ни одного офицера. Разговоръ такъ ничѣмъ и не кончился. По окончаніи засѣданія я встрѣтился въ корридорѣ съ Бестужевымъ и сгоряча, подъ впечатлѣніемъ непріятнаго разговора съ Русинымъ, накинулся на него: «Я не понимаю, чего ты хлопочешь? Вѣдь ты уже получилъ отъ своей «авантюры» все, что требовалось — тебя произвели въ адмиралы»? Бѣдный Бестужевъ, не ожидавшій такой «отповѣди», страшно обидѣлся, но нашелся только отвѣтить, что онъ не ожидалъ отъ «стараго друга» такого дурного о немъ мнѣнія.

Въ концѣ концовъ офицеровъ кое-какъ набрали, корабли съ величайшимъ трудомъ и колоссальными расходами вооружили и снарядили и они отправились въ путь, прибывъ

на мѣсто (кромѣ потонувшаго отъ подводной лодки «Пересвѣта») «къ шапочному разбору», т. е. самый разгаръ революціи, незадолго передъ большевиками.

Къ чести Бестужева нужно добавить, что онъ немало потрудился, снаряжая въ походъ свой отрядъ; по совѣсти можно сказать, что только благодаря его незаурядной энергіи и административнымъ способностямъ, большей части «искалѣченной» эскадры удалось добраться до Мурмана. Непосильная задача, взятая на себя, настолько утомила Бестужева, что онъ вновь заболѣлъ своей старой сердечной болѣзнью, отъ которой вскорѣ скончался.

Въ январѣ или февралѣ была закончена перестройка нашего «Кречета». Для Командующаго Флотомъ было сооружено прекрасное помѣщеніе на верхней палубѣ, состоящее изъ большого салона-кабинета, спальни и уборной. Начальникъ Штаба переѣхалъ въ старое помѣщеніе Командующаго Флотомъ. Для Флагъ-Капитановъ также были построены новыя каюты на верхней палубѣ къ носу, составивъ продолженіе стараго каютнаго пространства надъ носовымъ трюмомъ, передѣланнымъ также подъ жилыя помѣщенія. Каюты были очень комфортабельныя, съ огромными американскими деками, съ мягкими кожаными креслами, диванами, разными шкапами и т. д. Койка съ умывальникомъ были выдѣлены въ отдѣльную комнату деревяннымъ щитомъ съ занавѣской. Моя старая каюта отошла къ флагманскому штурману. Послѣ этой передѣлки условія штабной работы въ физическомъ отношеніи значительно улучшились.

Съ начала весны возобновилось нѣмецкое наступленіе на Сѣверномъ Фронтѣ. Вновь появились тревоги и опасенія за участь Рижскаго залива, такъ какъ Церельская 12" батарея еще не была закончена. Однако, нѣмецкій флотъ активности не проявлялъ, рѣшивъ, повидимому, не рисковать пока большими кораблями. По мѣрѣ продвиженія непріятеля къ Ригѣ, онъ лишь выставлялъ береговыя батареи (калибромъ не выше 6"), которыми очень безпокоилъ наши дозорные миноносцы. Нѣсколько разъ во время развитія германскаго наступленія по побережью Рижскаго залива, наши большіе корабли («Слава», «Макаровъ» и «Діана») своимъ обстрѣломъ задерживали ихъ наступленіе.

Нѣмецкіе аэропланы, въ свою очередь, совершали постоянные налеты на Моонзундъ, имѣя своей главной цѣлью на-

нести поврежденія нашимъ большимъ кораблямъ. Одинъ изъ первыхъ этихъ налетовъ (13 апрѣля) былъ удаченъ. Германскимъ летчикамъ удалось сбросить бомбы надъ самой «Славой», причемъ двѣ изъ нихъ попали въ кормовую часть палубы, надъ каютъ-компаніей; поврежденія не имѣли существеннаго значенія, но при взрывѣ, къ сожалѣнію, было убито 5 матросовъ.

Съ самаго начала наступленія нѣмцевъ на Ригу, миноносцы, руководимые Колчакомъ, развивали максимумъ своей дѣятельности. Было приступлено къ постановкѣ мелководныхъ минъ вдоль побережья, уже занятаго нѣмцами; эти мины ставились со спеціально приспособленныхъ мелкосидящихъ заградителей, передѣланныхъ изъ рѣчныхъ колесныхъ буксировъ, и имѣли цѣлью не допускать прохода небольшихъ непріятельскихъ транспортовъ и подводныхъ лодокъ вдоль берега. Наступленіе нѣмцевъ развивалось очень медленно, что давало возможность Колчаку и его Штабу (Ст. флагъ-офицеръ лейт. Фоминъ, флагманскій штурманъ лейт. Борисъ Муромцовъ, мл. флагъ-офицеръ мичманъ Холмскій) постоянно изобрѣтать новыя ухищренія для созданія помѣхъ непріятелю. Воздушная развѣдка и атаки нашихъ гидроплановъ также примѣнялись самымъ широкимъ образомъ. Попутно съ работой въ Рижскомъ заливѣ, въ этотъ весенній періодъ были выполнены двѣ довольно крупныя экспедиціи въ водахъ Балтійскаго моря, въ которыхъ приняли участіе крейсера 1-й и 2-й бригадъ и часть Минной дивизіи. Незадолго передъ тѣмъ были получены свѣдѣнія, что вдоль шведскаго берега, недалеко отъ мыса Ландсортъ, происходитъ оживленное движеніе нѣмецкихъ коммерческихъ пароходовъ, конвоируемыхъ вспомогательными крейсерами и миноносцами. Рѣшено было ликвидировать это движеніе, для каковой цѣли былъ назначенъ отрядъ подъ командой адм. Трухачева, состоявшій изъ крейсеровъ «Рюрикъ», «Олегъ», «Богатырь» и трехъ миноносцевъ типа «Новикъ» («Новикъ», «Побѣдитель» и «Громъ»), бывшихъ подъ флагомъ адм. Колчака. Несмотря на очень сложныя условія (близость шведскаго берега, темнота ночи и т. д.), экспедиція 31 мая прошла удачно: караванъ пароходовъ былъ совершенно разгромленъ, причемъ 5 судовъ (изъ нихъ два вспомогательныхъ крейсера) было потоплено; съ нашей стороны потерь не было.

2-я экспедиція, 16 іюня, имѣла нѣсколько иной характеръ, хотя цѣль была та же — уничтоженіе непріятельскихъ транспортовъ у шведскихъ береговъ. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ адм. Курошъ, въ распоряженіи котораго состояло два крейсера его бригады («Громобой» и «Діана») и часть Минной дивизіи (дивизіонъ «Новиковъ» и пять угольныхъ миноносцевъ) подъ командой кап. 1 р. Вечеслова, Начальника 1-го дивизіона. Миноносцы, находившіеся на нѣкоторомъ разстояніи отъ крейсеровъ, наткнулись на отрядъ непріятельскихъ старыхъ миноносцевъ (8); Вечесловъ, почему-то, не вступилъ съ ними въ бой, хотя и имѣлъ перевѣсъ въ артиллеріи, а рѣшилъ подвести ихъ подъ наши крейсера; для этой цѣли онъ далъ полный ходъ и началъ отходить къ крейсерамъ, которые не были видимы непріятелю. «Затѣя», однако, едва не кончилась катастрофой: непріятельскіе миноносцы, сблизившись съ крейсерами, выпустили по нимъ мины, послѣ чего, окруживъ себя дымовой завѣсой, ушли на югъ. Къ счастью, мины прошли мимо крейсеровъ, которые, въ свою очередь, открыли по этимъ миноносцамъ самый энергичный огонь. Съ нашей стороны потерь не было; были ли поврежденія у непріятеля, установить не удалось.

Съ началомъ навигаціи и наступленія германцевъ, Командующій Флотомъ перешелъ въ Ревель, гдѣ фактически вся оперативная часть перешла въ руки Непенина, работавшаго въ большинствѣ случаевъ въ полномъ контактѣ съ Колчакомъ.

Несмотря на несочувствіе Непенина (о чемъ упоминалось выше), въ это же время, по инициативѣ Колчака, было приступлено въ нашемъ Штабѣ къ разработкѣ плана новой крупной десантной операціи въ тылу германскихъ позицій въ Рижскомъ заливѣ. Экспедиціонный отрядъ долженъ былъ состоять изъ морскихъ стрѣлковъ, причемъ командовать имъ назначался генералъ Генеральнаго Штаба Геруа, прибывшій съ сѣвернаго Фронта. Формированіе транспортовъ для перевозки войскъ было поручено кап. 1 р. Л. Л. Иванову (командиръ «Севастополя»), который былъ назначенъ Начальникомъ отряда транспортовъ особаго назначенія. Однако, операція эта такъ и не была осуществлена вслѣдствіе отъѣзда ея иниціатора, Колчака, и назначенія Командующимъ Флотомъ Непенина.

Кажется, еще съ осени 1915 года, съ развитіемъ морскихъ батарей (т. е. состоящихъ изъ морскихъ пушекъ и укомплектованныхъ морскими командами) Ревельской Крѣпости, была создана новая должность — Начальника Приморскаго Фронта Крѣпости; на эту должность былъ назначенъ Непенинъ, съ оставленіемъ Начальникомъ Службы Связи. Должность эта была подчинена Коменданту Крѣпости, и Непенинъ, у котораго съ Герасимовымъ были самыя дурныя отношенія, согласился занять ее только потому, что съ ней было связано производство его въ контръ-адмиралы. Однако, несмотря на вѣчныя тренія съ Герасимовымъ, Непенину удалось очень много сдѣлать и по этой новой должности. Этотъ удивительный человѣкъ обладалъ неизсякаемой работоспособностью. Слѣдуетъ отмѣтить, что при всей его дѣловитости и служебной требовательности, онъ былъ большой хлѣбосолъ и гостепріимный хозяинъ, очаровывающій своихъ гостей любезностью и остроуміемъ. Я неоднократно у него обѣдалъ и проводилъ вечера, о которыхъ у меня остались самыя пріятныя воспоминанія. Непенинъ самъ былъ недурнымъ поваромъ, а поэтому пища, которой онъ насъ угощалъ, была всегда своего рода шедевромъ. Обычными его гостями бывали, кромѣ меня, Колчакъ, Трухачевъ, Подгурскій, П. М. Пленъ, Вердеревскій, Крашенинниковъ и др. Адріанъ Ивановичъ любилъ показывать своимъ гостямъ рѣдкій и вдвойнѣ цѣнный подарокъ — серебряную братину со стаканчиками, изображающую художественно выполненную модель Церельскаго маяка; эта братина была поднесена Непенину офицерами Минной Дивизіи послѣ перваго наступленія нѣмцевъ на Рижскій заливъ, въ благодарность за точныя и всегда своевременныя свѣдѣнія о движеніи германскихъ судовъ, даваемыя Службой Связи, что существенно помогло Минной Дивизіи благополучно ликвидировать это наступленіе. Нужно добавить, что первыя свѣдѣнія объ уходѣ нѣмецкаго флота изъ Рижскаго залива доставлены были также Службой Связи. Натурально, что Непенинъ очень гордился этимъ вещественнымъ доказательствомъ лестной оцѣнки его дѣятельности со стороны лучшей боевой части Балтійскаго флота.

Комендантъ крѣпости вице-адмиралъ Герасимовъ, хотя и былъ подчиненъ Командующему Флотомъ, но рѣдко посѣщалъ «Кречетъ». Причиной этому отчасти было его уязвленное самолюбіе: ему, самому старшему изъ адмираловъ Бал-

тійскаго флота, обидно было подчиняться Канину, который былъ моложе его. Кромѣ того, онъ зналъ, какимъ вліяніемъ пользовался у насъ Непенинъ — его личный врагъ и, какъ умный человѣкъ, понималъ, что этого вліянія ему не преодолѣть. Канинъ, однако, довольно часто къ нему заѣзжалъ.

Въ началѣ лѣта начались опять разговоры, идущіе изъ Ставки Верховнаго, о возможныхъ перемѣнахъ въ высшемъ командномъ составѣ флотовъ. Говорили, что Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ адмираломъ Эбергардомъ, зарекомендовавшимъ себя съ самаго начала войны слишкомъ осторожнымъ и нерѣшительнымъ, были въ Ставкѣ очень недовольны, и рѣшили его замѣнить болѣе молодымъ и энергичнымъ адмираломъ. Къ этому времени морской отдѣлъ Ставки былъ расширенъ и туда были назначены два офицера, спеціально вѣдавшіе морями: Балтійскимъ — кап. 2 р. Альтфатеръ и Чернымъ — кап. 2 р. Бубновъ. Вышло такъ, что эти два сравнительно молодыхъ офицера и создавали «мнѣніе Ставки» по морскимъ дѣламъ, въ особенности по вопросамъ, не имѣвшимъ прямого отношенія къ операціямъ. Оба они намѣтили своихъ кандидатовъ для назначенія на высшую должность, каждый въ своемъ морѣ. Альтфатеръ сталъ проводить Непенина (слѣдуетъ припомнить его разговоръ со мной въ Псковѣ), а Бубновъ — Колчака. Возникаетъ вопросъ: почему же Альтфатеръ не остановился на Колчакѣ, человѣкѣ во всякомъ случаѣ болѣе подходящемъ для должности Командующаго Балтійскимъ Флотомъ, чѣмъ Непенинъ. Отвѣтъ на него, мнѣ кажется, напрашивается самъ-собой по мотивамъ личнаго характера. Колчакъ, какъ болѣе искренній и чуткій, давно раскусилъ Альтфатера и не питалъ къ нему симпатій. Непенинъ же, легко поддававшійся вліянію лести — благоволилъ къ Альтфатеру. Бубновъ же согласился на кандидатуру Колчака, который хорошо къ нему относился. Своихъ же черноморскихъ кандидатовъ, могущихъ соперничать съ Колчакомъ въ популярности — очевидно не было. Такимъ образомъ начались слухи и разговоры о замѣнѣ Эбергарта и о необходимости омоложенія команднаго состава.

Я почти увѣренъ, что Колчакъ, до своего назначенія, ничего о немъ не зналъ, а также не предполагалъ, какія хитросплетенныя интриги ведутся въ Ставкѣ. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ получилъ назначеніе, о которомъ давно мечталъ, и было вполнѣ естественно ожидать, что его

оставятъ въ покоѣ хотя бы до закрытія навигаціи. Если ему и приходила въ голову мысль о какомъ-либо будущемъ повышеніи по службѣ, то навѣрно это касалось лишь Балтійскаго флота: слишкомъ ужъ было несообразно ожидать, чтобы адмирала, хотя бы и сверхъ-выдающагося, во время самаго разгара войны, вырвали изъ знакомой обстановки и назначили въ совершенно чуждую, да еще на высшій командный постъ.

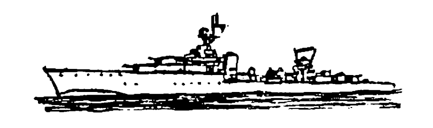
Въ началѣ іюня, въ Ревельскомъ Морскомъ Собраніи, расположенномъ въ чудесномъ историческомъ паркѣ, что-то праздновалось — была музыка и танцы. Нашъ небольшой кружокъ (Непенинъ, Подгурскій и я) воспользовались случаемъ и объединились въ Собраніи, уговоривъ пойти туда же и А. В. Колчака, только что прибывшаго изъ Рижскаго залива для какихъ-то срочныхъ дѣлъ въ Штабѣ, такъ какъ на Рижскомъ фронтѣ наступило временное затишье. Мы сидѣли за столикомъ и мирно бесѣдовали, когда вдругъ появился флагъ-офицеръ Колчака и передалъ ему записку. Колчакъ прочелъ и извинился, что его экстренно вызываетъ Командующій Флотомъ. Онъ еще добавилъ: «странно, кажется мы съ нимъ обо всемъ договорились». Онъ уѣхалъ на «Кречетъ», заявивъ, что вернется, если не будетъ очень поздно (онъ долженъ былъ на разсвѣтѣ уходить на миноносцѣ въ Моонзундъ). Послѣ его ухода вскорѣ пришелъ Непенинъ, который ненадолго куда-то отлучался. Онъ сообщилъ, что только что получена телеграмма прямымъ проводомъ изъ Ставки о назначеніи Колчака Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ, съ производствомъ въ вице-адмиралы; Начальникомъ же Минной Дивизіи назначался Кедровъ (командиръ «Гангута»), съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Мы всѣ были какъ громомъ поражены — такъ неожиданно для всѣхъ насъ было подобное назначеніе. Черезъ нѣкоторое время появился Колчакъ и безъ особой радости въ голосѣ, наоборотъ, скорѣе мрачно, подтвердилъ справедливость сообщеннаго Непенинымъ. Наши поздравленія Колчака, естественно, болѣе походили на соболѣзнованія. Въ послѣдующемъ разговорѣ Колчакъ высказалъ, что ему особенно тяжело и больно покидать Балтику въ такое серьезное и отвѣтственное время, когда на Сѣверномъ Фронтѣ идетъ наступленіе, тѣмъ болѣе, что новая его служба представляется ему совершенно чуждой и слишкомъ трудной, вслѣдствіе полнаго его незнакомства съ боевой обстановкой на Черномъ морѣ.

Неожиданностью назначенія въ Ставкѣ били навѣрняка: тамъ знали, что Колчакъ не такой человѣкъ, чтобы во время войны отказаться отъ боевого назначенія, хотя бы и нежелательнаго для него самаго.

Назначеніе Кедрова также не вызвало особой радости: онъ совсѣмъ не былъ популяренъ на Минной Дивизіи. Очень способный офицеръ и прекрасный работникъ, онъ всегда съ рѣдкой настойчивостью стремился къ одной цѣли: сдѣлать блестящую карьеру. Какъ всѣ убѣжденные карьеристы, онъ былъ сухъ и скорѣе недброжелателенъ по отношенію своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ. Онъ обладалъ сильной волей и настойчивостью, но не былъ талантливъ: его дѣятельность лишена была творчества и вдохновленія. Кромѣ того, онъ былъ сравнительно молодъ, и своимъ назначеніемъ садился на шею многимъ офицерамъ Минной Дивизіи, которые были и старше его, и много опытнѣе и заслуженнѣе.

На другой день Колчакъ и Кедровъ ушли въ Моонзундъ для передачи Дивизіи и ознакомленія съ боевымъ положеніемъ на мѣстѣ, а черезъ нѣсколько дней мы чествовали Колчака обѣдомъ въ Штабѣ и затѣмъ провожали его на вокзалѣ: онъ уѣзжалъ въ Петроградъ, откуда долженъ былъ черезъ Ставку отправиться къ новому мѣсту служенія.

Не только Минная Дивизія, но и весь флотъ отнесся къ отъѣзду Колчака съ нескрываемымъ уныніемъ: онъ пользовался большой и заслуженной популярностью, и всѣ понимали, что замѣнить его слишкомъ трудно.

ГЛАВА V.

БОЕВАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЖИЗНЬ ФЛОТА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1916 ГОДА

Назначеніе командиромъ "Баяна". Походъ въ Моонзундъ. Личныя впечатлѣнія. Назначеніе Непенина Командующимъ Флотомъ.

Теперь коснусь немного себя лично. Я уже полтора года пребывалъ въ роли Флагъ-Капитана и чувствовалъ вполнѣ опредѣленное утомленіе. Должность эта требовала свѣжаго и бодраго человѣка, я же, кромѣ утомленія, началъ подмѣчать въ себѣ появленіе опасныхъ признаковъ штабного бюрократизма и своего рода нетерпимости. Я понялъ, что пора уходить, такъ какъ иначе штабная «тина» меня окончательно засосетъ. Поводъ найти было нетрудно — уже многіе изъ моихъ товарищей по выпуску, и моложе меня, командовали большими кораблями, на что, я, конечно, имѣлъ право не меньше ихъ. Какъ то, при случаѣ, я высказалъ это Григорову (случилось это при назначеніи Тыркова на «Макаровъ»; Тырковъ, благодаря пребыванію въ запасѣ, былъ значительно моложе меня). Григоровъ отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ моему заявленію о томъ, что уже многіе моложе меня командуютъ судами 1-го ранга. Вообще, долженъ сказать, что у меня лично установились прекрасныя отношенія съ Григоровымъ: онъ былъ иногда тяжелъ своей пунктуальностью и требовательностью, но въ то же время это былъ разумный, справедливый и спокойный человѣкъ, работать съ которымъ было очень удобно. Почувствовавъ обиду въ моемъ голосѣ, Григоровъ заявилъ мнѣ, что по его мнѣнію, я имѣю полное

право выбрать любой вакантный корабль. «Кстати, — сказалъ онъ, — «Вейсъ на «Баянѣ» плаваетъ уже три года — хотите вмѣсто него»? Я съ радостью согласился, такъ какъ именно мечталъ командовать однимъ изъ кораблей 1-й бригады крейсеровъ — по духу и по дисциплинѣ лучшей части послѣ Минной Дивизіи. Кромѣ того, во главѣ бригады стоялъ Трухачевъ, мой старый другъ, который уже нѣсколько разъ намекалъ, что былъ бы очень радъ, если бы меня назначили къ нему. Дѣло пошло гораздо скорѣе, чѣмъ я предполагалъ: въ началѣ іюля происходилъ нашъ разговоръ съ Григоровымъ, а уже 20-го вышелъ приказъ о моемъ назначеніи командиромъ «Баяна» вмѣсто кап. 1 р. Вейса, назначеннаго Начальникомъ Штаба Минной Обороны. Въ этой должности онъ оставался очень недолго и скоро былъ назначенъ начальникомъ вновь сформированной Сторожевой Дивизіи съ производствомъ въ контръ-адмиралы.

Мой новый корабль оказался въ образцовомъ порядкѣ. Я принялъ его въ Ревелѣ и тотчасъ же послѣ этого перешелъ на немъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ временно собралась вся бригада. Составъ офицеровъ на «Баянѣ» былъ превосходный; особенно выдѣлялись — старшій офицеръ кап. 2 р. Катковъ, старшій штурманъ лейт. Уховъ (съ Минной Дивизіи) и трюмный механикъ лейт. Трофимовскій. Духъ въ каютъ компаніи и вообще на кораблѣ былъ прекрасный. Послѣ безпокойной штабной службы я отдыхалъ въ полной мѣрѣ. Командирское помѣщеніе было настолько обширное ,что одному человѣку даже было совѣстно его занимать. Въ моемъ распоряженіи былъ огромный салонъ-столовая съ балкономъ, съ комфортабельной мебелью, коврами и т. д.; затѣмъ кабинетъ, спальня съ чудесной кроватью и уборная съ ванной. Въ боевомъ отношеніи «Баянъ», какъ и всѣ крейсера его типа, имѣлъ много недостатковъ, но благодаря своеобразному характеру настоящей войны, онъ оказался однимъ изъ наиболѣе подходящихъ кораблей для различныхъ операцій мѣстнаго характера — морской развѣдки, обстрѣла береговъ и, даже, для участія въ морскихъ бояхъ. Меня особенно радовало, что мой корабль, благодаря этимъ свойствамъ, не будетъ обреченъ, подобно линейнымъ кораблямъ, на вынужденное томительное бездѣйствіе въ тыловыхъ гаваняхъ, а будетъ все время въ работѣ на передовыхъ позиціяхъ. Управляться крейсеромъ было легко, какъ на миноносцѣ: двѣ сильныхъ машины, съ хорошимъ

разносомъ винтовъ, позволяли разворачиваться въ .самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, при неблагопріятномъ вѣтрѣ, являлись нѣкоторыя затрудненія: для того, чтобы заставить съ мѣста носъ покатиться къ вѣтру, приходилось сначала давать ходъ впередъ. Я могъ особенно оцѣнить эту легкость управленія большимъ, въ сущности, кораблемъ, такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ, по истинѣ намучился, управляясь на «Вѣрномъ» съ одной слабенькой машиной.

Въ серединѣ августа мнѣ пришлось впервые имѣть практику въ бригадномъ плаваніи: всѣ наши крейсера, подъ командой Трухачева, были посланы въ Або-Оландскія шхеры для ознакомленія со вновь протраленнымъ и обвѣхованнымъ стратегическимъ фарватеромъ. Въ теченіе двухъ недѣль мы обошли всѣ шхеры, дойдя до сѣверо-западнаго выхода въ Ботническій заливъ. Несмотря на чрезвычайныя навигаціонныя трудности, которыя намъ пришлось преодолѣть, это плаваніе оставило во мнѣ чарующее впечатлѣніе: красота Або-Оландскихъ шхеръ, совсѣмъ непохожихъ на финляндскія, можетъ сравниться лишь съ норвежскими фіордами. На обратномъ пути мы зашли въ Або, послѣ чего вернулись въ Гельсингфорсъ. Вскорѣ послѣ этого, уже не помню по какимъ соображеніямъ, меня угнали въ Ревель. Здѣсь единственнымъ моимъ развлеченіемъ были почти ежедневныя посѣщенія А. И. Непенина, который держалъ меня въ курсѣ событій подъ Ригой, гдѣ готовилось, повидимому, наступленіе, и кормилъ вкусными обѣдами. Кромѣ того, я нѣсколько разъ бывалъ у Подгурскаго. Штабъ его Дивизіи помѣщался на старомъ передѣланномъ кораблѣ «Петръ Великій» (бывшемъ до войны въ Артиллерійскомъ Отрядѣ). Вскорѣ я получилъ секретное распоряженіе быть наготовѣ для похода въ Моонзундъ и Рижскій заливъ, въ связи съ готовящимся наступленіемъ нѣмцевъ на Ригу. Дѣйствительно, вскорѣ я получилъ приказаніе идти черезъ Поркаллаудъ въ Лапвикъ. Тамъ я засталъ бригаду линейныхъ кораблей подъ командой Бахирева. Я явился къ нему, прося дальнѣйшихъ указаній, но онъ отвѣтилъ, что ему ничего не извѣстно; если же онъ что получитъ, то сейчасъ же меня увѣдомитъ. Тогда я рѣшилъ использовать свободное время для посѣщенія двухъ моихъ пріятелей командировъ дредноутовъ — Владиславлева и Зарубаева. Кажется, на другой день, во всякомъ случаѣ, очень скоро, я получилъ

приказаніе по радіо идти съ тральщиками въ Моонзундъ, гдѣ я долженъ былъ поступить въ распоряженіе адм. Кедрова. Весь путь «Баяну» предшествовалъ дивизіонъ тральщиковъ, шедшихъ 12-ти узловымъ ходомъ. Меня поразила нѣкоторая несообразительность распоряженія: по моему мнѣнію и по мнѣнію другихъ командировъ, на этомъ фарватерѣ главная опасность заключалась не въ минахъ загражденія, а въ подводныхъ лодкахъ, которыя показывались въ этомъ районѣ постоянно; походъ же съ тральщиками, стѣснявшими дѣйствія корабля, да еще 12-ти узловымъ ходомъ, создавалъ идеальныя условія для атакъ подводныхъ лодокъ. Усиленныя наблюденія за горизонтомъ (при помощи особыхъ угловыхъ наблюдательныхъ постовъ), однако, не обнаружили признаковъ подводныхъ лодокъ за все время пути, и «Баянъ» благополучно вошелъ въ Моонзундъ, встрѣченный передъ входомъ уже другими тральщиками, которые затралили нѣсколько минъ (нѣмцы подбрасывали мины при входѣ въ Моонзундъ чуть ни каждый день). Когда мы уже двигались за этими новыми тральщиками 6-ти узловымъ ходомъ, пришлось пережить нѣсколько очень тревожныхъ моментовъ: съ Тахконы было передано по радіо, что тамъ видятъ непріятельскую подводную лодку. Разстояніе было около 15 миль, и весь вопросъ былъ въ томъ, поспѣетъ ли она добраться до насъ раньше, чѣмъ мы войдемъ въ Моонзундъ (за Вормсъ) или нѣтъ. Однако, намъ удалось проскочить благополучно: лодка или опоздала, или ей не удалось выбрать позиціи для атаки. Каналъ, соединяющій сѣверную часть Моонзунда съ южной, былъ очень узокъ и извилистъ; мы шли съ двумя буксирами, которые помогали судну разворачиваться на крутыхъ поворотахъ. Еще на пути я получилъ радіо отъ Кедрова съ приказаніемъ идти въ Ригу, не останавливаясь на рейдѣ Куйвастъ. Распоряженіе это показывало, что около Риги происходитъ что-то серьезное. Дѣйствительно, шелъ послѣдній штурмъ Шлокскихъ позицій, закончившійся въ этотъ день ихъ паденіемъ и отходомъ нашихъ войскъ къ самой Ригѣ. Наши всѣ большіе корабли были собраны около Усть-Двинска и оказали посильную помощь войскамъ нашего праваго фланга, которая, однако, не могла предотвратить паденіе Шлока. Распоряженіе это ставило меня въ безвыходное положеніе: я имѣлъ угля лишь столько, чтобы дойти до Усть-Двинска, на обратный же путь не оставалось ничего. Я передалъ объ

этомъ по радіо Кедрову, который, въ отвѣтъ, приказалъ принять срочно уголь въ Куйвастѣ и выйти оттуда съ такимъ расчетомъ, чтобы быть у Усть-Двинска не позднѣе 6-ти часовъ утра слѣдующаго дня. Я пришелъ въ Куйвастъ около 10-ти час. вечера, гдѣ къ борту тотчасъ же подошелъ угольный транспортъ, приведенный ко мнѣ согласно моего распоряженія еще съ пути, черезъ миноносецъ, бывшій подъ командой кап. 2 р. Селитренникова. Однако, я еще не успѣлъ приступить къ погрузкѣ угля, какъ было получено новое радіо отъ Кедрова, что «походъ отмѣняется», — Шлокъ былъ сданъ и надобность въ дальнѣйшей помощи флота оказалась излишней.

На другой день вернулся Кедровъ, а съ нимъ и всѣ суда, принимавшія участіе въ защитѣ нашего праваго фланга фронта. Кедровъ прошелъ на миноносцѣ прямо на сѣверъ, такъ что повидать его мнѣ въ этотъ разъ не удалось.

Изъ большихъ кораблей въ это время въ Моонзундѣ находились: «Слава» подъ командой кап. 1 р. В. В. Ковалевскаго (назначеннаго послѣ Вяземскаго, убитаго осколкомъ непріятельскаго снаряда при обстрѣлѣ береговыхъ позицій), «Адмиралъ Макаровъ» — командиръ кап. 1 р. Ник. Дм. Тырковъ и «Діана» — командиръ кап. 1 р. Мод. Ивановъ, впослѣдствіи прославившійся своей «ставкой на большевизмъ», заслужившей ему общее и единодушное презрѣніе со стороны всѣхъ приличныхъ элементовъ, составлявшихъ личный составъ флота. Старшимъ былъ Ковалевскій, которому я немедленно и явился. В. В. Ковалевскій подробно посвятилъ меня въ положеніе въ Рижскомъ заливѣ, въ характеръ работы большихъ кораблей, условія стоянки и т. д. Большіе корабли были подчинены Начальнику Минной Дивизіи въ оперативномъ отношеніи, старшій же изъ командировъ (Ковалевскій въ данномъ случаѣ) пользовался по отношенію этихъ кораблей правами старшаго на рейдѣ, не подымая, однако, брейдъ-вымпела. При отсутствіи Начальника Дивизіи, его командныя права переходили къ старшему изъ Начальниковъ дивизіоновъ Минной Дивизіи, хотя всѣ они были моложе Ковалевскаго. Оправдывалось это тѣмъ, что Начальники дивизіоновъ, стоя со своими миноносцами около базы Дивизіи, транспорта «Либава», имѣли подъ рукой всѣ оперативныя свѣдѣнія, большіе же корабли стояли въ 4 миляхъ отъ Куйваста.

Ковалевскій предложилъ мнѣ перейти къ мѣсту стоянки большихъ кораблей, въ углубленный мѣшокъ сѣвернѣе о-ва Шильдау, недалеко отъ южнаго входа въ каналъ. Это мѣсто считалось болѣе безопаснымъ отъ атакъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, могущихъ войти изъ Рижскаго залива въ Моонзундъ. Вообще же возможность прохода германскихъ подводныхъ лодокъ въ Моонзундъ можно было считать довольно проблематичной, такъ какъ пространство у входа было густо засыпано минами и ограждено минными сѣтями, и, кромѣ того, охранялось всегда канонерской лодкой и дозорными миноносцами.

Двухмѣсячная стоянка моя въ Моонзундѣ ничѣмъ выдающимся въ боевомъ отношеніи не ознаменовалась. Нѣмцы, дойдя до Риги, никакой активности больше не проявляли, укрѣпляясь на новыхъ позиціяхъ. Никакихъ признаковъ наступленія на Ирбенъ также не замѣчалось. Такимъ образомъ, для большихъ кораблей пока работы не было. Было лишь нѣсколько налетовъ непріятельскихъ аэроплановъ — бомбовозовъ, пытавшихся забросать бомбами большіе корабли. Своевременно замѣченные, аэропланы были сильно обстрѣляны съ судовъ, но, несмотря на это, не измѣнили курса и сбросили бомбы надъ кораблями: паденіе и взрывы бомбъ были настолько близко отъ «Баяна», что, если бы команда не была заблаговременно убрана подъ броню, безъ жертвъ не обошлось бы: мелкими осколками была осыпана вся палуба, одинъ же крупный осколокъ пробилъ бортъ на бакѣ значительно выше ватерлиніи. На мостикѣ оказались перебитыми деревянные поручни и продырявленными во многихъ мѣстахъ парусинные обвѣсы. Противоаэропланная артиллерія оказалась средствомъ весьма мало дѣйствительнымъ: обычно запаздывала пристрѣлка, стрѣльба становилась чрезвычайно нервной и только слѣпой случай могъ помочь попасть въ аэропланъ. Оставалось только моральное воздѣйствіе — близкіе взрывы снарядовъ, конечно, не могли не вліять на психику летчиковъ, въ особенности неопытныхъ. Но «обстрѣленный» летчикъ не боится этой артиллеріи. Пушки же, имѣвшіяся на «Баянѣ», обладали еще однимъ крупнымъ недостаткомъ: уголъ возвышенія ихъ былъ ограниченъ 72 градусами, такъ что приходилось прекращать огонь сравнительно еще задолго до того момента, когда аэропланы начинали сбрасывать бом-

бы, т. е. летчики имѣли достаточно времени, чтобы совершенно оправиться и почти безъ всякихъ помѣхъ выполнить свое дѣло. Ощущеніе людей, находящихся на большомъ кораблѣ, стоящемъ неподвижно (мы были на якорѣ, безъ паровъ), атакуемомъ непріятельскими бомбовозами, можно сравнить съ чувствомъ дуэлянта, уже сдѣлавшаго свой выстрѣлъ и ожидающаго выстрѣла своего противника, спокойно прицѣливающагося въ него. Людей охватываетъ жуть и сознаніе полной безпомощности; и когда черная точка срывается съ аэроплана, висящаго надъ вашей головой, думается, что бомба летитъ прямо въ васъ. По счастью, нѣмцы сравнительно рѣдко присылали свои бомбовозы, чаще ограничиваясь налетомъ безвредныхъ развѣдочныхъ аэроплановъ. Одинъ разъ насъ угостилъ своимъ посѣщеніемъ и Цеппелинъ; но, благодаря рутинности нѣмецкихъ пріемовъ (наканунѣ прилетѣла цѣлая эскадрилья развѣдочныхъ аэроплановъ, обошедшихъ кругомъ мѣсто стоянки большихъ кораблей), налеты ожидались и были приняты весьма простыя мѣры: корабли передъ вечеромъ перемѣнили мѣста на милю приблизительно; дѣйствительно, ночью было слышно шумъ пропеллера и затѣмъ рядъ взрывовъ въ томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ наканунѣ стояли корабли. За исключеніемъ этихъ «развлеченій» жизнь на большихъ корабляхъ протекала совершенно спокойно и даже скучно, въ особенности для командировъ, обреченныхъ проводить время въ полномъ одиночествѣ. Берегъ былъ далеко, да и вообще съѣзжать было рисковано, такъ какъ корабли всегда были въ 2-4-хъ часовой готовности. Единственнымъ развлеченіемъ были обмѣны обѣдами съ другими командирами и приглашеніе къ своему столу судовыхъ офицеровъ. Но продѣлавъ полный «курсъ» въ смыслѣ этихъ послѣднихъ приглашеній, я прекратилъ подобные обѣды, такъ какъ убѣдился, насколько это стѣсняетъ офицеровъ. Затѣмъ оставалось чтеніе, писаніе писемъ и безцѣльныя прогулки, какъ звѣрь въ клѣткѣ, по своимъ огромнымъ помѣщеніямъ и по юту. Кажется, одинъ только разъ мнѣ удалось залучить въ гости «живого» человѣка — командира «Кондратенко» П. И. Крашенинникова: для меня это былъ праздникъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прихода въ Моонзундъ «Макаровъ» ушелъ въ Ревель на отдыхъ (онъ уже былъ въ Моонзундѣ чуть не годъ).

Большіе корабли имѣли на материковомъ берегу, недалеко отъ маяка Патерностеръ, свою «хозяйственную базу», оборудованную «Славой» и «Макаровымъ».

Былъ заарендованъ небольшой участокъ земли (кажется, во владѣніяхъ барона Буксгевдена, проживающаго постоянно въ Берлинѣ), гдѣ были устроены огороды и конюшня съ нѣсколькими упряжными и верховыми лошадьми; при помощи этой «базы» дѣлались въ окрестностяхъ разныя закупки и заказы продовольственныхъ продуктовъ; покупался и живой скотъ. Въ небольшомъ дачномъ домѣ устроено было нѣчто вродѣ скромнаго собранія, гдѣ въ зимнее время офицеры имѣли возможность отдыхать отъ судовой жизни. Тутъ же жили и семьи нѣкоторыхъ офицеровъ. Съ берегомъ и съ Куйвастомъ (на островѣ Моонѣ) сообщеніе поддерживалось особыми паровыми барказами (буксирными пароходами) и судовыми шлюпками. Съ судами Минной Дивизіи, стоящими около самаго Куйваста, за дальностью разстоянія (4 мили) сношеній было мало. Минная Дивизія тѣмъ временемъ не бездѣйствовала. Охрана Ирбена, дозорная служба вдоль нѣмецкаго берега Рижскаго залива, обстрѣлы этихъ береговъ и постановка минъ, продолжались съ прежней интенсивностью, заставляя нѣмцевъ держаться все время насторожѣ.

Общее настроеніе офицеровъ и командъ въ Моонзундѣ, не исключая даже нашихъ «бездѣйствующихъ» кораблей, было куда бодрѣе, чѣмъ въ тылу. Сознаніе близости непріятеля, постоянные боевые походы и операціи миноносцевъ, налеты аэроплановъ — все это создавало особую атмосферу бодрой настороженности, заражавшей и большіе корабли.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ вызвало нѣкоторую сенсацію полученное извѣстіе о назначеніи Непенина Командующимъ Флотомъ, вмѣсто Канина, убраннаго въ Государственный Совѣтъ. Минная Дивизія, въ общемъ, отнеслась сочувственно къ этому назначенію: А. И. Непенинъ былъ популяренъ на миноносцахъ — благодаря той помощи, которую онъ постоянно оказывалъ Дивизіи своими освѣдомленіями и отчасти благодаря дружбѣ съ Колчакомъ.

Такимъ образомъ, работа Альтфатера увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и Непенинъ получилъ то, чего такъ усиленно добивался; да этому и не было особенныхъ препятствій съ

тѣхъ поръ, какъ главный и, пожалуй, единственный серьезный соперникъ Непенина, А. В. Колчакъ, былъ убранъ съ дороги.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, первые шаги А. И. Непенина были въ области чисто внѣшней дисциплины: съ настойчивостью и нетерпимостью, достойными лучшаго примѣненія, онъ сталъ требовать образцовой выправки и отданія чести, строго наказуя виновныхъ офицеровъ, какъ и матросовъ. Подобный педантизмъ въ вопросахъ, которымъ во время войны не придавалось особаго значенія, произвелъ съ самаго начала невыгодное впечатлѣніе на личный составъ, и создалъ Непенину не мало враговъ среди офицерской молодежи и особенно среди матросовъ. Да и старое офицерство чувствовало, что начинать «подтяжку» дѣйствительно распустившагося личнаго состава слѣдовало не съ отданія чести и становленія во фронтъ быстро мчащемуся автомобилю Командующаго, а съ чего-нибудь поглубже.

Вскорѣ послѣ своего назначенія Непенинъ прибылъ въ Моонзундъ, побывалъ вмѣстѣ съ Кедровымъ на Церельской батареѣ, посѣтилъ нѣсколько судовъ (у меня на «Баянѣ» онъ не былъ) и затѣмъ отбылъ обратно на сѣверъ. Посѣщеніе его въ первую голову самой передовой позиціи нашего флота произвело прекрасное впечатлѣніе на личный составъ.

Въ началѣ октября «Баяну» приказано было вернуться въ Гельсингфорсъ на соединеніе съ бригадой, которая должна была перейти затѣмъ въ Або-Оландскія шхеры для производства артиллерійскихъ стрѣльбъ и практики въ эволюціяхъ; къ этому времени въ шхерахъ, вплоть до острова Оланда, былъ протраленъ цѣлый рядъ стратегическихъ фарватеровъ, такъ что явилась возможность въ самомъ западномъ районѣ этихъ шхеръ не только свободно передвигаться въ любомъ направленій, но даже производить стрѣльбы и практиковаться въ эволюціяхъ.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ

(Конецъ 1916 года).

Возвращеніе въ Гельсингфорсъ. Смотръ Непенина. Походъ въ Кронштадтъ и обратно. Переходъ въ Ревель на зимовку.

По приходѣ въ Гельсингфорсъ я сразу попалъ въ круговоротъ толковъ и пересудъ касательно «линіи поведенія» новаго Командующаго Флотомъ. Въ общемъ, утѣшительнаго пришлось услышать мало. Всѣ подтверждали то, что до насъ дошло въ Моонзундъ. Наряду съ весьма разумными, въ большинствѣ случаевъ, боевыми и хозяйственными распоряженіями, касавшимися нашихъ передовыхъ позицій, отдѣльныхъ частей флота и береговыхъ учрежденій, разбросанныхъ по всему побережью Финскаго залива, внѣшняя, показная «драйка» и «подтяжка» шла во всю. Самъ Адріанъ Ивановичъ разъѣзжалъ по городу въ автомобилѣ со спеціальной цѣлью ловить невнимательныхъ и «зѣвающихъ» офицеровъ и матросовъ. Учреждены были особыя штабъ-офицерскія дежурства по городу для наблюденія за отданіемъ чести. Атмосфера въ самомъ Штабѣ, на «Кречетѣ», была гнетущая: въ воздухѣ «висѣлъ» почти непрерывный разносъ; флагъ-офицеры сбивались съ ногъ, стараясь угодить новому «сатрапу». По мнѣнію болѣе солидныхъ офицеровъ, Непенинъ, опьяненный властью, что называется, «закусилъ удила», результатомъ чего былъ цѣлый рядъ безтактныхъ поступковъ, вредившихъ прежде всего самому Непенину. Откровенно говоря, я не ожидалъ ничего подобнаго отъ Непенина, считая

его прежде всего умнымъ человѣкомъ. До того времени я всегда былъ искреннимъ поклонникомъ и почитателемъ Непенина, а потому и не могъ подавить въ себѣ нѣкотораго чувства недовѣрія къ этимъ разсказамъ, считая ихъ преувеличенными за счетъ личныхъ обидъ. Однако, вскорѣ, на собственномъ опытѣ, мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что значительная доля этихъ разсказовъ была вполнѣ обоснована. Я простоялъ съ крейсеромъ въ Гельсингфорсѣ недѣли двѣ-три. Меня предупредили, что Непенинъ продѣлываетъ всѣмъ новымъ кораблямъ, приходящимъ въ Гельсингфорсъ, смотры, причемъ страшно придирается, подражая блаженной памяти самодуру Бирилеву, который на смотрахъ спускался въ машинныя и котельныя отдѣленія, предварительно надѣвъ чистыя бѣлыя перчатки; если, послѣ тщательнаго осмотра и ощупыванія всѣхъ закоулковъ, на перчаткахъ оставались пятна, механики получали обвиненіе чуть не въ государственной измѣнѣ и очень часто изгонялись со службы. Я не очень боялся этого смотра, такъ какъ мой корабль былъ несомнѣнно въ порядкѣ (придя только что изъ Моонзунда, гдѣ все время уходило на наведеніе порядка по всѣмъ частямъ), а кромѣ того, какъ мнѣ сказали, смотры эти дѣлались не неожиданно, а съ предупрежденіемъ наканунѣ, такъ что было время приготовиться — «товаръ лицомъ показать». Однако, въ одно прекрасное утро, сейчасъ же послѣ 8 часовъ, усмотрѣвъ нарядный катеръ Командующаго подъ флагомъ, идущій прямо на меня, я почувствовалъ себя скверно. Никакого предупрежденія не было, и корабль мой совсѣмъ не былъ готовъ къ смотру: вездѣ шли судовыя работы, вслѣдствіе чего команда была одѣта въ довольно грязное рабочее платье, офицеры одѣты разнообразно. Благодаря малому разстоянію между «Кречетомъ» и «Баяномъ», мы еле-еле поспѣли собрать и выстроить команду и офицеровъ. Я встрѣтилъ Непенина (котораго я видѣлъ впервые послѣ того, какъ дружески обѣдалъ у него наканунѣ моего похода въ Моонзундъ) на трапѣ и отрапортовалъ ему, не представляя строевого распорта, такъ какъ написать его, очевидно, не было времени. Вмѣсто того, чтобы поздороваться со мной, Непенинъ сразу же накинулся на меня: «Отчего нѣтъ строевого распорта? Отчего команда не переодѣта? Отчего корабль не приготовленъ къ смотру»? На этотъ фейерверкъ вопросовъ, сдѣланныхъ весьма рѣзкимъ голосомъ, безъ всякой тѣ-

ни былой ласковости и «дружества», я нашелся только отвѣтить: «Я не получилъ предупрежденія о томъ, что будетъ смотръ». Непенинъ опять накинулся: «Неправда, этого не можетъ быть. Вчера еще было приказано вамъ просемафорить». Тутъ я нѣсколько смутился, такъ какъ мнѣ пришло въ голову, что мои сигнальщики дѣйствительно могли прозѣвать семафоръ. Непенинъ направился по фронту офицеровъ. Я былъ настолько обезкураженъ и возмущенъ тономъ Непенина, что представилъ ему офицеровъ кое-какъ, пропуская по нѣсколько фамилій. Поздоровавшись съ карауломъ и командой, Непенинъ опять накинулся на меня: «Отчего команда растянута по всей палубѣ, а не собрана на ютѣ, какъ я приказывалъ»? Я ему на это отвѣтилъ, что никакихъ распоряженій по этому поводу не получалъ. Затѣмъ обратившись къ командѣ, Непенинъ началъ выкрикивать: «Корабль въ полномъ безпорядкѣ! Грязь, мерзость» и т. д. все въ томъ же духѣ. Я тутъ не вытерпѣлъ и перебилъ Непенина: «Ваше Превосходительство, если корабль въ безпорядкѣ, то въ этом виновата не команда, которая работаетъ прекрасно, а я, командиръ, почему прошу и обращаться ко мнѣ». Непенинъ замолчалъ, видимо понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Выдержавъ томительную паузу, онъ обратился ко мнѣ уже довольно спокойно: «Я не могу производить смотра, разъ корабль не готовъ. Я прикажу разобрать, кто виноватъ въ его неготовности». Затѣмъ, ни съ кѣмъ не прощаясь, онъ пошелъ къ трапу и уѣхалъ. Состояніе мое послѣ его отъѣзда не поддавалось никакому описанію: и чувство глубокой обиды за тяжкое оскорбленіе, нанесенное кораблю, и ни въ чемъ неповиннымъ офицерамъ и командѣ, и уязвленное самолюбіе стараго исправнаго служаки, не получившаго за всю жизнь ни одного служебнаго замѣчанія, все это подняло въ моей душѣ такую бурю, что я долженъ былъ поскорѣе уйти въ каюту, чтобы не надѣлать какихъ-либо глупостей. Здѣсь я немного успокоился и обдумалъ свое положеніе. Во всякомъ случаѣ, послѣ такого оскорбленія, такого грубаго обвиненія, брошеннаго мнѣ при офицерахъ и командѣ Командующимъ Флотомъ, оставаться дальше командиромъ я не могъ. Затѣмъ я рѣшилъ, когда представится возможность, т. е. по окончаніи войны, потребовать отъ Непенина удовлетворенія за нанесенное оскорбленіе: другого выхода я не находилъ. Я вызвалъ старшаго офицера и приказалъ

приготовить катеръ, чтобы ѣхать къ Командующему Бригадой кап. 1 р. Вердеревскому, который, состоя командиромъ крейсера «Богатырь», временно замѣнилъ окончательно заболѣвшаго и отправленнаго для лѣченія на Кавказъ П. Л. Трухачева. Вердеревскій уже понялъ, что что-то случилось, такъ какъ видѣлъ катеръ Командующаго, приставшій къ «Баяну» и очень скоро отвалившій обратно. Я взволнованно передалъ обо всемъ происшедшемъ Вердеревскому и въ заключеніе подалъ ему рапортъ объ отчисленіи отъ командованія, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что послѣ брошенныхъ мнѣ Командующимъ Флотомъ оскорбительныхъ для чести корабля и моей лично обвиненій, въ присутствіи команды и офицеровъ, я оставаться командиромъ не могу. Вердеревскій, большой дипломатъ и другъ Непенина, пытался меня успокоить, объясняя все недоразумѣніемъ. Въ концѣ концовъ, однако, по моимъ настояніямъ, онъ рѣшилъ ѣхать къ Непенину, захвативъ мой рапортъ. Я вернулся на корабль въ самомъ мрачномъ настроеніи. Старшій офицеръ, узнавъ отъ меня о томъ, что я подалъ рапортъ объ отчисленіи отъ должности, ушелъ и, вернувшись черезъ нѣкоторое время, доложилъ, что всѣ офицеры и кондукторы, узнавъ о подачѣ мною рапорта объ отчисленіи, рѣшили также просить о списаніи съ корабля, такъ какъ они считаютъ, что Командующій Флотомъ оскорбилъ совершенно незаслуженно весь корабль и они хотятъ быть солидарными со мной. Вслѣдъ за тѣмъ, съ аналогичнымъ заявленіемъ отъ лица всѣхъ сверхсрочнослужащихъ, явился боцманъ. Я просилъ ихъ обождать до возвращенія Вердеревскаго. Около 2 ч. дня къ «Баяну» опять направился катеръ Командующаго, но уже безъ флага. Прибылъ флагъ-офицеръ, который передалъ мнѣ письмо, на конвертѣ котораго было написано: «Сергѣю Николаевичу Тимиреву — отъ Командующаго Балтійскимъ Флотомъ». Интимность адреса сразу показала мнѣ, что Адріанъ Ивановичъ «играетъ назадъ». Письмо начиналось такъ: «Дружище Сергѣй Николаевичъ, произошло досадное недоразумѣніе, за которое приношу тебѣ мои искреннія извиненія. Напуталъ флагъ-офицеръ, за что и посаженъ мною подъ арестъ. Надѣюсь, ты не посѣтуешь на меня и простишь мнѣ тѣ рѣзкія выраженія, которыя невольно вырвались у меня и совершенно незаслужены ни тобой, ни твоимъ кораблемъ. Очень прошу тебя взять рапортъ обратно и считать инцидентъ исчерпан-

нымъ». Подписано: «твой другъ А. Непенинъ». Я прочелъ письмо «моего друга» (хотя и не имѣлъ на это его разрѣшенія) офицерамъ и командѣ, причемъ добавилъ, что, принявъ во вниманіе военное время, я полагаю, что можно удовлетвориться этимъ письмомъ, всѣмъ остаться на мѣстахъ и считать инцидентъ исчерпаннымъ, но что для полной, окончательной реабилитаціи корабля, я буду требовать новаго строжайшаго смотра. Такъ я заявилъ и Вердеревскому, который обѣщалъ доложить Непенину. Черезъ мѣсяцъ этотъ смотръ состоялся (въ шхерахъ), причемъ Непенинъ дѣйствительно учинилъ серьезнѣйшій смотръ, забираясь рѣшительно во всѣ дыры (въ топки, бортовые корридоры, двойное дно и т. д.). Смотръ, слава Богу, прошелъ блестяще и Непенинъ вынужденъ былъ благодарить «за безукоризненное состояніе корабля» и команду, и офицеровъ и меня передъ фронтомъ. Послѣ этого «инцидентъ» можно было считать окончательно исчерпаннымъ.

Я нарочно со всѣми подробностями описалъ этотъ, въ сущности, маловажный эпизодъ, такъ какъ онъ достаточно ярко рисуетъ неуравновѣшенность и отсутствіе выдержки Непенина въ роли Командующаго флотомъ, который, сплошь и рядомъ, совершая подобныя ошибки, портилъ только себѣ. Въ результатѣ «моего» инцидента, Непенинъ лишился друга и большого почитателя, а также и создалъ недоброжелательное къ себѣ отношеніе на всей нашей бригадѣ.

Въ концѣ октября Бригада наша, подъ командой Вердеревскаго, отправилась въ Або-Оландскія шхеры на артиллерійскія стрѣльбы и маневры. Продолжалось это очень полезное практическое плаваніе около трехъ недѣль. По возвращеніи въ Гельсингфорсъ, въ серединѣ ноября, «Рюрику» (кап. 1 р. Пышновъ) и «Баяну» приказано было готовиться къ походу въ Кронштадтъ, для очередного ввода въ докъ. Казалось бы, этотъ чисто «тыловой» походъ не представлялъ собою никакой опасности, и какія-либо спеціальныя приготовленія къ нему были совершенно излишни; но на дѣлѣ было не такъ. Уже нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ этого района обнаруживались непріятельскія мины загражденія; какъ онѣ были поставлены — рѣшить было очень трудно: по однимъ догадкамъ непріятельскія подводныя лодки изрѣдка проникали въ самый глубокій тылъ Финскаго залива; по дру-

гой же версіи (которой я лично больше вѣрилъ) мины ставились съ чухонскихъ лайбъ, купленныхъ или нанятыхъ нѣмецкими агентами, которыхъ въ Финляндіи было очень много и изъ природныхъ финляндцевъ. Версія о подводныхъ лодкахъ заставляла корабли ходить безъ огней и принимать обычныя мѣры предосторожности) существованіе же непріятельскихъ минъ загражденія создавало необходимость предварительно протраливать всѣ обычные пути. Кромѣ того, приступлено было къ прокладкѣ шхернаго стратегическаго фарватера до Біоркэ, но работа эта не была закончена изъ-за революціи.

Мы вышли изъ Гельсингфорса подъ вечеръ цѣлымъ отрядомъ: въ головѣ «Андрей Первозванный» подъ флагомъ адмирала Небольсина, затѣмъ «Рюрикъ» и концевымъ «Баянъ». Мы шли обычнымъ корабельнымъ фарватеромъ, съ расчетомъ около полночи обогнуть южную оконечность Гогланда. Всѣ попутные маяки были зажжены. Я не знаю, какія тральныя работы были произведены въ тыловомъ районѣ передъ нашимъ выходомъ изъ Гельсингфорса; во всякомъ случаѣ намъ было объявлено, что путь чистъ отъ минъ. Тѣмъ не менѣе, самое опасное мѣсто, узкость противъ южной оконечности Гогланда — оказалась непротраленной, такъ какъ трудно было предположить, чтобы нѣмцы набросали тамъ минъ передъ самымъ нашимъ походомъ. «Андрей Первозванный», шедшій головнымъ, проскочилъ благополучно, слѣдующій же за нимъ «Рюрикъ» наткнулся на мину, ударившись, повидимому, самымъ своимъ форштевнемъ, что, въ сущности, его спасло. Катастрофа произошла около полночи, совсѣмъ близко отъ южной оконечнсти Гогланда. Происшедшая послѣ взрыва естественная суматоха на крейсерѣ не позволила ему сразу сообщить о случившемся «Андрею» и «Баяну», вслѣдствіе чего первый ушелъ впередъ, мы же сблизились вплотную съ «Рюрикомъ», причемъ, маневрируя около него малымъ ходомъ, фактически протралили своимъ дномъ все подозрительное пространство. Наконецъ, выяснилось въ чемъ дѣло. По счастью, «Рюрикъ» не получилъ опасныхъ для его жизни поврежденій. Водою заполнился лишь самый носовой отсѣкъ, причемъ было принято около тысячи тоннъ воды; однако, переборка выдержала и бѣда ограничилась тѣмъ, что крейсеръ сѣлъ носомъ на нѣсколько футъ. Самымъ малымъ ходомъ дошли мы до о-ва Лавенсари, гдѣ стали на

якорь для выясненія степени повржденія. Черезъ Гогландъ было дано знать въ Кронштадтъ о случившемся съ просьбой немедленно выслать спасательныя и буксирныя средства. Однако, на разсвѣтѣ выяснилось, что вода на «Рюрикѣ» не прибываетъ и что онъ можетъ идти дальше самостоятельно. Снявшись съ якоря, мы пошли малымъ ходомъ въ Кронштадтъ. На пути мы встрѣтили массу буксировъ, высланныхъ изъ Кронштадта въ помощь «Рюрику», изъ которыхъ въ концѣ концовъ составился весьма внушительный эскортъ. По приходѣ въ Кронштадтъ, «Рюрикъ» немедленно былъ введенъ въ Алексѣевскій докъ. Пробоина оказалась колоссальныхъ размѣровъ, причемъ расположеніе ея указывало, что крейсеръ ударился о мину самымъ форштевнемъ, и мина взорвалась немедленно; перейди мина хоть немного по борту, поврежденія получились бы гораздо серьезнѣе, и даже могли быть гибельными для крейсера. На другой день послѣ катастрофы, районъ у Гогланда былъ протраленъ и найдены были еще двѣ мины почти на фарватерѣ: счастье мое, что я не наткнулся на нихъ, когда маневрировалъ около «Рюрика». Черезъ нѣсколько дней меня тоже ввели въ докъ и приступили къ обычному доковому ремонту подводной части. Въ этотъ послѣдній до-революціонный періодъ (конецъ ноября 1916 года) Кронштадтъ произвелъ на меня впечатлѣніе хотя и унылаго, но благоустроеннаго и подтянутаго тылового города. Виренъ, носившій внушительное званіе «Главнаго Начальника Тыла» — въ сущности томился отъ бездѣйствія, вслѣдствіе чего занимался съ сугубымъ рвеніемъ наведеніемъ общаго порядка и поднятіемъ дисциплины, причемъ, къ сожалѣнію, примѣнялъ пріемы, весьма схожіе съ Непенинскими; въ первые же дни революціи ему, несчастному, пришлось за это жестоко поплатиться: онъ былъ звѣрски замученъ и убитъ.

По старой традиціи, мнѣ пришлось пойти съ визитомъ къ Вирену, какъ къ бывшему командиру перваго «Баяна» — артурскаго. Виренъ былъ очень любезенъ, но, какъ и всегда при встрѣчахъ съ нимъ, я не могъ отрѣшиться отъ недоброжелательнаго чувства, возникшаго еще въ очень старинныя времена. Дѣло было въ Портъ-Артурѣ, въ дни сдачи крѣпости. По требованію японцевъ, гарнизонъ выводили изъ крѣпости, какъ скотъ, въ особый «выгонъ», гдѣ происходилъ учетъ, и откуда составлялись партіи для отправки въ плѣнъ. Ви-

ренъ, бывшій въ періодъ сдачи Командующимъ Флотомъ, приказалъ всѣмъ морскимъ командамъ и состоящимъ при нихъ офицерамъ быть одѣтымъ «по формѣ»; чтобы понять нелѣпость этого требованія, нужно знать, что, въ послѣдній періодъ осады всѣ здоровыя морскія команды были на сухопутныхъ передовыхъ позиціяхъ, вслѣдствіе чего и были одѣты съ большимъ разнообразіемъ. Когда команда броненосца «Побѣда», гдѣ я былъ старшимъ офицеромъ, дефилировала мимо Вирена (самого одѣтаго съ иголочки), онъ разразился ругательствами по адресу матросовъ, почти всѣхъ одѣтыхъ въ папахи, безъ которыхъ, кстати сказать, зимой въ окопахъ нельзя было обойтись. Сбоку фронта шелъ я, поддерживаемый однимъ изъ офицеровъ. Я только въ этотъ день, вопреки желанію врача, выписался изъ госпиталя, гдѣ находился послѣ моего раненія на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ. Я выписался изъ госпиталя еще не оправившись отъ контузіи, со спеціальной цѣлью не отстать отъ товарищей, съ которыми я рѣшилъ идти въ плѣнъ. При раненіи на мнѣ сгорѣла вся одежда, такъ что одѣтъ я былъ во все чужое: на мнѣ былъ штатскій костюмъ, форменное пальто съ прорѣхой во всю спину, пожертвованное мнѣ добрѣйшимъ кап. 1 р. Сарнавскимъ, и солдатская папаха, купленная за рубль у какого-то артиллериста. Увидавъ меня, Виренъ совсѣмъ разсвирѣпѣлъ: «Какъ вамъ не стыдно! Вы, начальникъ команды — и какъ вы одѣты? Какой примѣръ вы подаете подчиненнымъ»? Среди матросовъ пронесся опредѣленный ропотъ; раздались отдѣльные голоса: «Тебѣ должно быть стыдно, а не ему», «вѣдь онъ изъ госпиталя, раненый». Я же отъ физической слабости ничего не могъ отвѣтить. Къ счастью для Вирена, команда скрылась за поворотомъ дороги. Вотъ этотъ-то случай всегда стоялъ у меня передъ глазами, когда мнѣ приходилось встрѣчаться съ Виреномъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло уже двѣнадцать лѣтъ.

Во время стоянки въ Кронштадтѣ у меня произошелъ инцидентъ съ однимъ докторомъ, окончившійся, къ сожалѣнію, очень печально для этого послѣдняго. Отъ какихъ-то причинъ у меня сильно заболѣлъ глазъ, причемъ случилось это за нѣсколько дней до нашего ухода. По совѣту нашего судового врача я обратился къ Завѣдующему Глазнымъ Отдѣленіемъ Морского Госпиталя доктору Жоффріо, о чемъ этотъ послѣдній былъ заблаговременно предупрежденъ. Од-

нако, Жоффріо меня не принялъ, а предложилъ придти на общій пріемъ черезъ 4 дня. Я отвѣтилъ фельдшеру, передавашему мнѣ слова доктора, что до того времени корабль уже уйдетъ въ море, и добавилъ, что считаю подобное отношеніе доктора къ больнымъ въ военное время недопустимымъ, о чемъ мною будетъ поданъ рапортъ по начальству. Такъ я и сдѣлалъ, полагая, что дѣло ограничится внушеніемъ сему доктору-бюрократу. Однако, Непенинъ на это посмотрѣлъ иначе: желалъ ли онъ сдѣлать мнѣ пріятное, или же просто рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы заявить «власть», но черезъ нѣкоторое время я получилъ изъ Штаба извѣщеніе, что Командующій Флотомъ, по докладѣ ему моего рапорта, приказалъ отчислить отъ должности доктора Жоффріо за «недопустимое отношеніе къ больнымъ въ военное время».

Незадолго передъ моимъ уходомъ изъ Кронштадта (въ началѣ декабря) состоялось назначеніе новаго Начальника Бригады — контръ-адмирала Влад. Конст. Пилкина. Вердеревскій, временно командовавшій Бригадой, получилъ Подводное Плаваніе, вмѣсто Подгурскаго, котораго Непенинъ, уже давно точившій на него зубы, перевелъ на менѣе отвѣтственное мѣсто *). По всей вѣроятности назначеніе это было подготовлено самимъ Вердеревскимъ, хотя онъ и утверждалъ впослѣдствіи, что ему было бы пріятнѣе остаться на бригадѣ. Трудно было предположить, чтобы умный, ловкій и хитрый Вердеревскій, находившійся съ Непенинымъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, не сумѣлъ бы добиться для себя такого назначенія, которое ему было больше по душѣ.

Влад. Конст. Пилкинъ былъ самый старшій изъ первыхъ командировъ дредноутовъ, но получилъ повышеніе по службѣ послѣднимъ. Подобное «невниманіе» къ нему со стороны высшаго начальства слѣдовало отнести прежде всего къ нѣкоторымъ его личнымъ качествамъ, не очень пріятнымъ для начальства. Пилкинъ былъ человѣкъ очень твердыхъ правилъ, безъ тѣни заискиванія и подлаживанія къ начальству, никогда не задумывавшійся высказывать всю правду, какъ бы она рѣзка ни была. Обладая острымъ умомъ и серьезнымъ образованіемъ, онъ былъ всегда склоненъ къ критикѣ и сарказ-

*) Начальникомъ Охраны Воднаго района къ сѣверу отъ Або.

мамъ, что тоже не очень нравилось начальству. Кромѣ того, Пилкинъ былъ большой либералъ и въ до-революцiонное время пользовался репутацiей «краснаго». По складу своей натуры онъ, пожалуй, былъ скорѣе кабинетный человѣкъ, изъ котораго, однако, могъ выработаться прекрасный общественный и политическiй дѣятель, военная же служба къ нему какъ-то не подходила. Тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему быть прекраснымъ командиромъ и выдающимся адмираломъ. Характерной особенностью его натуры была внутренняя порядочность — «джентльменство» въ лучшемъ значенiи слова, — что дается только избраннымъ натурамъ, имѣющимъ случай получить хорошее воспитанiе. Пилкинъ всегда держался особнякомъ, не состоя въ дружбѣ и не сходясь тѣсно ни съ однимъ изъ своихъ сослуживцевъ; полагаю, что отчасти это происходило вслѣдствiе того, что онъ совершенно былъ чуждъ того «амикошонства», которое, къ сожалѣнiю, столь свойственно морякамъ, переходящимъ на «ты» послѣ третьей рюмки вина.

Прибывъ въ Кронштадтъ, Пилкинъ поднялъ флагъ на «Баянѣ». Присутствiе адмирала на моемъ кораблѣ, гдѣ не было спецiальнаго адмиральскаго помѣщенiя, очень стѣсняло меня. Долженъ сознаться, однако, что Пилкинъ все сдѣлалъ для того, чтобы я не чувствовалъ этого стѣсненiя: онъ отказался отъ моего помѣщенiя, занявъ двѣ соединяющiяся свободныя каюты противъ моего кабинета и спальни. Но салономъ мы пользовались совмѣстно, равно какъ ванной и уборной. Раньше я сравнительно мало встрѣчался съ Пилкинымъ, и только теперь, проживъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ бокъ-о-бокъ я оцѣнилъ, какой онъ интересный, разносторонне-образованный и деликатный человѣкъ. Мы вели съ нимъ нескончаемыя бесѣды, совершенно не замѣчая, какъ бѣжитъ время. Его способность говорить на всякую тему и всегда интересно — была поразительна. Онъ заразилъ и меня такъ что, кажется, я никогда въ жизни не говорилъ такъ много, какъ въ эти мѣсяцы совмѣстной жизни съ Влад. Конст. Пилкинымъ.

Въ началѣ декабря «Баянъ», вмѣстѣ съ «Севастополемъ», подъ общимъ командованiемъ Пилкина, перешелъ въ Гельсингфорсъ. Предварительно весь путь былъ протраленъ и, если не ошибаюсь, найдены были непрiятельскiя мины въ рай-

онѣ Лавенсари — Сескаръ. На всякій случай, до Гогланда былъ избранъ новый фарватеръ, южный, вдоль берега Нарвской губы. На этотъ разъ съ нами были конвоирующіе миноносцы и часть пути тральщики.

Вскорѣ послѣ прихода нашего въ Гельсингфорсъ, вся Бригада, кромѣ «Рюрика», оставшагося въ Кронштадтскомъ докѣ, перешла на зимовку въ Ревель. Пилкинъ остался на «Баянѣ» (по его словамъ, ему очень понравилось на немъ), вслѣдствіе чего этотъ крейсеръ и былъ поставленъ въ глубину гавани, у самой шлюпочной пристани. Корабли приступили къ зимнимъ ремонтнымъ работамъ. Командирами на судахъ бригады въ это время состояли: на «Рюрикѣ» — А. М. Пышновъ, на «Олегѣ» — А. С. Полушкинъ, на «Макаровѣ» — Н. Д. Тырковъ, на «Богатырѣ» — С. Д. Коптевъ. Всѣ корабли были распредѣлены внутри гавани, причемъ самое наружное мѣсто, у внѣшняго мола, было оставлено для «Рюрика».

На моемъ кораблѣ происходили серьезныя передѣлки по артиллерійской части, проведеніе каковыхъ въ жизнь было въ значительной степени обязано хлопотамъ Д. Н. Вердеревскаго. Прекрасный артиллерійскій офицеръ - практикъ, Вердеревскій, въ бытность свою временнымъ Начальникомъ Бригады, обратилъ вниманіе на то, что на «Баянѣ» легко можно усилить артиллерію, не мѣняя его морскихъ качествъ, и, такимъ образомъ, сдѣлать его гораздо болѣе боеспособнымъ при обстрѣлѣ нѣмецкихъ береговыхъ позицій, миноносцевъ, тральщиковъ и т. п. Проектъ его былъ утвержденъ Непенинымъ, и съ наступленіемъ зимы приступлено было къ установкѣ еще одного 8" орудія на верхней палубѣ, между заднимъ мостикомъ и машинными люками, и четырехъ 6" орудій на верхней палубѣ, вмѣсто имѣемыхъ на тѣхъ же мѣстахъ 75 м/м орудій. Работа была серьезная, тѣмъ болѣе, что пришлось дѣлать добавочныя подпалубныя крѣпленія и приспосабливать и передѣлывать погреба и подачу. Какъ эту работу, такъ и остальной ремонтъ, выполнялъ Русско-Балтійскій заводъ, которымъ я въ общемъ былъ очень доволенъ.

ГЛАВА VII.

КАНУНЪ РЕВОЛЮЦІИ

(Начало 1917 года).

Поѣздка въ отпускъ. Петроградскія впечатлѣнія. Первые поводы къ революціоннымъ выступленіямъ. Начало безпорядковъ. Опасеніе за фронтъ. Мое возвращеніе въ Ревель.

Въ серединѣ января Пилкинъ отправился въ Кронштадтъ, чтобы лично провести оттуда черезъ льды въ Ревель «Рюрикъ», ремонтъ котораго былъ законченъ. Походъ былъ очень тяжелый, такъ какъ приходилось встрѣчать очень сильный торосистый ледъ. Съ «Рюрикомъ» шли ледоколы «Ермакъ» и «Михаилъ Ѳеодоровичъ». Въ эту зиму я рѣшилъ воспользоваться льготой, утвержденной еще, кажется, Канинымъ, по которой всѣ офицеры Дѣйствующаго Флота имѣли право на трехнедѣльный отпускъ въ теченіе зимняго, не-навигаціоннаго періода года. Въ бытность мою Флагъ-Капитаномъ, я не считалъ себя вправѣ пользоваться этимъ отпускомъ, такъ какъ уѣзжая, мнѣ бы пришлось свалить работу на неподготовленнаго человѣка, отчего бы качество работы сильно пострадало.

Моя «отпускная» очередь подошла въ началѣ февраля. Я рѣшилъ, вмѣстѣ съ семьей, которая со времени моего назначенія на «Баянъ» обосновалась въ Ревелѣ, поѣхать сначала въ Петроградъ, откуда съѣздить въ деревню (Новгородской губ.), чтобы навѣстить постоянно жившихъ тамъ мою мать и брата. Ѣхать изъ Ревеля въ Петроградъ по желѣзной дорогѣ оказалось, однако, невозможнымъ. Всѣ поѣзда, проходящіе черезъ Ревель, начинали свое движеніе отъ фронта войскъ

и были настолько переполнены ѣдущими по службѣ, а главное отпускными и разными бѣженцами (жителями прифронтовой полосы и дезертирами), что попасть на поѣздъ, особенно съ трехлѣтнимъ ребенкомъ, нельзя было и думать, и пришлось ѣхать черезъ Гельсингфорсъ, куда насъ доставилъ приходившій на одинъ день въ Ревель на ледоколѣ «Михаилъ Ѳеодрoовичъ» Непенинъ, съ которымъ я случайно встрѣтился на берегу. Пришлось принять его предложеніе: лучшаго выхода изъ положенія нельзя было придумать, хотя одолжаться Непенину и было не очень пріятно.

Въ Петроградѣ мы поселились на нашей прежней квартирѣ, въ которой теперь жила пріятельница жены, княгиня Голицына, мужъ которой, Нижегородскій драгунъ, былъ какъ разъ тоже въ отпуску съ фронта. Мы съ начала войны не видѣли Голицыныхъ, и время проходило незамѣтно въ безконечныхъ разговорахъ и разсказахъ о впечатлѣніяхъ и переживаніяхъ боевой жизни мужей и мытарствъ женъ. Княгиня, очень умная женщина, интересовавшаяся политикой и слѣдившая за всемъ, что происходило въ Россіи, первая посвятила насъ въ детали внутренняго броженія, которое постепенно начинало охватывать всѣ круги населенія, до самыхъ верховъ. Былое вліяніе Распутина на судьбы Государства, безразсудныя дѣйствія Штюрмера и Протопопова играли въ этихъ разсказахъ главную роль и комментировались вкривь и вкось. Всѣ эти разсказы были для меня новы, такъ какъ служба на корабляхъ и связанныя съ ней мелкіе повседневные интересы не давали намъ времени интересоваться вопросами внутренней политики. Только здѣсь, въ Петроградѣ, наслушавшись разсказовъ кн. Голицыной и ея знакомыхъ, а также поговоривъ съ пріятелями въ Генеральномъ Штабѣ, я понялъ, насколько положеніе серьезно. На сторонѣ Правительства, которое проявляло полное неумѣніе разобраться въ наростающей зловѣщей дѣйствительности и упорствовало въ своихъ старыхъ бюрократическихъ пріемахъ, не идя ни на какія уступки, не оставалось больше никакихъ общественныхъ элементовъ, даже изъ числа самыхъ правыхъ. Государственная Дума, къ мнѣнію которой прислушивалась тогда вся Россія, была настроена лойяльно-революціонно, если можно такъ выразиться. Было надъ чѣмъ призадуматься — чувствовалась неизбѣжность, если не революціи, то какого-то «coup d'état», и страшно становилось за фронтъ, гдѣ вообще

положеніе въ этотъ моментъ было очень тяжелое: неуспѣхи, отступленія, нехватка боевыхъ припасовъ и вообще предметовъ снабженія, и т. д. Въ тѣ дни, конечно, никому и въ голову не приходили размѣры грядущей катастрофы, но страхъ за будущее, полагаю, ощущался у всѣхъ мало-мальски соображающихъ военныхъ. Однако, несмотря на эту грозовую атмосферу, ощущавшуюся въ Петроградѣ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, городъ продолжалъ жить почти нормальной жизнью. Нехватка продовольствія начала ощущаться лишь въ низшихъ, самыхъ бѣдныхъ слояхъ населенія, что, въ концѣ концовъ, и послужило толчкомъ — было искрой, зажегшей общій пожаръ. Работали театры, рестораны, кафе-шантаны и кинематографы, собирая массы прибывшихъ съ фронта отпускныхъ и выздоравливающихъ раненыхъ, а еще больше спекулянтовъ всѣхъ сортовъ, нажившихся и продолжающихъ наживаться за счетъ народнаго бѣдствія — войны. Всегда была переполнена «Военная гостиница» — бывшая «Асторія», гдѣ все стоило дешевле и можно было встрѣтить много знакомыхъ, прибывшихъ съ фронта.

Уже передъ концомъ отпуска, около 15 февраля, я поѣхалъ въ деревню, откуда черезъ десять дней вернулся въ Петроградъ.

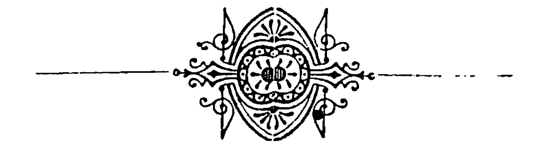
Еще когда я ѣхалъ съ вокзала на свою квартиру, я обратилъ вниманіе на то, что на улицахъ происходитъ что-то необычайное: вездѣ толпы рабочихъ и солдатъ, какіе-то митинги, процессіи съ плакатами: полиція бездѣйствовала и очень часто совсѣмъ отсутствовала. Дома мнѣ разсказали, что народъ былъ возбужденъ временной заминкой въ доставкѣ хлѣба, чѣмъ рѣшили воспользоваться вожаки революціоннаго движенія. Положеніе создавалось такое, что, если Правительство не приметъ экстренныхъ мѣръ, то черезъ нѣсколько дней произойдетъ взрывъ, который Богъ знаетъ къ чему поведетъ. Чтобы выяснить положеніе, я поѣхалъ въ Морской Генеральный Штабъ, гдѣ отъ моего пріятеля и товарища Романова *), услышалъ подтвержденіе того, что мнѣ говорили дома, съ добавленіемъ, что Правительство совер-

*) Тутъ память измѣнила автору — освѣдомлялъ его кто-нибудь другой — Романовъ былъ въ это время въ заграничной командировкѣ, откуда вернулся только 4 марта. Авторъ, пріѣзжая въ Петроградъ, всегда заходилъ къ Р., и ошибка его понятна.

шенно потеряло голову, не видя нигдѣ поддержки, и наврядъ ли предприметъ что-нибудь рѣшительное, тѣмъ болѣе, что войска Петроградскаго гарнизона, единственная опора Правительства, совершенно распропагандированы и не пойдутъ противъ революціонеровъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ рѣчей я рѣшилъ сейчасъ же, не ожидая конца отпуска (это было 25 февраля, отпускъ кончался 28-го) возвращаться въ Ревель, на свой корабль, дабы въ такіе дни быть на своемъ боевомъ посту. За семью я не волновался, такъ какъ квартира наша находилась въ тихомъ районѣ. Когда я въ тотъ же вечеръ ѣхалъ на вокзалъ, улицы уже находились вполнѣ во власти толпы. Переѣхать черезъ Невскій мнѣ удалось съ чрезвычайнымъ трудомъ: толпа непрерывной струей двигалась въ обѣихъ направленіяхъ, и по адресу моего автомобиля (я ѣхалъ въ автомобилѣ Морского Генеральнаго Штаба) раздавались разные нелестные выкрики. Въ поѣздѣ, какъ сейчасъ помню, я попалъ въ купе съ инженеромъ-строителемъ Ревельскаго порта, полк. Яроном и еще флотскимъ офицеромъ, и меня невольно поразило, какъ оба эти офицера, обычно весьма сдержанные, комментируя событія, опредѣленно осуждали Правительство: раньше подобныхъ рѣчей въ общественномъ мѣстѣ услышать было нельзя.

Въ Ревелѣ я засталъ полное спокойствіе: волна событій не получила здѣсь еще никакого отраженія. Въ тотъ же день я сдѣлалъ обстоятельный докладъ о петроградскихъ событіяхъ Пилкину и Вердеревскому, старшимъ морскимъ начальникамъ Дѣйствующаго Флота въ Ревелѣ. Рѣшено было выжидать освѣдомленія изъ Гельсингфорса, дѣйствуя какъ можно осторожнѣе.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

РЕВОЛЮЦІЯ

Общій очеркъ. Кровавыя событія въ Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ. Ревель въ первые дни революціи. Рабочія манифестаціи.

Какъ извѣстно, петроградскія волненія, постепенно разрастаясь, привели къ образованію Исполнительнаго Комитета Государственной Думы, который, ввиду полной анархіи, царившей въ Петроградѣ, 28 февраля вынужденъ былъ принять на себя функціи правительственной власти. Комитетъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Родзянко, Керенскаго, Чхеидзе, Милюкова, Караулова, Коновалова, Некрасова, Шидловскаго, Ржевскаго, Шульгина, В. Львова. Въ тѣ же дни образовался Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который, въ сущности, былъ главной пружиной всего революціоннаго движенія и дальнѣйшаго «углубленія» революціи. Фактически, съ самаго начала революціоннаго переворота, власть находилась въ рукахъ этого Совѣта, но вожаки его не сочли для себя удобнымъ (по «неподготовленности», какъ они заявили потомъ) сразу взять въ свои руки офиціальную власть и согласились на Коалицію, въ которую вошли своими представителями — членами Государственной Думы.

Во время всѣхъ этихъ событій Государь находился въ Ставкѣ въ Могилевѣ. Предупрежденный объ угрожающемъ положеніи вещей телеграммами Родзянко, посланными 26 и 27 февраля, Государь, 27-го числа, согласился на образованіе «отвѣтственнаго министерства», о чемъ была дана телеграмма въ Петроградъ. На другой же день, 28-го февраля, Госу-

дарь самъ выѣхалъ въ Царское Село. Одновременно съ этимъ былъ двинутъ на Петроградъ Георгіевскій батальонъ, который былъ данъ въ распоряженіе ген.-ад. Н. І. Иванова для водворенія порядка въ столицѣ. Однако, еще на пути, Государь узналъ, что въ Петроградѣ образовалась новая революціонная власть изъ членовъ Государственной Думы, почему и рѣшилъ направиться въ Псковъ, въ Ставку Главнокомандующаго Сѣвернымъ Фронтомъ ген.-ад. Рузскаго, гдѣ онъ расчитывалъ получить полное освѣдомленіе о событіяхъ и поддержку отъ войскъ Фронта. Однако, эта послѣдняя его надежда не оправдалась, такъ какъ ген. Рузскій сталъ опредѣленно на сторону революціонеровъ и заявилъ Царю въ довольно рѣзкой формѣ, что «Монархіи нужно сдаваться на милость побѣдителей», и тогда, рѣшивъ пожертвовать собой для спасенія Россіи, Государь отрекся отъ Престола. 2-го марта вечеромъ актъ отреченія былъ переданъ депутатамъ, прибывшимъ изъ Петрограда (Гучкову и Шульгину). Государь отрекся за себя и за Наслѣдника; на слѣдующій же день было получено отреченіе и отъ великаго князя Михаила Александровича, которому Государь, въ своемъ актѣ, передавалъ права престолонаслѣдія.

2-го же марта, по полученіи извѣстія объ отреченіи Государя и Наслѣдника, путемъ совмѣстныхъ переговоровъ членовъ Государственной Думы съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, было избрано Временное Правительство, которое съ этого же дня вступило въ свои права. Составъ его былъ слѣдующій: Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ — кн. Львовъ; Военный и Морской Министръ — Гучковъ; Иностранныхъ Дѣлъ — Милюковъ; Торговли и Промышленности — Коноваловъ; Финансовъ — Терещенко; Юстиціи — Керенскій; Земледѣлія — Шингаревъ; Путей Сообщенія — Некрасовъ; Оберъ-Прокуроръ Св. Синода — В. Львовъ; Народнаго Просвѣщенія — Мануйловъ, и Государственный Контролеръ — Годневъ. Съ этого момента новая правительственная власть, «облеченная довѣріемъ всего народа», вошла въ намѣченное революціонное русло, которое, прямымъ путемъ, повело страну къ ужасамъ анархіи и большевизма.

Обрисовавъ въ общихъ чертахъ главные этапы «великой безкровной» (какъ тогда ее называли) россійской революціи, сокрушившей могучую Имперію и положившей начало но-

вому смутному времени, я перейду къ описанію тѣхъ событій, которыми сопровождалось совершеніе «великой безкровной» въ нашемъ Балтійскомъ флотѣ.

Событія развернулись особенно пышнымъ цвѣтомъ въ трехъ главныхъ пунктахъ — въ Кронштадтѣ, Гельсингфорсѣ и Ревелѣ. Наиболѣе благодарная почва для безпорядковъ была подготовлена въ Кронштадтѣ; этому способствовало, во-первыхъ, близость съ революціоннымъ центромъ, большое количество рабочаго элемента, распропагандированнаго въ духѣ крайнихъ соціалистическихъ партій, и почти полное отсутствіе дисциплинированныхъ командъ. Затѣмъ — непопулярность Главнаго Командира (Вирена) и многихъ тыловыхъ офицеровъ, съ которыми слишкомъ заманчиво было свести личные счеты. Событія въ Кронштадтѣ не имѣли никакой связи съ общимъ теченіемъ революціоннаго движенія въ Петроградѣ: достаточно было перваго толчка — извѣстія о сверженіи старой власти — и Кронштадтъ оказался во власти разнузданной толпы, которая, не прикрываясь даже никакими революціонными лозунгами, приступила къ убійствамъ и грабежамъ. Даже теперь трудно установить детали кронштадтскихъ кровавыхъ событій, такъ какъ бо́льшая часть представителей власти и порядка была звѣрски убита, революціонные же дѣятели впослѣдствіи о многомъ скрывали и замалчивали. Извѣстно лишь, что почти всѣ главные начальники, не успѣвшіе скрыться, подвергались сначала издѣвательствамъ, пыткамъ, а затѣмъ были убиты. Такимъ образомъ погибли Виренъ, Бутаковъ (Начальникъ Штаба), Рейнъ (Нач. Учебно-Миннаго Отряда), ген.-майоръ Н. И. Стронскій (Командиръ экипажа), кап. 1 р. К. И. Степановъ, Пекарскій, Повалишинъ (Командиръ «Александра II»), Басовъ (Командиръ «Вѣрнаго»), Сохачевскій, старшій лейтенантъ Ивковъ, Будкевичъ, Мих. Висковатовъ и мн. др. Случайно уцѣлѣвшіе были заключены по тюрьмамъ. Затѣмъ образовалась власть черни, власть подонковъ общества, которые, по своимъ «лозунгамъ», ближе всего подходили къ будущимъ большевикамъ. Эта власть вначалѣ не признавала надъ собой никакой другой власти — ни Временнаго Правительства, ни Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, и только значительно позднѣе, чуть не черезъ мѣсяцъ послѣ начала революціи, удалось найти пути къ соглашенію съ ними; только тогда явилась возможность установить подобіе порядка въ Крон-

штадтѣ и начать слѣдственную работу. Иллюстраціей Кронштадтскихъ порядковъ этого періода можетъ служить слѣдующій эпизодъ: недѣли черезъ три послѣ революціоннаго переворота, когда въ Гельсингфорсѣ на Флотѣ уже все успокоилось и въ Штабѣ Флота началась почти нормальная работа, на «Кречетъ» прибылъ «делегатъ» изъ Кронштадта. Этотъ делегатъ прежде всего поразилъ всѣхъ своимъ видомъ: онъ былъ одѣтъ въ офицерскую тужурку, съ нашитыми на рукавахъ (сбоку, а не на плечахъ) адмиральскими погонами, былъ въ треуголкѣ и съ офицерской саблей. Онъ былъ страшно возмущенъ, убѣдившись, что во главѣ Управленія Флотомъ остались адмиралы и офицеры, а матросы получили право только контроля — въ лицѣ своихъ комитетовъ. Этотъ «делегатъ» предложилъ мѣстному комитету уничтожить или убрать всѣхъ офицеровъ и затѣмъ, забравъ всѣ суда въ руки командъ, присоединиться къ Кронштадту. Однако, въ средѣ мѣстнаго комитета, настроеннаго въ то время еще очень благоразумно, онъ сочувствія не встрѣтилъ и долженъ былъ отбыть восвояси не солоно хлебавши, въ полномъ возмущеніи отъ контръ-революціонности гельсингфорскихъ «товарищей».

Развернувшіяся въ первые дни революціи въ Гельсингфорсѣ событія, повлекшія за собой тоже не мало кровавыхъ жертвъ, имѣли совсѣмъ другую подкладку, чѣмъ въ Кронштадтѣ. Нужно помнить, что, съ самаго начала войны, Гельсингфорсъ былъ центромъ германскаго шпіонажа и разрушительной революціонной работы, имѣвшей цѣлью ослабить нашъ флотъ. Условія для работы были очень удобны: во-первыхъ — иностранный характеръ города, съ населеніемъ, говорящимъ на чуждомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ своихъ слояхъ настроеннымъ германофильски, дѣлалъ работу нашей контръразвѣдки чрезвычайно затруднительной; во-вторыхъ — продолжительная стоянка нашихъ большихъ кораблей въ Гельсингфорсѣ, при частыхъ свозахъ командъ на берегъ — давали полную свободу веденія самой широкой революціонной пропаганды среди командъ. Такимъ образомъ, не было никакихъ сомнѣній, что еще задолго до революціи, на многихъ большихъ корабляхъ образовались «революціонныя ячейки», которыя только ждали сигнала для выступленія.

Насколько мнѣ извѣстно, Непенинъ и его Штабъ въ первые дни революціи держали себя вполнѣ корректно по отношенію командъ: всѣ извѣстія, получаемыя изъ Петрограда, немед-

ленно сообщались командамъ. Въ то же время, несомнѣнно, существовала нѣкоторая растерянность власть - имущихъ, чѣмъ слѣдуетъ объяснить единственную допущенную ошибку: не велось организованныхъ бесѣдъ съ командами, не растолковывалось имъ значеніе и смыслъ событій, что могло бы создать серьезный противовѣсъ германской агитаціи снизу. Получалось такое впечатлѣніе, что начальство подчиняется неизбѣжному ходу событій, но не сочувствуетъ имъ. Возбужденіе командъ, питаемое агитаціей, ведомой съ берега, съ каждымъ днемъ усиливалось; нѣтъ никакого сомнѣнія, что суть этой агитаціи заключалась въ томъ, что революціонные перевороты безъ жертвъ не бываютъ, что старые «царскіе приспѣшники» — всѣ офицеры — не должны оставаться на мѣстахъ и что, во всякомъ случаѣ, должны быть уничтожены тѣ офицеры, которые «неугодны» командамъ, олицетворяющимъ народъ, нынѣ становящійся у власти. Иначе говоря, въ массу командъ былъ брошенъ заманчивый лозунгъ — «своди личные счеты», за это отвѣчать не придется. Къ чести командъ нужно сказать, что далеко не всѣ сочувствовали этому лозунгу — все-таки сильна еще была привычка къ порядку и дисциплинѣ. Доказательствомъ этому служитъ то, что **своей** командой былъ убитъ только одинъ адм. Небольсинъ и лишь нѣсколько офицеровъ на мелкихъ судахъ. Большинство же убійствъ было совершено какой-то спеціально «боевой» частью (несомнѣнно установлено, что въ ней были матросы со 2-ой бригады кораблей), которая дѣйствовала главнымъ образомъ на миноносцахъ, переходя съ одного на другой по берегу. На большинство крупныхъ кораблей, къ которымъ нужно было подходить по льду, этихъ наемныхъ и добровольныхъ убійцъ не пустили. Какъ говорили, у этихъ убійцъ были списки «обреченныхъ», причемъ въ этихъ спискахъ главнымъ образомъ фигурировали лучшіе, наиболѣе боевые офицеры, что лишній разъ подтверждало участіе германцевъ въ этомъ темномъ и кровавомъ дѣлѣ.

Однако, до 3 марта, внѣшній порядокъ еще поддерживался. Въ этотъ день было получено извѣстіе объ отреченіи Государя, и, затѣмъ, великаго князя Михаила Александровича. Возможно, что это послужило толчкомъ къ тому, чтобы внутреннее броженіе, замѣчавшееся на корабляхъ и на берегу уже нѣсколько дней, приняло болѣе организованную и бурную форму. Вечеромъ этого дня состоялся первый митингъ

на берегу, на который команды съ судовъ пошли съ оружіемъ. На этомъ митингѣ было рѣшено разоружить офицеровъ, что и было исполнено въ теченіе ночи. Въ этотъ же вечеръ произошли первыя кровавыя выступленія на «Андреѣ» и «Павлѣ», причемъ былъ убитъ адм. Небольсинъ и нѣсколько офицеровъ; общая рѣзня на этихъ судахъ была предотвращена лишь благодаря находчивости и твердости доблестнаго командира «Андрея» кап. 1 р. Георгія Оттовича Гаддъ. Эта ночь на судахъ прошла крайне тревожно; корабли фактически находились во власти матросовъ, и офицеры чувствовали себя всецѣло въ ихъ рукахъ, не ожидая ниоткуда помощи. Всю ночь на клотикахъ зловѣще горѣли красныя лампочки — сигналъ къ убійствамъ, какъ оказалось впослѣдствіи. На разсвѣтѣ въ городѣ былъ разграбленъ арсеналъ и начались массовыя убійства офицеровъ на улицахъ, которыя къ утру распространились и на Скатудденъ, гдѣ цѣлый рядъ офицеровъ былъ убитъ на миноносцахъ и другихъ мелкихъ судахъ, стоявшихъ ошвартовавшись у берега Норра-Хамнъ и Сэдра-Хамнъ. На большихъ корабляхъ благоразуміе командъ, слава Богу, одержало верхъ и спокойствіе не нарушалось. Около полдня убійства въ городѣ затихли, такъ какъ вниманіе толпы было отвлечено извѣстіемъ, что сейчасъ прибываютъ изъ Петрограда делегаты новаго Правительства и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Все хлынуло на Вокзальную площадь, гдѣ такимъ образомъ сорганизовался импровизированный митингъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Туда же прибыло много и офицеровъ, но безъ оружія (которое у нихъ было отобрано еще ночью). Въ этомъ митингѣ изъ морскихъ начальниковъ принялъ участіе адм. Максимовъ. Этотъ тупой честолюбецъ, ненавидѣвшій адм. Непенина, рѣшилъ использовать настоящій моментъ для личныхъ цѣлей: еще утромъ этого дня, при помощи демагогическихъ разговоровъ съ подчиненными ему матросами его Штаба (Минной Обороны) онъ добился «избранія» его на должность Командующаго Флотомъ. Немедленно послѣ этого «избранія» онъ на автомобилѣ съ красными флагами, вмѣстѣ со своими матросами — «избирателями», отправился къ Непенину на «Кречетъ» и, объявивъ ему о своемъ избраніи, предложилъ сдать должность. Непенинъ категорически отказался исполнить его требованіе, заявивъ, что только власть Временнаго Правительства можетъ его смѣнить. Максимовъ по-

слѣ этого отправился на Вокзальную площадь, гдѣ, благодаря своимъ краснымъ флагамъ и быстро создавшейся репутаціи «краснаго адмирала», былъ встрѣченъ восторженно. Въ несвязныхъ выраженіяхъ (Максимовъ, несмотря на свою чисто русскую фамилію, былъ получухонскаго происхожденія и говорилъ по-русски неправильно, съ сильнымъ акцентомъ), онъ благодарилъ толпу и обѣщалъ служить революціи «вѣрой и правдой». Въ цѣломъ рядѣ рѣчей затѣмъ различные досужіе ораторы въ матросской формѣ поносили Непенина; нѣкоторые офицеры пытались возражать, но ихъ рѣчи были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ концѣ концовъ часть толпы отдѣлилась и направилась на Скатудденъ къ «Кречету», съ цѣлью заставить Непенина прибыть на площадь, чтобы дать «отвѣтъ народу». Непенинъ, сознавая безвыходность своего положенія, вынужденъ былъ согласиться и отправился пѣшкомъ, сопровождаемый флагъ-офицеромъ ст. лейт. Тирбахомъ. Недалеко отъ выхода изъ порта онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ винтовки, сдѣланнымъ какимъ-то матросомъ, личность котораго такъ и не была установлена впослѣдствіи; озвѣрѣлая толпа оттѣснила Тирбаха и забрала съ собой тѣло адмирала, которое лишь черезъ сутки было найдено въ мертвецкой въ звѣрски обезображенномъ видѣ. Убійствомъ Непенина былъ законченъ циклъ убійствъ въ городѣ и на судахъ флота *).

Въ 4 часа дня прибылъ, наконецъ, поѣздъ съ Родичевымъ (новымъ Министромъ по дѣламъ Финляндіи), Скобелевымъ и двумя делегатами отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ въ Петроградѣ. Выйдя изъ вагона, они попали прямо на митингъ. Принятый восторженно, Родичевъ немедленно использовалъ настроеніе толпы, постаравшись успокоить ее силой своего огненнаго краснорѣчія. Слова его подѣйствовали, и съ этого момента эксцессы прекратились.

Максимовъ явочнымъ порядкомъ вступилъ въ Командованіе Флотомъ и черезъ нѣсколько дней былъ утвержденъ Гучковымъ, который, видимо, не рѣшился идти противъ «народнаго» избранія. Съ этого момента начался «революціонный періодъ» жизни Балтійскаго Флота, т. е., иными словами, начался развалъ Флота, закончившійся меньше чѣмъ черезъ годъ полнымъ моральнымъ его уничтоженіемъ. Трудно сказать, кто этому развалу больше способствовалъ: разнуздав-

*) Всего было убито 38 офицеровъ флота.

шіяся ли матросскія массы, требовавшія все большихъ и большихъ правъ, или же грубая, ничѣмъ не оправдываемая, демагогія вожаковъ революціи и начальниковъ, вродѣ Керенскаго, Гучкова, Максимова и другихъ имъ подобныхъ — имя же имъ легіонъ.

Перейду теперь къ Ревелю.

Какъ это ни странно, но Ревель, до войны полу-нѣмецкій городъ, почти не былъ затронутъ германской революціонной пропагандой. Объяснить это можно тѣмъ, что коренное нѣмецкое населеніе города и края, съ самыхъ первыхъ дней войны, было взято «подъ контроль» и, терпя всяческія гоненія, вынуждено было совершенно стушеваться. Всякое германофильское выступленіе, не говоря уже о шпіонажѣ и какой-либо пропагандѣ, строжайшимъ образомъ преслѣдовалось и каралось русскими властями, при полной поддержкѣ коренного населенія края -- эстовъ, которые ненавидѣли нѣмцевъ, какъ своихъ поработителей, и охотно доносили и вообще помогали русскимъ. Сами же эсты, составлявшіе главный контингентъ рабочихъ на мѣстныхъ фабрикахъ, несомнѣнно, были весьма склонны къ революціоннымъ выступленіямъ, но, по свойству своей натуры, были мало способны къ веденію какой-либо агитаціи въ особенности среди русскихъ командъ, съ которыми они съ трудомъ могли объясниться. Кромѣ того, главную массу морскихъ командъ въ Ревелѣ составляла 1-я Бригада крейсеровъ, гдѣ и духъ и дисциплина, какъ я уже упоминалъ раньше, были очень высоки. Команды Дивизіи Подводныхъ Лодокъ, состоявшія сплошь изъ спеціалистовъ, получавшихъ хорошее денежное вознагражденіе, тоже были мало склонны къ какимъ-либо революціоннымъ эксцессамъ. Сухопутныя войска были распылены по батареямъ и вовсе не шли въ счетъ.

Такова была Ревельская «мѣстная обстановка» въ первые дни революціи. Обстановку эту слѣдуетъ признать, въ общемъ, болѣе благопріятной, въ смыслѣ порядка, чѣмъ въ Гельсингфорсѣ, но все же, считаясь съ неподготовленностью и растерянностью береговыхъ властей, вполнѣ возможно было ожидать эксцессовъ, хотя бы со стороны рабочихъ эстовъ. Однако, по отношенію кораблей, все обошлось благополучно. Причиной этого, прежде всего, были крайне разумныя и своевременныя дѣйствія нашихъ двухъ старшихъ начальниковъ -- Пилкина и Вердеревскаго. Оба эти адмирала нисколько не потерялись, очень быстро разобрались въ событіяхъ и умѣло

взяли въ свои руки дѣло освѣдомленія командъ о всемъ происходящемъ и разъясненіе смысла событій. Чрезвычайно помогло имъ то обстоятельство, что оба они любили и умѣли говорить, такъ что конкурировать съ ними какимъ-либо доморощеннымъ агитаторамъ было совершенно немыслимо.

Дни кровавыхъ событій въ Гельсингфорсѣ и Кронштадтѣ, 3 и 4 марта, были самыми тяжелыми днями и въ Ревелѣ. Въ эти дни тысячная толпа рабочихъ съ разныхъ пригородныхъ фабрикъ и заводовъ устраивала манифестаціи въ городѣ. Нѣсколько разъ они приходили въ портъ и буквально осаждали ближайшіе къ городу корабли — «Петръ Великій» и «Баянъ», стоявшіе въ самомъ началѣ мола другъ противъ друга. Рабочие требовали, чтобы матросы примкнули къ нимъ для участія въ манифестаціяхъ. Наши же адмиралы, видя, что эти манифестаціи начинаютъ принимать разнузданный характеръ, убѣдили матросовъ пока оставаться на корабляхъ, подъ тѣмъ главнымъ предлогомъ, что, съ уходомъ матросовъ, корабли остались бы безъ охраны и могли бы быть разграбленными. Это послѣднее соображеніе, какъ ни странно, особенно подѣйствовало на матросовъ, и ни одинъ человѣкъ въ эти дни на берегъ не пошелъ. Съ приближеніемъ къ кораблямъ манифестантовъ, у трапа выставлялся караулъ и никто изъ толпы допущенъ на корабли не былъ. Рискованность положенія заключалась въ томъ, что толпа рабочихъ стояла на стѣнкѣ буквально въ десяти шагахъ отъ борта и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ держала рѣчь по адресу матросовъ. Хотя команда и была настроена очень лойяльно, но все же рѣчи эти не могли не производить извѣстнаго впечатлѣнія. Въ этихъ рѣчахъ очень часто рабочіе касались офицерства, называя ихъ «буржуями», «царскими приспѣшниками», «отъѣвшимися на даровыхъ хлѣбахъ», которые «довольно попили нашей кровушки», и «что «наступилъ ихъ чередъ для расплаты». Нѣкоторые же, болѣе радикальнаго образа мыслей рабочіе, изъ которыхъ очень многіе были не вполнѣ трезвы, прямо предлагали бросить офицеровъ за бортъ и забрать корабли въ свои руки. Командѣ разрѣшено было отвѣчать, но она предпочитала отмалчиваться и только изрѣдка односложно отвѣчала, что «наши офицеры не такіе и бросать ихъ за бортъ не за что», или — «уходите, не смущайте народъ, у насъ сегодня рабочій день» и т. д. Я находился все время наверху; одинъ рабочій избралъ меня мишенью своихъ выпа-

довъ и вызвалъ общій смѣхъ по своему адресу слѣдующимъ обращеніемъ: «Вишь, капитанъ то у васъ какой толстопузый, видно отъѣлся на вашихъ горбахъ»; надо сказать, что я полнотою не отличался, самъ же мастеровой случайно былъ вдвое толще меня. На «Петрѣ Великомъ», который стоялъ противъ насъ черезъ молъ, эти манифестаціи не прошли такъ гладко: какой-то шальной выстрѣлъ въ толпѣ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный, чуть ни послужилъ сигналомъ къ кровопролитію: рабочіе вообразили, что это стрѣляютъ «офицеры» и хотѣли штурмовать корабль, чтобы расправиться со всѣми офицерами. Однако, благодаря краснорѣчію Вердеревскаго, удалось все уладить и толпа успокоилась. Черезъ нѣсколько часовъ толпа постепенно начала рѣдѣть и, наконецъ, совсѣмъ ушла. Черезъ нѣсколько дней, съ разрѣшенія начальства, самими кораблями была организована манифестація, причемъ команды, въ полномъ порядкѣ, по формѣ одѣтыя, съ Андреевскими флагами во главѣ каждаго корабля, но, къ сожалѣнію, и съ красными тряпками также (разъ революція была «узаконена», нельзя было не допустить и эмблемы ея — краснаго флага), продефилировали подъ звуки нашего оркестра по всѣмъ главнымъ улицамъ города. На площади, гдѣ находилась часовня, была отслужена панихида по «жертвамъ революціи» (понимай, какъ знаешь!) и тамъ же говорились рѣчи; выступали, между прочимъ, Пилкинъ и Вердеревскій.

Въ эти, первые дни послѣ переворота, много способствовало солидарности командъ съ офицерами (говорю только про Ревель) то обстоятельство, что большая часть офицеровъ не жалѣла о «старомъ режимѣ»: отсутствіе эксцессовъ и оскорбленій, сохраненіе строгой дисциплины и порядка, давали всѣ основанія думать, что «революція» ограничится установленіемъ власти, ближе стоящей къ народу и отвѣтственной передъ народомъ, въ чемъ, очевидно, ничего дурного никто усмотрѣть не могъ. Про себя лично долженъ сказать, что первыя недѣли двѣ послѣ революціи я самъ былъ такихъ же мыслей, хотя какое-то чутье и подсказывало мнѣ, что слѣдуетъ ожидать еще «сюрпризовъ»: слишкомъ ужъ рѣзокъ былъ переходъ отъ старой «узды» къ разнымъ «свободамъ», для которыхъ нашъ народъ еще совершенно не созрѣлъ.

Но подобное настроеніе (т. е. сочувственное отношеніе къ революціи) среди офицеровъ не могло, конечно, оставаться долго: первые же демагогическіе шаги Гучкова въ области

военно-морской дисциплины и порядка ясно показали ту пропасть, куда насъ собиралась вести «народная власть»; эта власть, состоявшая первоначально какъ будто изъ серьезныхъ и дѣловыхъ людей, оказалась совершенно безсильной что-либо провести безъ указки кучки теоретиковъ соціализма, засѣдающихъ въ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Изъ нашихъ морскихъ начальниковъ Пилкинъ искренно привѣтствовалъ революцію (понимая ее такъ, какъ выше мною было сказано), Вердеревскій, по моему, притворялся: по своей натурѣ онъ былъ слишкомъ «монархиченъ».

Въ городѣ первые дни революціи не прошли такъ гладко, какъ на судахъ. Въ день рабочихъ манифестацій толпа черни собралась у городской тюрьмы и потребовала выпуска какихъ-то, якобы политическихъ, заключенныхъ, «замурованныхъ» въ особомъ казематѣ. Легенда объ этихъ «замурованныхъ» людяхъ ходила по городу еще задолго до революціи. Не найдя «замурованныхъ», толпа начала громить тюрьму. Пріѣхалъ Комендантъ Крѣпости вице-адмиралъ Герасимовъ и, настроенный весьма примирительно, началъ увѣщевать толпу въ самыхъ «либеральныхъ» выраженіяхъ. Кто-то изъ толпы, очевидно не слушая его словъ, хватилъ его палкой (или камнемъ, навѣрное не помню) по головѣ, такъ что Герасимова увезли домой замертво; потомъ, однако, онъ совсѣмъ поправился. Этимъ, собственно, безпорядки и ограничились.

Сначала слухи, а потомъ и официальныя извѣстія, о кровавыхъ событіяхъ въ Кронштадтѣ и Гельсингфорсѣ, были приняты командами такъ, какъ ихъ имъ разъяснили начальники: какъ безотвѣтственныя выступленія разнуздавшихся злодѣевъ, поступки которыхъ наложили пятно на «чистое» дѣло революціи. Только относительно Непенина мнѣ пришлось слышать нѣсколько весьма нелестныхъ отзывовъ со стороны командъ, которыя теперь уже не стѣснялись высказывать свои мнѣнія объ офицерахъ. Повидимому, непопулярность бѣднаго Непенина успѣла пустить глубокіе корни въ средѣ командъ.

ГЛАВА II.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ РЕФОРМЫ

Первые опыты революціоннаго "творчества": введеніе комитетовъ, приказъ №1. Гоненія на офицеровъ. Начало развала во флотѣ: паденіе дисциплины и общаго порядка. Выборное начало.

Когда прошелъ революціонный «угаръ» первыхъ дней, новое Правительство приступило къ «творческой» работѣ. Началась ломка старыхъ порядковъ, очень часто мотивируемая только тѣмъ, что «это было при «царскомъ режимѣ». Такимъ образомъ, многое хорошее и разумное было упразднено и замѣнено скороспѣлымъ новымъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего жизненнаго, а очень часто и прямо вреднымъ. Къ сожалѣнію, болѣе всего эта логика коснулась военнаго быта. Прежде всего были учреждены солдатскіе и матросскіе «Комитеты». Первоначальная цѣль ихъ учрежденія заключалась въ передачѣ имъ чисто хозяйственныхъ функцій — главнымъ образомъ, сложнаго дѣла кормленія командъ, противъ чего, собственно, трудно было что-нибудь возражать; съ командировъ и ревизоровъ снималась такимъ образомъ только лишняя работа и отвѣтственность. Но вскорѣ, отчасти явочнымъ порядкомъ, отчасти распоряженіемъ разныхъ Петроградскихъ Совѣтовъ и Комитетовъ, кругъ компетенціи судовыхъ Комитетовъ сильно расширился: всѣ сношенія командного состава съ нижними чинами должны были проходить черезъ эти Комитеты; распредѣленіе работъ, всевозможные наряды на службу, наблюденіе за

порядкомъ и чистотой, увольненіе на берегъ и въ отпускъ — перешло въ руки Комитетовъ. Наконецъ, Комитетамъ передано было наблюденіе за дисциплиной и право накладывать дисциплинарныя взысканія и отдавать подъ судъ. Правда, всѣ постановленія судовыхъ Комитетовъ вступали въ законную силу лишь по утвержденіи ихъ командиромъ. Но обычно это право оставалось только на бумагѣ: въ большинствѣ случаевъ, когда командиръ почему-либо не утверждалъ постановленія, оно все равно приводилось въ исполненіе. За командымъ составомъ, т. е. за офицерами, осталось только «спеціальное дѣло»: управленіе кораблемъ и техника, однимъ словомъ то, что требовало спеціальныхъ знаній и большого опыта, чего революція никакъ не могла дать въ нѣсколько недѣль полуграмотнымъ матросамъ.

«Оперативная часть», т. е. все, что касалось подготовки и веденія боевыхъ операцій, также была изъята изъ вѣдѣнія Комитетовъ, но очень скоро они стали вмѣшиваться и въ это дѣло подъ предлогомъ «контроля» и «недовѣрія» къ офицерамъ, которые, подъ видомъ операцій, могутъ работать противъ революціи». Знаменитый приказъ №1, составленный революціоннымъ сенаторомъ Соколовымъ и утвержденный демагогомъ Гучковымъ, предоставляя солдатамъ и матросамъ массу льготъ и всѣ гражданскія и политическія права, довершилъ дѣло «сведенія на нѣтъ» правъ командного состава. Фактически, съ этого момента, т. е. мѣсяца черезъ два послѣ начала революціи, уже было сдѣлано все, чтобы уничтожить боевую мощь флота: для этого достаточно было лишь въ точности выполнить всѣ новыя инструкціи и положенія, проведенныя «углубителями» революціи, въ лучшемъ случаѣ «не вѣдавшими, что творятъ», а въ худшемъ — работавшими на руку нашему врагу, ослабляя боевую силу флота. По счастію, первое время, на дѣлѣ было совсѣмъ не такъ: на многихъ корабляхъ (между прочимъ на нашей бригадѣ), первоначальные Комитеты составились изъ разумныхъ людей, среди которыхъ были и офицеры (на «Баянѣ» долгое время Предсѣдателемъ комитета былъ офицеръ), почему « реформы » вводились очень осторожно; такимъ образомъ, «внѣшность» получалась въ согласіи съ новыми уставами, внутри же все шло по старому, благодаря чему поддерживался и порядокъ, и дисциплина; этому помогало еще то обстоятельство, что составъ команды на судахъ, много плававшихъ и участвовавшихъ въ

бояхъ, былъ очень солидный, относившійся съ извѣстнымъ довѣріемъ къ своему командиру и офицерамъ. Не то было на «тыловыхъ» судахъ (линейные корабли, 2-я бригада крейсеровъ): тамъ команды не имѣли случая хорошо ознакомиться со своими офицерами, почему введеніе реформъ шло безъ всякихъ компромиссовъ и ломка порядка шла гораздо болѣе быстрымъ темпомъ.

Комитетамъ также предоставлено было право разбора всевозможныхъ «недоразумѣній» между офицерами и нижними чинами; это повело къ тому, что на судахъ, гдѣ раньше были шереховатости между офицерами и командой, теперь на законномъ основаніи началась полная вакханалія «отводовъ», т. е. списыванія офицеровъ, въ большинствѣ случаевъ основанныхъ на сведеніи личныхъ счетовъ. Поводомъ для списыванія, обычно, приводилось одно и то же: «контръ-революціонность», несочувствіе революціи и т. д. Начальство, даже самое высшее, было безсильно бороться съ этимъ явленіемъ, такъ какъ Комитеты дѣйствовали въ своемъ правѣ. Такимъ образомъ, флотъ въ нѣсколько недѣль лишился доброй четверти своего личнаго состава, причемъ большинство ушедшихъ было изъ числа лучшихъ. Въ первый же періодъ революціи ушли такъ или иначе: Григоровъ (вмѣсто него Начальникомъ Штаба остался Черкасскій); Бахиревъ перешелъ на «синекуру» — въ Минную Оборону; Пленъ (Командиръ «Славы»); Пышновъ (Командиръ «Рюрика»); Рихтеръ (Начальникъ Або-Оландской позиціи); Любимовъ (Командиръ Ревельскаго Порта); Герасимовъ (Комендантъ Ревельской Крѣпости); Любинскій (его Начальникъ Штаба); Курошъ и нѣсколько десятковъ молодыхъ офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые вынуждены были списаться, или даже бѣжать, съ кораблей подъ угрозой расправы съ ними команды, уже помимо всякихъ Комитетовъ. Нужно сознаться, что нѣкоторые изъ этихъ офицеровъ дѣйствительно въ прошломъ были повинны въ рѣзкомъ и грубомъ обращеніи съ командой. Выдвинула же съ самаго начала «революціонная волна» слѣдующихъ лицъ: Максимова, личность котораго мною достаточно уже охарактеризована; Зарубаева (на постъ Начальника 1-й бригады линейныхъ кораблей) — въ свое время хорошаго офицера, но затѣмъ увлекшагося карьеризмомъ и сдѣлавшагося ярымъ защитникомъ идеи подчиненія любой власти, даже большевистской; Модеста Иванова (на постъ Начальника 2-й

бригады крейсеровъ) — безпринципнаго, завистливаго и злобнаго карьериста, и нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, почти всѣхъ изъ числа подонковъ Флота. Вскорѣ (мѣсяца черезъ три послѣ начала революціи), на корабляхъ создалась для офицеровъ такая невыносимая атмосфера, что, пожалуй, всѣ были бы готовы сбѣжать, но удерживало отъ этого шага только два обстоятельства: лучшихъ — сознаніе долга, что они должны оставаться на своемъ боевомъ посту пока не кончилась война съ Германіей, худшихъ — возможность легкой карьеры при помощи демагогіи и доносовъ.

Былое «тѣсное единеніе» офицеровъ съ комнадой на нѣкоторыхъ корабляхъ въ Ревелѣ, отмѣченное мною при описаніи первыхъ дней революціи, улетучилось, какъ дымъ, уступивъ мѣсто подозрительной недовѣрчивости и, очень часто, даже взаимной злобѣ. Вся команда, начиная съ самыхъ ея разумныхъ элементовъ и кончая ярыми углубителями революціи, прекрасно понимала, что офицеры поставлены въ настолько тяжелыя и оскорбительныя для ихъ самолюбія условія, что ожидать отъ нихъ сочувствія къ революціоннымъ реформамъ не приходилось; команда въ массѣ не могла понять истинныхъ причинъ покорности новымъ порядкамъ лучшей части офицерства, т. е. того, что они считали себя вынужденными продолжать свой боевой долгъ передъ Родиной до конца войны, и постоянно изводила ихъ подозрѣніями въ контръ-революціонности и т. д. Только сознаніе, что безъ офицерства не обойтись, что однимъ матросамъ не справиться со сложной судовой техникой, заставляло команду удерживаться отъ болѣе грубыхъ оскорбленій и прямого насилія.

Въ такихъ-то невыносимыхъ условіяхъ, чувствуя себя на вулканѣ и работая все время надъ труднѣйшей проблемой: не имѣя за собой почти никакой реальной власти — сохранить необходимую боеспособность кораблей, пребывалъ весь офицерскій составъ нашего флота приблизительно съ начала мая мѣсяца.

Какъ я уже упоминалъ выше, наша бригада находилась въ сравнительно счастливыхъ условіяхъ: у насъ еще долго поддерживались по инерціи порядокъ и дисциплина благодаря извѣстному довѣрію къ офицерамъ и разумнымъ дѣйствіямъ Комитетовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ реформы флота завершились перемѣной офицерской формы. «Реформа» эта проведена была, собст-

венно, явочнымъ порядкомъ и притомъ въ чрезвычайно оскорбительной для офицеровъ формѣ. Началось съ того, что въ Гельсингфорсѣ было нѣсколько случаевъ срыванія погонъ съ офицеровъ на берегу. Командующій Флотомъ, Максимовъ, усмотрѣвъ въ этихъ хулиганскихъ дѣйствіяхъ «волю народа», какъ истый демагогъ, сейчасъ же пошелъ навстрѣчу: отдано было распоряженіе всѣмъ офицерамъ немедленно снять погоны. Конечно, не обошлось безъ недоразумѣній, такъ какъ не всѣ раздѣляли точку зрѣнія Максимова. У насъ, въ Ревелѣ, никакихъ эксцессовъ не было, вслѣдствіе чего полученное распоряженіе о снятіи погонъ (безъ замѣны ихъ чѣмъ бы то ни было) не могло быть ничѣмъ объяснено, кромѣ какъ желаніемъ лишній разъ унизить офицеровъ. Наши адмиралы, однако, уговорили офицеровъ, нежелавшихъ подчиняться этому распоряженію (я былъ въ ихъ числѣ), пойти на уступку еще разъ, такъ какъ, по ихъ словамъ, «распоряженіе это уже дошло до командъ и противодѣйствіе ему непремѣнно вызоветъ эксцессы, которые создадутъ полную дезорганизацію на судахъ». Пришлось согласиться и подчиниться. Приказъ о новой формѣ (такъ называемой «Керенской», хотя она и была введена еще при Гучковѣ), былъ выпущенъ лишь дней черезъ десять, пока же мы щеголяли въ формѣ курьеровъ Морского Министерства — безъ погонъ и безъ всякихъ знаковъ отличія. Наши команды отнеслись къ этой реформѣ довольно безразлично; однако, со стороны старыхъ матросовъ чувствовалось нѣкоторое невысказанное недоумѣніе — почему это офицеры такъ легко и безропотно отказываются отъ всѣхъ своихъ привилегій?

Апрѣль, май и іюнь были мѣсяцами посѣщеній Ревеля всевозможными делегаціями и «гастролей» (иначе назвать нельзя) разныхъ «знаменитыхъ» людей вродѣ Керенскаго, бабушки русской революціи Брешко-Брешковской и др. Делегаціи эти были самыхъ разнообразныхъ направленій: были вродѣ знаменитой «Баткинской» изъ Чернаго моря, пріѣздъ которой можно было только привѣтствовать, но большинство было вредныхъ, «углубительныхъ», вродѣ кронштадтской съ Раскольниковымъ во главѣ. Раскольниковъ, впослѣдствіи очень извѣстный фанатикъ большевизма, тогда только начиналъ свою «революціонную» карьеру и стоялъ еще за продолженіе войны, какъ борьбы «демократіи» съ «имперіализмомъ». Совсѣмъ молодой еще офицеръ (мичманъ послѣдня-

го ускореннаго выпуска), онъ примкнулъ къ революціи какъ слѣпой щенокъ, надѣленный, однако, безграничнымъ честолюбіемъ. Роль его во флотѣ была чрезвычайно вредная, такъ какъ, повторяя, какъ одержимый, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, всѣ крайніе большевистскіе «лозунги», онъ импонировалъ командамъ, какъ настоящій офицеръ.

Однако, всѣ эти делегаціи, даже самаго лучшаго направленія, вносили лишь разстройство въ жизнь кораблей: команды нервничали и постоянно отвлекались отъ своего прямого дѣла. Про офицеровъ ужъ я и не говорю: каждая такая делегація причиняла имъ массу безпокойства и тревогъ. Вопервыхъ, въ силу необходимости, намъ приходилось «диспутировать» съ делегатами — все очень опытными болтунами, тогда какъ наша офицерская братія, къ сожалѣнію, совсѣмъ не была подготовлена къ «митингованію» и очень часто оказывалась въ смѣшномъ положеніи, чѣмъ, конечно, пользовалась противная сторона. Мнѣ лично, какъ командиру, приходилось отвѣчать чаще другихъ; до поры до времени я придерживался системы игнорированія всѣхъ чисто политическихъ вопросовъ на томъ основаніи, что «мы — военные люди, и должны дѣлать наше боевое дѣло, не вмѣшиваясь въ политику», но впослѣдствіи, когда вся политика перешла именно къ военнымъ людямъ (особенно во Флотѣ), подобная отговорка стала звучать анахронизмомъ, и пришлось выпутываться другими способами. Затѣмъ, съ отъѣздомъ делегацій, матросы обращались къ намъ, офицерамъ, за самыми разнообразными разъясненіями, и политическими, и чисто военными; тутъ уже приходилось говорить по существу, что иногда создавало непреодолимыя трудности. «Гастролеры» тоже досаждали намъ немало. Еще самые первые изъ нихъ, члены Государственной Думы, командированные новымъ Правительствомъ для разъясненій командамъ «истинныхъ цѣлей революціи» и для внесенія должнаго успокоенія въ воинскія массы, были скорѣе полезны: это въ большинствѣ были люди разумные и несклонные къ «углубительной» работѣ. Первые два мѣсяца революціи Государственная Дума еще была популярна среди нашихъ командъ, и «делегатовъ» этихъ слушали съ полнымъ вниманіемъ. Но съ «полѣвѣніемъ» Правительства дѣло пошло все хуже и хуже. Послѣднимъ такимъ «гастролеромъ» за время нашей стоянки въ Ревелѣ былъ «самъ» Керенскій, тогда еще только Министръ Юстиціи, но

уже замѣтно игравшій первую скрипку въ средѣ Правительства, находившагося всецѣло въ рукахъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Керенскій пріѣхалъ въ Ревель (кажется въ началѣ іюня) вмѣстѣ со знаменитой бабушкой русской революціи Брешко-Брешковской. Эта послѣдняя была оставлена на съѣденіе разныхъ городскихъ революціонныхъ Комитетовъ, Керенскій же рѣшилъ посѣтить корабли. Я былъ предупрежденъ о его посѣщеніи не начальствомъ, а какимъ-то береговымъ комитетомъ, которыхъ за послѣднее время развелось видимо-невидимо. Были отданы распоряженія о торжественной встрѣчѣ его, т. е. о вызовѣ караула, команды во фронтъ и т. д. Нужно сказать, что это было въ періодъ апогея популярности Керенскаго, когда многіе и изъ «правой» части публики восторгались имъ, истеричныя же дамы и барышни всѣхъ направленій «обожали» его, какъ институтки «обожаютъ» своихъ учителей и даже швейцаровъ. Однако, всѣ мои приготовленія пропали даромъ, такъ какъ старый революціонеръ Керенскій, желая избѣгнуть торжественности, которая могла ему повредить въ глазахъ «товарищей», подъѣхалъ къ кораблю на извозчикѣ съ поднятымъ верхомъ и былъ замѣченъ вахтеннымъ лишь когда уже былъ на трапѣ. Я выскочилъ наверхъ и засталъ Керенскаго уже на шкафутѣ, бесѣдующимъ съ кучкой случившихся тамъ матросовъ. Я представился ему и попросилъ его въ мое помѣщеніе, пока не соберутъ команду въ жилой палубѣ (шелъ дождь). Керенскій, повидимому, очень неохотно за мной послѣдовалъ, повторяя все время: «Пожалуйста, только не ставьте во фронтъ, а соберите такъ, толпой». Желаніе его было исполнено. Войдя въ середину толпы, среди которой находился и я съ офицерами, Керенскій началъ типично митинговую рѣчь съ какими-то истеричными выкриками, какъ кликуша. Въ началѣ все шло ничего: онъ говорилъ о побѣдѣ пролетаріата, о необходимости дружной работы, о сохраненіи фронта, о необходимости продолжать войну до полнаго сокрушенія міроваго имперіализма, олицетворяемаго Германіей и т. д. Но кончилъ онъ настолько возмутительно, что мнѣ съ офицерами ничего не оставалось сдѣлать, какъ уйти. Заговоривъ объ офицерахъ, онъ вначалѣ совѣтывалъ беречь ихъ, такъ какъ, по его словамъ, «безъ офицеровъ въ вашемъ сложномъ дѣлѣ не обойтись». Но затѣмъ онъ заявилъ: «Если же вы замѣтите, что ваши офицеры не сочувствуютъ революціи и гнутъ на ста-

рое — расправляйтесь съ ними безъ всякой пощады»! Можно себѣ представить, какой эффектъ долженъ былъ произвести подобный «совѣтъ» со стороны популярнаго народнаго вождя, брошенный въ разгоряченныя и затуманенныя всякимъ революціоннымъ вздоромъ головы сѣрой матросской массы! Послѣ этого посѣщенія Керенскій окончательно и навсегда потерялъ въ моихъ глазахъ какое бы то ни было обаяніе. Подобную рѣчь могъ сказать не государственный дѣятель (хотя бы и революціоннаго направленія, каковымъ мы до того момента считали Керенскаго), а лишь окончательно заблудившійся въ революціонныхъ дебряхъ демагогъ самаго низкаго пошиба, пожинающій дешевые лавры митинговаго успѣха у толпы.

Между тѣмъ какъ въ Петроградѣ, такъ и на мѣстахъ, продолжалась усиленная работа разныхъ новоявленныхъ комитетовъ по измышленію разныхъ новыхъ реформъ во флотѣ. Нужно было только начать, а затѣмъ уже разнуздавшееся воображеніе разныхъ дѣятелей не знало удержу, чему, конечно, еще очень способствовала легкость проведенія въ жизнь всѣхъ этихъ реформъ, клонящихся въ конечной цѣли, къ полному дискредитированію офицерства. Теперь выплылъ на очередь вопросъ о «выборномъ началѣ». По счастію, эта мѣра, которая свела бы окончательно на нѣтъ всякое значеніе офицерства, отдавъ его всецѣло въ руки командъ, встрѣтила довольно много противниковъ среди тѣхъ же матросовъ, и офиціально не была осуществлена. Но, явочнымъ порядкомъ, она уже примѣнялась на многихъ судахъ и даже отрядахъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было убрать «неугодныхъ» офицеровъ. Да и что можно было возражать противъ этого, когда назначеніе самаго Командующаго Флотомъ Максимова, въ сущности, было утвержденіемъ подобныхъ выборовъ. Практически, всякое мало мальски отвѣтственное назначеніе на суда съ этого времени (съ іюня мѣсяца) дѣлалось такъ: сначала наводились справки, не имѣетъ ли что-либо противъ кандидата на должность команда, а затѣмъ уже происходило назначеніе.

ГЛАВА III.

БОЕВАЯ РАБОТА ФЛОТА ПОСЛѢ РЕВОЛЮЦІИ

Боевая готовность судовъ. Перемѣны въ высшемъ командномъ составѣ Флота. Начало германскаго наступленія. Походъ "Баяна" въ Моонзундъ. Обстановка въ Рижскомъ Заливѣ. Митингованіе. Посѣщеніе кораблей Лебедевымъ. Корниловское выступленіе. Назначеніе Развозова Командующимъ Флотомъ.

Несмотря на всѣ эти «революціонныя помѣхи», создававшія почти невыносимыя условія для правильнаго теченія служебной жизни, корабли, хотя и съ нѣкоторымъ запозданіемъ, были закончены ремонтомъ и приведены въ относительно боевой видъ къ началу іюня. На нашей бригадѣ, гдѣ внутренній порядокъ еще кое-какъ поддерживался, были даже продѣланы всѣ учебныя и боевыя стрѣльбы. Это было особенно важно для моего корабля, гдѣ за зиму, какъ я уже упоминалъ раньше, были произведены крупныя работы по усиленію артиллеріи. Долженъ еще отмѣтить, что въ дѣлѣ сохраненія порядка на нашей бригадѣ и вообще въ Ревелѣ, сыграло немаловажную роль то обстоятельство, что непріятельскій фронтъ былъ сравнительно очень недалеко, и ни для кого не было секретомъ, что нѣмцы, рано или поздно, должны воспользоваться начавшейся въ средѣ нашихъ войскъ и на флотѣ революціонной разрухой и начать наступленіе: тогда Ревель очень скоро оказался бы подъ непосредственной угрозой.

Съ самаго начала революціи въ высшемъ командномъ составѣ Флота произошли крупныя перемѣны. Я уже упоминалъ объ уходѣ Григорова, Куроша, Герасимова, Любимова, о перемѣщеніи Бахирева и о назначеніяхъ (не безъ участія «выборнаго начала») Зарубаева, Модеста Иванова; кромѣ того, вмѣсто убитаго Небольсина, Начальникомъ 2-й Брига-

ды линейныхъ кораблей былъ назначенъ Паттонъ, Командиромъ Ревельскаго порта — полковникъ Яронъ, Командиромъ Свеаборгскаго порта, вмѣсто убитаго въ первые дни революціи ген.-майора Протопопова — ген.-майоръ Скворцовъ; Начальникъ Минной Дивизіи Кедровъ былъ назначенъ Помощникомъ Морского Министра; Минную же Дивизію получилъ Развозовъ. Изъ всѣхъ этихъ назначеній можно было привѣтствовать лишь назначеніе Развозова — выдающагося офицера съ прекраснымъ боевымъ прошлымъ. Можно было только пожалѣть, что это назначеніе состоялось слишкомъ поздно, уже когда начался революціонный развалъ, остановить который былъ безсиленъ самый геніальный начальникъ. Однако, къ чести Развозова нужно сказать, что онъ все сдѣлалъ, чтобы затянуть и смягчить этотъ процессъ разложенія, благодаря чему Минная Дивизія до самаго конца войны, до Моонзундскаго боя, сохранила почти въ полной мѣрѣ свою боеспособность. Развозову еще очень помогало то, что онъ обладалъ даромъ слова, и въ словесныхъ диспутахъ съ разными присяжными болтунами почти всегда выходилъ побѣдителемъ.

Мѣсяца черезъ два послѣ начала революціи, Максимовъ, зарвавшійся въ самой отчаянной демагогіи и не проявившій никакихъ талантовъ флотоводца, потерялъ всякій авторитетъ не только въ глазахъ Гучкова, но и среди «товарищей», которые открыто говорили, что имъ «дурака» не нужно. Максимовъ былъ отозванъ въ Петроградъ, вмѣсто же него былъ назначенъ Вердеревскій, выдвинувшійся своими умѣлыми дѣйствіями въ первые дни революціи и завоевавшій извѣстныя симпатіи «товарищей» своимъ умѣніемъ «митинговать». На постъ Начальника Дивизіи Подводнаго Плаванія былъ назначенъ Владиславлевъ, ужъ не знаю, по какимъ соображеніямъ: онъ никогда не былъ подводникомъ и за послѣднее время вообще ничѣмъ не выдѣлялся; надо полагать, что въ его назначеніи немалую роль сыгралъ «революціонный цензъ»: Владиславлевъ умѣлъ ладить и разговаривать съ командами.

Въ началѣ мая, когда жизнь на судахъ и въ городѣ, хотя бы внѣшне, кое-какъ наладилась, пріѣхала изъ Петрограда моя семья. Хотя революція и смела въ городѣ всю старую власть, не давъ ничего новаго взамѣнъ, кромѣ многочисленныхъ Комитетовъ (Управа и Правительственный Комиссаръ, въ сущности, никакой власти не имѣли), но кое-какой поря-

докъ еще поддерживался по инерціи, такъ что обывательская жизнь шла довольно спокойно: магазины работали, продуктовъ было достаточно и о грабежахъ и насиліяхъ пока не было слышно. Но общее настроеніе было тревожное, всѣ чего то ждали и, естественно, нервничали. Я имѣлъ возможность съѣзжать на берегъ почти каждый день, но не надолго, такъ какъ на корабляхъ, въ сущности, броженіе не прекращалось и каждый часъ могъ принести какіе-либо новые неожиданные сюрпризы; да и сознаніе того, что за каждымъ моимъ шагомъ, даже на берегу, слѣдило много глазъ, отравляло всякое удовольствіе проводить время дома.

Всѣ мы находились подъ гнетомъ все растущаго развала и каторжныхъ условій жизни на корабляхъ, конца чему не предвидѣлось. Не было никакихъ сомнѣній, что нашъ врагъ зорко слѣдилъ за ходомъ «Великой Россійской Революціи», въ подготовкѣ которой онъ принималъ не послѣднее участіе, завершившееся присылкой въ запломбированномъ вагонѣ апостоловъ большевизма, Ленина и Ко. Первые мѣсяцы, однако, онъ не проявлялъ никакой активности на фронтѣ: очевидно, его нѣсколько смущалъ тотъ несомнѣнный подъемъ духа среди войскъ, которымъ сопровождались первые дни революціи. Нѣмцы благоразумно выжидали, нисколько не сомнѣваясь въ неизбѣжности конечнаго разложенія нашихъ войскъ. Такимъ образомъ, только въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда ими, очевидно, были получены точныя свѣдѣнія о возрастающемъ вліяніи комитетовъ и о повсемѣстномъ паденіи дисциплины, они начали активныя дѣйствія по всему фронту. Опасаясь за судьбу Ревеля и захватъ подступовъ къ Петрограду, Главнокомандующій Сѣвернымъ Фронтомъ (ген. Черемисовъ) просилъ Командующаго Флотомъ принять всѣ мѣры для недопуска непріятельскихъ силъ въ Рижскій заливъ: было ясно, что пока Рижскій заливъ оставался въ нашихъ рукахъ, нѣмцы не могли начать наступленіе въ сторону Финскаго залива. Общее стратегическое положеніе въ Рижскомъ заливѣ въ это время было скорѣе для насъ благопріятное: Церельская 12" батарея была, наконецъ, закончена; Минная Дивизія и большіе корабли, стоявшіе въ Куйвастѣ, были въ боевой готовности и, сравнительно, еще мало тронуты революціонной разрухой. Такимъ образомъ, Командующій Флотомъ Вердеревскій, въ отвѣтъ на просьбу Главнокомандующаго, рѣшилъ лишь усилить составъ находящихся въ Моонзундѣ большихъ кораблей посыл-

кой «Баяна», перевооруженнаго спеціально для борьбы съ берговыми батареями, транспортами и тральщиками. Въ Моонзундѣ въ это время находились линейные корабли: «Слава», «Цесаревичъ» (переименованный въ «Гражданинъ») и крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ». Съ приходомъ «Баяна», «Макаровъ» долженъ былъ перейти на отдыхъ въ Ревель, но съ тѣмъ, чтобы оставаться въ полной готовности вернуться въ Моонзундъ при первой тревогѣ. Кромѣ того, въ видѣ резерва, готовые къ походу въ Моонзундъ по первому требованію, стояли въ Лапвикѣ линейный корабль «Павелъ» и крейсеръ «Діана».

Около 20-го іюня въ Ревель прибылъ Вердеревскій, который лично побывалъ у меня на кораблѣ и на словахъ передалъ мнѣ приказаніе черезъ сутки идти въ Моонзундъ, гдѣ поступить въ распоряженіе Начальника Минной Дивизіи Развозова.

Далеко не съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какъ годъ тому назадъ, я уходилъ на передовыя позиціи: революціонная разруха уже настолько подточила крѣпкій до того организмъ нашего Флота, что не могло быть полной увѣренности даже въ собственномъ кораблѣ; кромѣ того было ясно, что дальнѣйшія революціонныя событія, стихійно развиваясь, поднесутъ еще много сюрпризовъ, могущихъ окончательно подорвать нашу боеспособность. Однако, долженъ отмѣтить, что въ первые дни послѣ ухода изъ Ревеля, команда сильно подтянулась и всякія митингованія временно прекратились: матросы, особенно старые, прекрасно понимали, что въ настоящей боевой обстановкѣ ихъ личное благополучіе всецѣло зависитъ отъ командира и офицеровъ, которые, въ свою очередь, могутъ успѣшно работать лишь при наличіи строгой дисциплины. Я впервые обратилъ вниманіе на явленіе, котораго раньше совершенно не замѣчалъ: всѣ матросы, съ которыми я сталкивался на походѣ, смотрѣли мнѣ въ глаза съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ заискивающей приниженности. Объясненіе этому могло быть только одно, что выплылъ наружу «шкурный» вопросъ, который раньше никому изъ команды не приходилъ въ голову благодаря существованію общей здоровой дисциплины; теперь же, лишенные этой спайки и сознававшіе, что офицерство незаслуженно унижено, матросы трепетали, почувствовавъ себя всецѣло въ рукахъ этого самаго офицерства.

Переходъ изъ Лапвика въ Моонзундъ былъ совершенъ по новой системѣ, безъ тральщиковъ, 20-ти узловымъ ходомъ; съ нами были лишь конвоирующіе миноносцы, передняя пара которыхъ шла перемѣннымъ курсомъ. Подобный порядокъ былъ, конечно, раціональнѣе, такъ какъ большой ходъ представлялъ собою лучшую гарантію отъ подводныхъ лодокъ, которыхъ на этомъ переходѣ слѣдовало опасаться гораздо болѣе, чѣмъ случайныхъ минъ загражденія.

Въ Моонзундѣ я сталъ на якорь у Куйваста; повидавъ Развозова, державшаго свой флагъ на посыльномъ суднѣ «Либава», и получивъ подробное освѣдомленіе о положеніи на фронтѣ, я перешелъ въ «мѣшокъ» сѣвернѣе Шильдау, гдѣ стояли «Слава», «Гражданинъ» и «Макаровъ». Я побывалъ на всѣхъ трехъ корабляхъ съ визитомъ и ознакомился съ ихъ состояніемъ. Къ сожалѣнію, кромѣ «Макарова», впечатлѣніе получилось мало утѣшительное. Вездѣ были молодые командиры, уже послѣ-революціоннаго назначенія. На «Макаровѣ» (командиръ кап. 1 р. Сполатбогъ) еще чувствовалась дисциплина, сохранившаяся благодаря старой боевой закваскѣ, присущей всѣмъ кораблямъ 1-й бригады крейсеровъ. На «Гражданинѣ» же и въ особенности на «Славѣ» (командиры Руденскій и Антоновъ) власть всецѣло принадлежала комитетамъ, въ рукахъ которыхъ командиръ и офицеры являлись простыми пѣшками.

На судахъ Минной Дивизіи, по словамъ Развозова, порядокъ и дисциплина еще держались благодаря постоянной боевой службѣ, но стоило миноносцамъ хоть недѣлю постоять «на отдыхѣ», какъ начиналось разложеніе командъ. Этому способствовали, главнымъ образомъ, разные пріѣзжіе агитаторы, общеніе съ командами «Гражданина» и «Славы» и вновь вступающіе въ строй миноносцы типа «Новикъ» (особенно отличался «Побѣдитель»). Откровенно говоря, я расчитывалъ отдохнуть въ Моонзундѣ отъ революціоннаго хаоса, который пришлось испытать въ Ревелѣ, но я жестоко ошибся: тамъ, въ Ревелѣ, команда преимущественно митинговала на берегу и, кромѣ того, всегда была возможность хоть нѣсколько часовъ въ день отдохнуть отъ невыносимой судовой атмосферы у себя дома, въ кругу близкихъ людей; здѣсь же мы чувствовали себя на корабляхъ буквально во власти «товарищей», очень быстро убѣдившихся, что боевая обстановка въ Моонзундѣ пока совсѣмъ не страшна, и отъ

бездѣлья устраивавшихъ митинги почти ежедневно. Я сдѣлалъ попытку занять команду лекціями по общеобразовательнымъ предметамъ; офицеры охотно пошли навстрѣчу и вызвались быть преподавателями по обученію грамотѣ, исторіи, географіи и математикѣ; я взялъ на себя разъясненіе командѣ различныхъ событій на нашемъ и западномъ фронтахъ. Однако, на первую же офицерскую лекцію пришло два человѣка, а на вторую — **ни одного.** Вотъ вамъ и жажда знаній, о которой такъ много говорилось на митингахъ! Между тѣмъ митинги, на которыхъ разные заѣзжіе болтуны разглагольствовали на трафаретно-революціонныя темы, смыслъ которыхъ былъ непонятенъ для девяти десятыхъ команды, посѣщались **всей** командой. По словамъ старыхъ матросовъ, съ которыми я часто бесѣдовалъ, причина подобнаго «интереса» къ этимъ митингамъ и полнаго абсентизма на офицерскихъ лекціяхъ, была вполнѣ понятна: всякій, кто бы посмѣлъ не придти на митингъ, немедленно былъ бы обвиненъ въ контръ-революціонности и, въ лучшемъ случаѣ, подвергся бы бойкоту со стороны лѣвыхъ «комитетчиковъ», вездѣ начинавшихъ забирать власть въ свои руки; и наоборотъ, многіе, желавшіе пойти на офицерскія лекціи, боялись это сдѣлать, опасаясь того же обвиненія въ контръ-революціонности, такъ какъ понятія «офицеръ» и «контръ-революціонеръ» къ этому времени уже становилось синонимомъ.

Мои лекціи, или попросту краткія сообщенія о положеніи на фронтахъ, имѣли большій успѣхъ, такъ какъ «сознательные товарищи» всѣ были большіе трусы и очень побаивались германскаго наступленія; очень часто они сами обращались ко мнѣ съ просьбой разъяснить имъ то или другое событіе на фронтѣ, тревожившее ихъ своими послѣдствіями; въ такихъ случаяхъ команда собиралась до единаго человѣка, не боясь никакихъ обвиненій въ контръ-революціонности: вѣдь инціатива собранія принадлежала самимъ «товарищамъ». Учитывая это, я впослѣдствіи совершенно пересталъ собирать ихъ самъ, а всегда выжидалъ вызова съ ихъ стороны.

Такимъ образомъ, изнывая отъ вынужденнаго бездѣлья и пребывая все время въ тревогѣ отъ событій на фронтѣ и отъ прогрессирующаго броженія въ средѣ командъ, мы прожили весь іюль. Разныя делегаціи и отдѣльные агитаторы пріѣзжали и сюда, но значительно рѣже, чѣмъ въ Ревелѣ: всѣ эти господа побаивались близости фронта и предпочитали ору-

довать въ тылу, въ полной безопасности. Самымъ яркимъ событіемъ за этотъ мѣсяцъ было посѣщеніе Моонзунда новымъ «Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ по агитаціонной части», личнымъ другомъ Керенскаго — Лебедевымъ. Какъ и многіе ближайшіе сотрудники Керенскаго, этотъ господинъ имѣлъ довольно серьезный революціонный цензъ: въ 1905 году онъ служилъ офицеромъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ и принималъ активное участіе въ «эсеровской» революціонной пропагандѣ въ войскахъ. Послѣ ликвидаціи революціоннаго движенія, онъ, спасаясь отъ разстрѣла, бѣжалъ заграницу и обосновался въ концѣ концовъ во Франціи, гдѣ взялъ на себя веденіе революціонной агитаціи на нашихъ военныхъ судахъ, заходящихъ во французскіе порты. Такъ, по его словамъ, онъ успѣшно агитировалъ въ 1906-1907 г.г. на судахъ Гардемаринскаго Отряда, стоявшихъ довольно долго въ Шербургѣ и Тулонѣ (я въ это время плавалъ на «Цесаревичѣ»). Съ началомъ Германской войны Лебедевъ, однако, бросилъ свою революціонную дѣятельность и, какъ бывшій офицеръ Русской арміи, вступилъ волонтеромъ во французскія войска. Повидимому, ему удалось отличиться, такъ какъ ко времени революціи онъ уже оказался офицеромъ и имѣлъ крестъ за военныя заслуги. Революція открыла ему доступъ въ Россію, гдѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями Керенскимъ и другими товарищами по партіи. Человѣкъ неглупый, довольно образованный и опытный митинговый ораторъ, онъ былъ использованъ Керенскимъ какъ партійный агитаторъ на фронтѣ въ пользу продолженія войны.

Послѣ неудачнаго наступленія въ іюнѣ мѣсяцѣ на юго-западномъ фронтѣ, Керенскій перевелъ его на службу во флотъ, гдѣ въ то время развалъ на большевистской почвѣ началъ принимать угрожающіе размѣры. Лебедеву предложено было, на правахъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, объѣхать всѣ части Балтійскаго Флота, выяснить настроеніе командъ и постараться убѣдить ихъ сохранять порядокъ и дисциплину въ цѣляхъ сокрушенія германскаго имперіализма и укрѣпленія единаго революціоннаго фронта. Задача по тому времени была уже очень трудная и результаты, по словамъ самаго Лебедева, были мало утѣшительные. Сѣверный берегъ, т. е. флотъ, расположенный въ портахъ Финляндскаго побережья, отнесся къ его рѣчамъ съ полнымъ вниманіемъ; команды тамъ стояли опредѣленно на сторонѣ Со-

вѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ и признавали только то, что исходило отъ этого Совѣта. Всякіе же правительственные агитаторы, будь они хотя лѣвые эс-еры, довѣріемъ не пользовались и считались чуть не контръ-революціонерами. Въ Або же, гдѣ образовался центръ нашего флотскаго большевизма (тамъ стояла 2-я бригада крейсеровъ съ вѣрнымъ слугой большевиковъ Модестомъ Ивановымъ во главѣ), бѣднаго стараго революціоннаго дѣятеля Лебедева чуть не убили только за то, что онъ заикнулся о продолженіи войны до конца. Комичнѣе всего было то, что Лебедевъ, разсказывая мнѣ о своихъ абосскихъ злоключеніяхъ, совершенно забылъ объ эсеровскихъ «лозунгахъ» и возмущался, какъ самый заурядный офицеръ стараго режима, засилью комитетовъ и упадку дисциплины. За то южный берегъ, т. е. Ревель и Моонзундъ, утѣшили Лебедева: здѣсь его внимательно слушали, и какъ будто со всѣмъ соглашались. Онъ былъ очень обезкураженъ, когда я увѣрилъ его, что теперь развала уже все равно ничѣмъ не остановить (а тѣмъ болѣе словами) и очень скоро и у насъ будетъ то же, что въ Або.

Посѣщеніе Лебедевымъ кораблей имѣло нѣсколько комическій характеръ. Развозовъ, получивъ отъ военнаго и морского министра Керенскаго телеграмму объ офиціальномъ посѣщеніи флота «Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ» Лебедевымъ (безъ обозначенія чина), совершенно не представляя себѣ, кто такой Лебедевъ, отдалъ распоряженіе о предоставленіи ему всѣхъ почестей, которыя еще допускались революціоннымъ регламентомъ. Лебедевъ прибылъ сначала къ Развозову на «Либаву», и затѣмъ проѣхалъ на старшій корабль, ко мнѣ на «Баянъ» *). Команда была выстроена во фронтъ и я ожидалъ у трапа съ рапортомъ. Никто изъ насъ тогда толкомъ не зналъ, кто такой Лебедевъ, но во всякомъ случаѣ, судя по высокому служебному положенію, всѣ ожидали встрѣтить человѣка немолодого и солиднаго. Можно же себѣ представить наше изумленіе, когда по трапу выскочилъ (именно «выскочилъ», а не вышелъ), явно конфузясь, небольшого роста, черномазый господинчикъ лѣтъ 30, одѣтый въ сильно обтрепанную форму французскаго офицера.

---

*) Къ этому времени революція уже сильно "омолодила" командный составъ: я оказался въ Моонзундѣ самымъ старымъ изъ командировъ и Начальниковъ Дивизіоновъ. Развозовъ также былъ моложе меня по службѣ, но теперь оказался моимъ начальникомъ, благодаря своей должности Начальника Дивизіи.

Никакого рапорта у меня не вышло, Лебедевъ же, подобно Керенскому при его посѣщенiи «Баяна», не успѣвъ еще поздороваться со мной, торопливо началъ просить собрать команду на кормѣ. Команда, собираясь на ютъ, съ недоумѣнiемъ поглядывала на опереточнаго «министра». Однако Лебедевъ, очутившись въ толпѣ, почувствовалъ себя въ своей сферѣ, и я не успѣлъ оглянуться, какъ онъ,вскарабкавшись на кормовой шпиль, уже возопилъ: «Товарищи! Революцiя ждетъ отъ васъ жертвъ», и т. д. Картина была глубоко комическая, что, съ нѣкоторымъ неудовольствiемъ, оцѣнила и команда («что это за министръ, да это какой-то ряженый агитаторъ», говорили потомъ мнѣ матросы). Исключивъ же эту опереточно-революцiонную бутафорiю, слѣдуетъ сказать, что рѣчь Лебедева по существу была очень разумная: онъ говорилъ все время о войнѣ, о необходимости довести ее до конца, о поддержанiи порядка и дисциплины, о бережномъ отношенiи къ офицерамъ, объ исполненiи всѣхъ оперативныхъ приказанiй, и т. д. Несмотря на первое несерьезное впечатлѣнiе, команда слушала внимательно, изрѣдка поощряя оратора возгласомъ «правильно».

Послѣ отъѣзда Лебедева и вплоть до Корниловскаго выступленiя, наступило опять сравнительное затишье какъ на фронтѣ, такъ и въ настроенiи командъ. Однако, какъ разъ къ этому времени слѣдуетъ отнести замѣтный переломъ въ настроенiи команды «Баяна»: до сего времени судовой комитетъ, руководимый разумными людьми изъ старыхъ матросовъ, пользовался еще извѣстнымъ авторитетомъ и въ большинствѣ случаевъ сдерживалъ и ликвидировалъ безотвѣтственныя и подчасъ хулиганскiя выступленiя кучки матросовъ — большевиковъ (которые, однако, сами себя «большевиками» еще не объявляли — настолько эта кличка была въ то время непопулярна въ средѣ командъ). Но въ концѣ iюля вернулось изъ Петрограда нѣсколько нашихъ матросовъ, еще полтора мѣсяца назадъ командированныхъ туда для прохожденiя курса въ «революцiонномъ университетѣ». Полный курсъ въ этомъ «университетѣ» продолжался лишь шесть недѣль, такъ что, очевидно, никакихъ наукъ въ подлинномъ значенiи этого слова тамъ не проходилось. На дѣлѣ же, этихъ господъ, поѣхавшихъ «учиться», чтобы уклониться отъ боевой обстановки, нашпиговали въ «университетѣ» самыми крайними большевистскими лозунгами; кромѣ того, въ нихъ вселили полное

недовѣріе къ командному составу, который, по словамъ руководителей этихъ курсовъ, ратовалъ «за продолженіе войны до конца» ради того, чтобы уничтожить въ бояхъ какъ можно больше «лучшихъ революціонныхъ работниковъ». Съ самого момента своего прибытія на корабль, эти матросы пріобрѣли большую популярность среди команды и почти безъ помѣхи начали свою разрушительную работу. Старый, солидный составъ комитета, пытавшійся было протестовать, вскорѣ былъ обвиненъ въ контръ-революціонности и отстраненъ отъ своей дѣятельности. Назначены были новые выборы, причемъ изъ офицеровъ не прошелъ ни одинъ, а «универсанты» оказались полностью выбраны въ члены комитета. Самый же большой крикунъ изъ нихъ, безтолковый и полуграмотный водолазный старшина, оказался выбраннымъ въ предсѣдатели комитета. Этотъ совершенно неразвитый матросъ обладалъ огромнымъ честолюбіемъ и ненавидѣлъ все, что было выше его. Онъ поддерживалъ свой авторитетъ тѣмъ, что все время возбуждалъ команду противъ командира, офицеровъ и вообще начальства, пользуясь каждымъ пустякомъ для предъявленія разныхъ нелѣпыхъ обвиненій; команда подчинялась ему, хотя среди нея были люди гораздо болѣе развитые и разумные, чѣмъ онъ, такъ какъ боялись его мстительности и воображаемыхъ связей «тамъ, въ Петроградѣ». Я пытался столковаться съ нимъ на дѣловой почвѣ, но ничего не выходило, такъ какъ онъ избѣгалъ разговоровъ со мной съ глазу на глазъ, а предпочиталъ митинговую обстановку, при собраніи всей команды. Тутъ конкурировать съ нимъ было невозможно: какой бы вздоръ онъ ни болталъ, команда изъ боязни всегда была на его сторонѣ или, во всякомъ случаѣ, не рѣшалась открыто меня поддерживать. Ему не удалось окончательно развалить судовой порядокъ только вслѣдствіе близости непріятельскаго фронта; разнуздавшіеся «товарищи» съ своимъ предсѣдателемъ во главѣ чувствовали паническій страхъ передъ нѣмцами, и это заставляло ихъ сдерживаться отъ прямыхъ обвиненій и оскорбленій по адресу моему и офицеровъ, такъ какъ они знали, что въ бою безъ насъ имъ не обойтись.

Въ концѣ августа провокаторомъ Керенскимъ была разыграна Корниловская эпопея. Это была послѣдняя энергичная попытка со стороны разумныхъ государственно-мыслящихъ революціонныхъ дѣятелей удержать власть отъ стремительнаго паденія по наклонной плоскости въ объятія анар-

хіи и большевизма; эта попытка, которой сочувствовала лучшая, сохранившая еще дисциплину, часть арміи, имѣла всѣ шансы на успѣхъ; она была сведена на нѣтъ предательствомъ Керенскаго: почувствовавъ, что власть ускользаетъ изъ его рукъ, онъ открыто перешелъ на сторону Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, который былъ противъ какихъ бы то ни было насильственныхъ репрессій по отношенію большевиковъ, тогда еще сравнительно слабой партіи. Въ результатѣ, Корниловъ и его единомышленники были объявлены «врагами революціи» и государственными преступниками, Керенскій же добился диктаторскихъ полномочій, на словахъ, конечно. Возможность какой бы то ни было дѣловой работы пресѣкалась окончательно, и наступило царство безсильной и дряблой болтовни, создавшее прекрасную почву для полнаго расцвѣта большевизма.

Неудача Корниловскаго выступленія очень тяжело отразилась на положеніи офицеровъ вообще, а флотскихъ въ особенности. Команда, зная былую популярность Корнилова среди офицеровъ, не безъ основанія считала всѣхъ офицеровъ тайно сочувствующими Корнилову — «Корниловцами» по ихъ выраженію; отсюда началась поголовная травля всѣхъ офицеровъ. Раньше правительственная власть все же до нѣкоторой степени защищала офицеровъ; теперь же, послѣ ликвидаціи Корниловскаго выступленія, Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ уже окончательно захватилъ власть въ свои руки, такъ какъ «диктаторъ» Керенскій съ новымъ составомъ Правительства оказался лишь послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Совѣта, въ лучшемъ случаѣ — какъ бы его исполнительнымъ органомъ.

Захватъ власти Совѣтомъ сразу почувствовался у насъ, на мѣстахъ: до Корниловскаго выступленія Совѣтъ очень рѣдко отдавалъ какія-либо распоряженія непосредственно, помимо Правительства; теперь же это стало происходить сплошь и рядомъ. Команда скоро разобралась въ чьихъ рукахъ настоящая власть, и стала относиться съ полнымъ довѣріемъ лишь къ тѣмъ распоряженіямъ, которыя исходили или были санкціонированы Совѣтомъ или какими-нибудь Центральными Комитетами, непосредственно связанными съ Совѣтомъ.

Желая поскорѣе покончить съ «Корниловщиной», Совѣтъ, въ цѣломъ потокѣ офиціальныхъ сообщеній, передаваемыхъ

намъ и по радіо (къ вящему удовольствію нѣмцевъ) и прямымъ проводомъ, старался всячески очернить участниковъ этого выступленія, рисуя ихъ и врагами народа, и контръреволюціонерами, и захватчиками власти и т. д. Наконецъ, было получено распоряженіе отъ того же Совѣта, которое не повлекло за собой повсемѣстныхъ эксцессовъ по отношенію офицеровъ только потому, что офицерство уже пріобрѣло нѣкоторый революціонный опытъ и умѣло отмалчиваться когда нужно и, въ крайности, идти на уступки, часто и противъ своей совѣсти. Нельзя поголовно винить офицерство въ подобной слабости; дѣйствительно, нѣкоторые дѣйствовали такъ изъ чувства страха за свою участь; но, слѣдуетъ замѣтить, что очень многіе шли на компромиссы со своей совѣстью только изъ желанія сохранить порядокъ на корабляхъ, необходимыхъ еще для борьбы съ врагомъ. Судовымъ Комитетамъ предлагалось выяснить, сочувствуютъ ли офицеры новому Правительству, работающему «въ полномъ контактѣ съ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ», и въ случаѣ надобности, взять съ офицеровъ соотвѣтствующую подписку. Ясно, что подобное распоряженіе создало на флотѣ крайне гнетущую и напряженную атмосферу. По счастью, на многихъ корабляхъ сами команды поняли, въ насколько тяжелое положеніе ставится офицерство подобнымъ «залѣзаніемъ въ ихъ душу», противорѣчащимъ всякому понятію о «свободѣ совѣсти», и допросъ ограничился общимъ разсужденіемъ на тему о необходимости подчиненія новой власти; но на нѣкоторыхъ судахъ, гдѣ большевизмъ уже пустилъ глубокіе корни, допросъ былъ произведенъ съ полной строгостью, что, естественно, повлекло за собой эксцессы. Такъ, на «Петропавловскѣ» нѣсколько молодыхъ офицеровъ отказались дать подписку, за что безъ всякаго суда были разстрѣляны на набережной Норра-Хамнъ, на глазахъ гуляющей публики. На нѣкоторыхъ другихъ судахъ дѣло ограничилось списаніемъ «несочувствующихъ» офицеровъ.

На моемъ крейсерѣ дѣло обстояло такъ: послѣ полученія распоряженія, команда, черезъ нѣкоторыхъ старыхъ матросовъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ въ частной формѣ — какъ я и офицеры отнесемся къ подобному допросу и подпискѣ. Я отвѣтилъ, что подобный «допросъ» явился бы лишнимъ оскорбленіемъ для офицеровъ, которые до сихъ поръ

держали себя вполнѣ лойяльно и честно выполняли свой служебный и боевой долгъ, несмотря на невѣроятно трудныя условія. Что же касается подписки, то ни я, ни мои офицеры ни въ какомъ случаѣ ея не дадимъ, такъ какъ никакая власть не можетъ насиловать нашей совѣсти.

Черезъ день или два команда была собрана въ жилой палубѣ на общее собраніе, куда были приглашены я и офицеры. Команда стояла толпой кругомъ стола, за которымъ сидѣли члены Комитета; рядомъ со столомъ были приготовлены стулья для меня и офицеровъ. Секретарь Комитета прочелъ текстъ «распоряженія», послѣ чего Предсѣдатель Комитета, въ довольно корректной формѣ, предложилъ мнѣ отвѣтить на вопросъ: подчиняюсь ли я существующему Временному Правительству. На подобный вопросъ, пожалуй, можно бы было безъ особой натяжки отвѣтить утвердительно, но мнѣ настолько противно было упоминать о «Временномъ Правительствѣ», къ которому я относился, очевидно, съ полнымъ несочувствіемъ, что я придумалъ другой выходъ. Я отвѣтилъ: «Я солдатъ, находящійся въ боевой обстановкѣ, а потому и подчиняюсь непосредственно тому лицу, отъ котораго получаю боевыя приказанія, т. е., въ данномъ случаѣ, Командующему Флотомъ; вопросъ же о подчиненіи тому или другому Правительству я предоставляю рѣшить самому Командующему Флотомъ, которому я безусловно довѣряю и который, стоя ближе къ правительственной власти, легче можетъ разобраться кому слѣдуетъ подчиняться». Какъ это ни странно, мой, по меньшей мѣрѣ уклончивый отвѣтъ, вполнѣ удовлетворилъ слушателей, и я покинулъ собраніе при общемъ молчаніи. Какъ оказалось, всѣ мои офицеры, безъ всякаго предварительнаго уговора, послѣдовали моему примѣру: только они заявляли, что подчиняются мнѣ, какъ командиру и т. д. Инцидентъ былъ исчерпанъ безъ всякаго упоминанія о подпискѣ. Послѣ Корниловскаго выступленія, Керенскій оказался премьеръ-министромъ и принялъ на себя функціи Верховнаго Главнокомандующаго. Незадолго передъ Корниловскимъ выступленіемъ произошли крупныя перемѣны въ высшемъ командномъ составѣ флота: Вердеревскій, вызванный въ Петроградъ для дачи объясненій по поводу неисполненія распоряженія Правительства — послать корабли въ Неву для защиты этого Правительства при первомъ большевистскомъ выступленіи (въ началѣ іюля), сначала былъ аре-

стованъ, а затѣмъ, выпущенный по требованію Центробалта, былъ назначенъ Морскимъ Министромъ, на постъ же Командующаго Флотомъ вмѣсто него былъ избранъ Развозовъ. Это было послѣднее назначеніе на высшій командный постъ въ Балтійскомъ морѣ, которое одинаково привѣтствовалось какъ офицерскимъ составомъ, такъ и «товарищами». Также, какъ и при назначеніи Развозова на Минную Дивизію, можно было только пожалѣть, что этотъ выдающійся офицеръ былъ выдвинутъ на высшій постъ уже тогда, когда фактически положеніе флота было безнадежно; по должности Командующаго Флотомъ, Развозову приходилось не управлять Флотомъ, а играть чисто политическую роль посредника и связующаго звена между правительствующими органами, всевозможными комитетами, и офицерами и командами. Положеніе же съ каждымъ днемъ мѣнялось и становилось сложнѣе. Комитеты (въ особенности такъ называемый Центробалтъ — Комитетъ при Командующемъ Флотомъ), все больше и больше забирали власть въ свои руки, вмѣшиваясь рѣшительно во всѣ дѣйствія начальниковъ, такъ что работа Командующаго Флотомъ свелась поистинѣ къ Сизифову труду. Однако, несомнѣнная и крупная заслуга Развозова заключалась въ томъ, что онъ, съ перваго дня вступленія въ должность, рѣшительно и умѣло всталъ въ защиту офицерскаго состава флота и вообще поддерживалъ всѣ разумные элементы, нисколько не увлекаясь демагогіей, въ чемъ былъ не безгрѣшенъ его предшественникъ, Вердеревскій. Въ этой области Развозову удалось сдѣлать очень много: офицерство должно вспоминать съ глубокой благодарностью самоотверженную дѣятельность Развозова, рисковавшаго ежечасно своей жизнью ради возможнаго облегченія условій службы обездоленнаго офицерскаго состава въ эти послѣдніе, самые мрачные, дни существованія нашего боевого Флота.

Вмѣсто Развозова на Минную Дивизію былъ назначенъ (съ согласія командъ, конечно) Ю. К. Старкъ, бывшій до сего времени Начальникомъ одного изъ дивизіоновъ миноносцевъ типа «Новикъ». Это былъ спокойный и разумный офицеръ, умѣвшій ладить съ командами; какъ давно служившій на Минной Дивизіи, онъ прекрасно зналъ обстановку въ Моонзундѣ и вполнѣ успѣшно продолжалъ работу своихъ предшественниковъ.

ГЛАВА IV.

ПОСЛѢДНІЯ МООНЗУНДСКІЯ СОБЫТІЯ

Паденіе Риги. Назначеніе Бахирева. Планъ обороны Рижскаго залива. "Моральный" элементъ. Высадка германскаго десанта. Бой миноносцевъ и канонерскихъ лодокъ. Сдача Церельской позиціи. Бой у Куйваста. Отходъ нашего флота къ Вормсу. Оставленіе Моонзунда.

Въ концѣ августа германское наступленіе на Сѣверномъ Фронтѣ завершилось паденіемъ Риги, защита которой далеко не отличалась прежней стойкостью. Съ этого момента (22 августа) германскія суда — тральщики, миноносцы и большіе корабли, стали частенько показываться въ виду Цереля, что создало тревогу въ нашихъ штабахъ, «товарищей» же буквально повергло въ панику. Но нѣтъ худа безъ добра: съ момента перваго появленія непріятельскаго флота въ виду нашихъ береговъ, команда замѣтно подтянулась и меньше стала заниматься революціоннымъ вздоромъ; интересъ же къ пояснительнымъ лекціямъ военнаго характера значительно повысился.

Ввиду важности предстоящихъ въ Рижскомъ заливѣ событій, вице-адмиралъ М. К. Бахиревъ (Начальникъ Минной Обороны) былъ назначенъ Начальникомъ Обороны Моонзунда, съ подчиненіемъ ему всѣхъ морскихъ силъ, находящихся въ Моонзундѣ, сухопутнаго гарнизона и батарей, расположенныхъ на островахъ. Бахиревъ прибылъ въ Моонзундъ и поселился пока на «Либавѣ», поднявъ свой флагъ на одномъ изъ миноносцевъ.

Подъ руководствомъ Бахирева былъ детально разработанъ планъ обороны Рижскаго залива. Для поддержки Церельской позиціи, состоявшей изъ главной батареи въ четыре 12'' орудія (Комендантъ кап. 2 р. Кнюпферъ) и двухъ 6'' батарей, были предназначены корабли «Слава» и «Гражданинъ». Надо сказать, что эта поддержка была чисто моральной, такъ какъ пушки Церельской батареи имѣли дальность въ 150 кабельтовыхъ, тогда какъ пушки «Гражданина» хватали лишь на 105 каб., а «Славы» еще меньше. На случай прорыва части германскаго флота въ Рижскій заливъ, былъ составленъ планъ отступленія съ боемъ, въ которомъ принимали участіе всѣ большіе корабли — «Слава», «Гражданинъ», «Баянъ», «Макаровъ» и «Аврора».

Первый бой долженъ былъ быть данъ въ сѣверной части Рижскаго залива, около самаго Ирбенскаго пролива; предполагалось, что наши корабли при этомъ будутъ маневрировать въ особо протраленномъ пространствѣ («маневренномъ мѣшкѣ»), тогда какъ германскому флоту пришлось бы наступать по заминированному нами району, подвергаясь атакамъ нашихъ миноносцевъ. Въ случаѣ неуспѣха этого боя, послѣднимъ этапомъ отступленія являлась южная часть Моонзунда, гдѣ нашъ флотъ, подъ защитой минныхъ загражденій, преграждавшихъ доступъ въ проливъ по фарватеру, и береговыхъ батарей, долженъ былъ сдѣлать послѣднюю попытку отразить врага.

Весь планъ имѣлъ смыслъ лишь при непремѣнномъ условіи самой энергичной работы нашей Церельской 12'' батареи, которая имѣла преимущество передъ германскими дредноутами на цѣлыхъ 20 кабельтовыхъ. Можно было ожидать, что даже въ томъ случаѣ, если бы Церельская батарея была сбита огнемъ германскаго флота, то непріятель при этомъ понесъ бы такія потери, что очень немногія его суда могли бы проникнуть въ Рижскій заливъ; предполагалось, что съ ними, безъ особаго труда, справились бы наши морскія силы, находящіяся въ Рижскомъ заливѣ. Но, конечно, въ томъ случаѣ, если бы Церельская батарея почему-либо бездѣйствовала или бы даже лишь дѣйствовала недостаточно энергично, весь намѣченный планъ обороны Рижскаго залива потерялъ бы свое значеніе. Церельская батарея была укомплектована матросами

Гвардейскаго Экипажа, бывшими подъ командой также офицера Гв. Экипажа, Кнюпфера, опытнаго артиллериста (онъ раньше командовалъ миноносцемъ «Войсковой»); въ свое время, по вызову Кнюпфера, эти матросы явились охотниками вооружить позицію и, надо сказать, выполнили свою работу блестяще. Но времена перемѣнились. На Церельской батареѣ, благодаря ея изолированности, дисциплина еще поддерживалась, но вполнѣ ручаться за команду, конечно, было нельзя, что, къ сожалѣнію, съ полной яркостью и подтвердилось при самомъ началѣ наступленія на Рижскій заливъ.

Въ то же время были приняты всевозможныя мѣры для воспрепятствованія высадки непріятельскаго десанта по наружному побережью острововъ. Вообще, побережье острововъ Эзеля и Даго со стороны Балтійскаго моря было мало благопріятно для высадокъ; однако, на островѣ Эзель имѣлась бухта Тагелахтъ, гдѣ высадка была вполнѣ возможна. Кромѣ того, эта бухта имѣла еще то преимущество для непріятеля, что, врѣзаясь въ сѣверо-западную часть острова Эзеля, она давала возможность ему, при помощи высаженныхъ войскъ, безъ особаго труда, отрѣзать отъ главной базы, Куйваста, западную часть Эзеля съ Аренсбургомъ и Церельской батареей. Все это, конечно, было учтено Бахиревымъ и его предшественниками: на выдающихся мѣстахъ, образующихъ входъ въ эту бухту, были построены двѣ батареи, каждая по четыре 6" орудія; затѣмъ, въ районѣ возможной высадки была сосредоточена значительная часть гарнизона острововъ (кажется, два полка) и полевая батарея. Подходъ къ бухтѣ былъ надежно заминированъ. Казалось, при такихъ условіяхъ, возможность высадки была, если не совершенно устранена, то затруднена до послѣдней степени. Однако, все это было справедливо для нормальнаго времени, теперь же опять являлись все тѣ же опасенія: выдержитъ ли «моральный элементъ», подорванный въ корнѣ революціонной разрухой. Дальнѣйшія событія, къ сожалѣнію, показали, что эти опасенія были совершенно справедливы.

Бѣдный Бахиревъ, наталкиваясь постоянно во время оперативныхъ совѣщаній на этотъ, неподдающійся учету, «моральный элементъ» и ознакомившись вообще съ развaломъ на судахъ, совсѣмъ пріунылъ духомъ; онъ не скрывалъ отъ насъ, старшихъ начальниковъ, своихъ тревогъ за исходъ на-

ступленія и утѣшалъ себя и насъ только тѣмъ, что мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ.

Флагманскимъ кораблемъ, на случай морскихъ операцій, онъ избралъ «Баянъ», во-первыхъ, какъ наиболѣе подвижный корабль, а во-вторыхъ, какъ сохранившій болѣе другихъ «боевую физіономію» и извѣстный порядокъ. Возможно, что въ этомъ выборѣ также сыграло нѣкоторую роль и то, что Бахиревъ давно меня зналъ, другіе же командиры большихъ кораблей были ему почти незнакомы.

Въ теченіе сентября непріятельскіе корабли стали появляться въ виду нашихъ береговъ все чаще и чаще. Участились также налеты непріятельскихъ аэроплановъ-развѣдчиковъ; прилеталъ даже Цеппелинъ, который держался нѣсколько часовъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль, внѣ досягаемости нашей артиллеріи; замѣтилъ и зарисовалъ, очевидно, расположеніе и число нашихъ судовъ и береговыхъ батарей, и затѣмъ улетѣлъ. Все говорило о близости и неизбѣжности рѣшительныхъ событій.

Наконецъ, катастрофа наступила. 29 сентября въ виду бухты Тагелахтъ появился сильный непріятельскій флотъ съ тральщиками, которые, подъ прикрытіемъ главныхъ силъ, расположившихся внѣ досягаемости нашей артиллеріи, приступили къ работѣ. Одна изъ 6" батарей, охранявшихъ входъ въ бухту, открыла огонь по тральщикамъ, чѣмъ обнаружила свое мѣсто; непріятельскія большія суда, въ свою очередь, открыли огонь по этой батареѣ и вскорѣ заставили ее замолчать. Другая батарея огня не открывала, дабы не обнаружить своего мѣстонахожденія, но затѣмъ, когда начался обстрѣлъ побережья крупной артиллеріей съ непріятельскихъ судовъ, прислуга ея разбѣжалась (моральный элементъ!). Затѣмъ непріятель высадилъ десантъ безъ всякой помѣхи, такъ какъ гарнизонъ острова, не оказавъ никакого сопротивленія, въ безпорядкѣ отступилъ. Въ штабъ посыпались донесенія самаго паническаго свойства: что непріятель высадился въ огромныхъ силахъ и наступаетъ и на Моонъ и на Аренсбургъ. На самомъ дѣлѣ нѣмцы высадили не больше батальона и первые дни никуда не наступали, считая свое положеніе очень шаткимъ: прикрывавшій высадку флотъ вскорѣ ушелъ, оставивъ два или три крейсера, изъ которыхъ одинъ сѣлъ на мель около Соэло-Зунда; задуй свѣжій западный вѣтеръ — и

этимъ крейсерамъ, вслѣдствіе невозможности держаться на совершенно открытомъ мѣстѣ, подъ угрозой нашихъ минныхъ атакъ, пришлось бы уйти; тогда непріятельскій десантъ оказался бы безъ всякой поддержки, внѣ всякой связи со своими базами, безъ провизіи, безъ сообщенія и, въ нормальное время, безъ труда былъ бы уничтоженъ нашимъ гарнизономъ. Но все было въ помощь нѣмцамъ: погода держалась тихая и туманная, «моральный же элементъ» не позволилъ нашимъ войскамъ атаковать и уничтожить ничтожный непріятельскій десантъ. Наши крупные миноносцы («Новики») и канонерскія лодки нѣсколько разъ подходили къ Соэло-Зунду и обстрѣливали сидящій на мели непріятельскій крейсеръ, который отвѣчалъ на ихъ огонь. Черезъ день или два онъ снялся съ мели и ушелъ въ море.

Черезъ нѣсколько дней, убѣдившись въ неспособности нашихъ войскъ къ активнымъ дѣйствіямъ, германскій десантъ началъ двигаться къ дамбѣ, соединяющей острова Эзель и Моонъ. Наши береговыя батареи, расположенныя на Моонѣ, а также миноносцы и канонерскія лодки, съ сѣвера, энергичнымъ огнемъ, задержали это наступленіе. Но тутъ все испортилъ опять «моральный элементъ»: для обезпеченія дѣйствія нашихъ судовъ вдоль сѣверо-восточнаго побережья Эзеля и сѣвернаго-Моона, необходимо было преградить доступъ непріятелю во внутреннія воды Моонзунда, заминировавъ проливъ Соэло-Зундъ, которымъ, несмотря на его узкость и извилистость, могли проходить самые большіе миноносцы. Одинъ изъ мелкосидящихъ заградителей, «Припять», былъ назначенъ выполнить эту работу въ первую же ночь по высадкѣ десанта. Однако, команда этого заградителя, раньше работавшая безукоризненно, внезапно «замитинговала» и отказалась идти въ экспедицію. Черезъ день или два нѣмцы уже проникли внутрь, и съ этого момента начался рядъ миноносныхъ боевъ на мелководномъ Кассарскомъ плесѣ, расположенномъ между Соэло - Зундомъ и Моонзундомъ. Тактика нѣмцевъ была очень простая: ихъ миноносцы въ количествѣ 6-8, пройдя проливомъ, подходили на видъ нашей эскадры, стоящей у Куйваста; дойдя до дальности нашихъ большихъ пушекъ, они поворачивали на обратный курсъ и отходили, преслѣдуемые нашими крупными миноносцами (типа «Новикъ») и канонерскими лодками; происходилъ бой на дальнихъ дистанціяхъ, причинявшій очень мало поврежде-

ній обѣимъ сторонамъ; но, когда наши миноносцы, увлекаясь погоней, приближались къ Кассарскому плесу, ихъ встрѣчалъ огонь крупной артиллеріи непріятельскаго крейсера, державшагося по ту сторону пролива. Въ этихъ бояхъ мы потеряли миноносецъ «Громъ».

Нѣмецкіе миноносцы, повидимому, также понесли немалыя потери. Однако, главная цѣль непріятеля была достигнута: большая часть нашихъ миноносныхъ силъ была отвлечена отъ десантной операціи непріятеля и отъ дозорной службы въ Рижскомъ заливѣ, гдѣ ими въ то время уже были начаты тральныя работы по наружную сторону Ирбенскаго пролива, внѣ досягаемости нашихъ батарей.

Всѣ эти событія, имѣвшія нѣсколько хаотическій характеръ, усилили и безъ того тревожное состояніе духа руководителей нашихъ боевыхъ операцій въ Моонзундѣ — Бахирева и Старка. По вызову перваго пришли въ Моонзундъ, и были оставлены въ видѣ резерва сѣвернѣе крейсера «Адм. Макаровъ» и «Аврора». На островѣ Моонъ, въ видѣ подкрѣпленія, былъ высаженъ ударный батальонъ и десанты съ судовъ, которые, какъ болѣе надежный элементъ, спеціально были предназначены для обороны мола, соединявщаго островъ Эзель съ Моономъ. 1-го октября, получивъ извѣстія о паническомъ настроеніи гарнизона Церельской батареи, Бахиревъ пересѣлъ на крейсеръ «Баянъ» и отправился къ полуострову Сворбэ, расчитывая личнымъ своимъ воздѣйствіемъ и присутствіемъ большого корабля поднять упавшій духъ командъ. Но еще на пути было получено радіо съ Цереля о полномъ успокоеніи гарнизона, готоваго бороться съ непріятелемъ «до послѣдней капли крови». Не дойдя до Сворбэ 15 миль, крейсеръ повернулъ обратно и къ ночи сталъ на якорь на старомъ мѣстѣ у Куйваста. Однако, уже на слѣдующій день, при первомъ появленіи непріятельскихъ кораблей на горизонтѣ, команды Цереля окончательно отказались повиноваться своимъ начальникамъ, забывъ всѣ свои обѣщанія; онѣ собрались на митингъ и вынесли постановленіе о невозможности дальнѣйшей борьбы съ непріятелемъ, мотивируя свое рѣшеніе отрѣзанностью полуострова Сворбэ отъ базъ. Какъ слѣдствіе этого скороспѣлаго рѣшенія, продиктованнаго паническимъ настроеніемъ «сознательныхъ товарищей», батареи были частично подорваны и покинуты командами. Получивъ телефонограммы о такомъ рѣшеніи и дальнѣйшихъ событіяхъ, Ба-

хиревъ немедленно послалъ къ Сворбэ «Гражданина»; онъ расчитывалъ, что присутствіе большого корабля съ 12" артиллеріей вольетъ бодрость въ гарнизонъ и побудитъ его продолжать защиту Ирбена и Рижскаго залива; въ случаѣ же безнадежности положенія, «Гражданину» приказано было уничтожить своей артиллеріей батареи, снять команды и вернуться затѣмъ въ Куйвастъ. 3-го октября утромъ «Гражданинъ» вернулся и доложилъ, что онъ засталъ уже часть батарей взорванными и гарнизонъ настолько деморализованнымъ, что о возобновленіи дѣйствія батарей нечего было и думать; онъ обстрѣлялъ батареи своимъ огнемъ и снялъ часть гарнизона. Другая часть, вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами, (кап. 2 р. Кнюпферъ и Эйлеръ) осталась на батареѣ и затѣмъ попала въ плѣнъ германцамъ. Такимъ образомъ, «моральный элементъ», т. е. лучше сказать, моральное разложеніе, какъ слѣдствіе революціонной разрухи, погубило все дѣло обороны Рижскаго залива, для созданія которой была потрачена почти сверхчеловѣческая энергія, масса матеріала и денегъ. Церельская батарея, на которую возлагалось столько надеждъ и которой не угрожало еще никакой непосредственной опасности, сдалась безъ **единаго** выстрѣла. Съ ея паденіемъ непріятелю уже больше ничто не препятствовало занять Рижскій заливъ и уничтожить наши морскія силы, запертыя въ южной части Моонзунда.

Несмотря на безнадежность положенія, Бахиревъ рѣшилъ защищать входъ въ Моонзундъ до послѣдней крайности, до потери всѣхъ большихъ кораблей включительно. Необходимость подобнаго рѣшенія неминуемо вытекала изъ стратегическаго положенія Моонзунда: съ паденіемъ его непріятелю открывались всѣ пути для обхода праваго фланга нашихъ войскъ и для занятія побережья Финскаго залива вплоть до самаго Ревеля.

Еще 3-го октября наши дозорные миноносцы въ Рижскомъ заливѣ обнаружили присутствіе непріятельскихъ тральщиковъ и большихъ кораблей, продвигающихся по направленію ко входу въ Моонзундъ. Въ тотъ же день, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ виду Куйваста, но внѣ досягаемости нашей противоаэропланной артиллеріи, держался непріятельскій цеппелинъ; намѣренія его были слишкомъ очевидны — онъ высматривалъ расположеніе нашихъ судовъ, батарей и войскъ.

На разсвѣтѣ 4-го октября наши дозорные миноносцы, находившіеся къ югу отъ входа въ Моонзундъ, донесли, что они видятъ многочисленный непріятельскій флотъ, состоящій изъ тральщиковъ, транспортовъ, миноносцевъ и большихъ кораблей. Къ 8 час. утра адмиралъ Бахиревъ пересѣлъ на крейсеръ «Баянъ» и поднялъ на немъ свой флагъ. Съ нимъ вмѣстѣ прибылъ и его Штабъ, который состоялъ изъ одного лишь офицера — кап. 2 р. Б. В. Муромцова. Къ этому времени непріятельскія силы, имѣя тральщики впереди, приблизились уже на разстояніе около 200 кабельтововъ отъ Куйваста. Наши большіе корабли, стоявшіе между Куйвастомъ и островомъ Шильдау, еще съ ранняго утра находились подъ парами въ полной боевой готовности, съ подтянутыми до панера канатами.

Учитывая неизбѣжность боевого столкновенія и не желая подвергать опасности беззащитные транспорты и мелкія суда вспомогательнаго значенія, Бахиревъ распорядился объ отходѣ всѣхъ этихъ судовъ каналомъ на сѣверъ, согласно заранѣе составленнаго плана. Въ самый разгаръ выполненія этого распоряженія, т. е. когда все пространство рейда до самаго входа въ каналъ было заполнено двигающейся вереницей судовъ, непріятель атаковалъ районъ расположенія судовъ своими аэропланами-бомбовозами. Налетъ былъ произведенъ тремя отдѣльными отрядами, съ трехъ разныхъ сторонъ; въ каждомъ отрядѣ было не менѣе четырехъ аэроплановъ. Наша артиллерія нѣсколько запоздала, такъ какъ общее вниманіе было отвлечено приближающимся непріятельскимъ флотомъ, вслѣдствіе чего атакующимъ аэропланамъ удалось почти безъ помѣхи выполнить свою задачу: въ промежутокъ не болѣе 5 минутъ, они буквально забросали бомбами рейдъ и прилегающій къ Куйвасту районъ берега. Картина была чрезвычайно эффектная: все водное пространство около судовъ буквально кипѣло отъ рвущихся бомбъ; высокіе столбы воды, смѣшанные съ густымъ чернымъ дымомъ, немолчный шумъ и трескъ отъ разрывовъ, свистящіе во всѣхъ направленіяхъ мелкіе осколки — все это создавало впечатлѣніе какого-то ада. Впечатлѣніе, однако, не соотвѣтствовало результатамъ: никакихъ поврежденій судамъ причинено не было, если не считать нѣсколькихъ попаданій мелкими осколками. На берегу ихъ дѣйствіе было нѣсколько удачнѣе:

одна изъ бомбъ, попавъ среди лагеря, убила нѣсколькихъ солдатъ, мирныхъ жителей и лошадей, создавъ полную панику.

Тѣмъ временемъ, непріятельскія силы подходили все ближе и ближе. Наше состояніе было особенно тяжело вслѣдствіе того, что мы были совершенно лишены какой бы то ни было возможности воспрепятствовать ихъ «побѣдному» продвиженію: наша артиллерія не дохватывала, атаки же миноносцевъ и подводныхъ лодокъ (которыхъ у насъ была всего одна) были невозможны, такъ какъ весь районъ около непріятеля былъ нами же густо заминированъ и имѣлъ массу мелей и подводныхъ камней. Съ приближеніемъ непріятеля явилась, наконецъ, возможность установить приблизительный составъ его наступающихъ боевыхъ силъ: находившійся на форъ-марсѣ моего корабля офицеръ-наблюдатель (мичманъ Голицынъ) распозналъ три крейсера или корабля — дредноута и пять крейсеровъ меньшаго типа, не считая болѣе мелкихъ судовъ. Такимъ образомъ, выяснилась и вѣроятная картина боя: прежде, чѣмъ мы получимъ возможность начать обстрѣлъ непріятельскихъ тральщиковъ (съ разстоянія въ 105 кабельтовыхъ), непріятельскіе дредноуты, слѣдующіе непосредственно за тральщиками, смогутъ накрыть наши корабли залпомъ своихъ 12" пушекъ, такъ какъ дальность ихъ артиллеріи превышала нашу на 15-20 кабельтовыхъ. Безотрадность подобной перспективы, обрекающей наши корабли на неизбѣжную гибель, ни коимъ образомъ не могла способствовать увеличенію нашей бодрости. Мы съ Бахиревымъ находились все время на мостикѣ и болтали о пустякахъ, дабы хоть сколько-нибудь отвлечь себя отъ тревожныхъ мыслей. Изрѣдка Голицынъ съ форъ-марса докладывалъ намъ о подрывѣ на минѣ непріятельскаго тральщика или миноносца; объ этомъ немедленно сообщалось командѣ, которая съ момента появленія на горизонтѣ непріятеля вспомнила старо-режимную дисциплину и съ виноватымъ видомъ смотрѣла въ глаза Бахиреву и мнѣ.

Около 11 ч. утра разстояніе до непріятельскихъ тральщиковъ уменьшилось до 110 кабельтововъ. Бахиревъ приказалъ поднять «Славѣ» и «Гражданину» сигналъ «буки», что условно обозначало имъ приказаніе перейти на боевую позицію. Позиція эта находилась позади нашего миннаго поля въ трехъ миляхъ къ югу отъ параллели Куйваста. Къ этому

моменту большая часть не-боевыхъ судовъ и тѣ миноносцы, которые не были связаны съ большими кораблями, уже находились въ каналѣ или сѣвернѣе его, на пути въ Рогокюль. Одновременно съ сигналомъ «Баянъ» снялся съ якоря и поднялъ шары «на стопъ». По заранѣе составленному плану предполагалось, что, по сигналу «б», «Слава» и «Гражданинъ» идутъ полнымъ ходомъ на позицію; «Баянъ» же, слѣдуя за ними, долженъ былъ помѣститься нѣсколько сзади, въ разстояніи одного съ половиной кабельтовыхъ отъ позиціи. Слѣдуетъ замѣтить, что роль «Баяна» была чисто моральная, такъ какъ дальность его пушекъ была на 10-12 кабельтовыхъ менѣе, чѣмъ на броненосцахъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ послѣ спуска сигнала; «Слава» и «Гражданинъ» подняли якоря, спустили шары на «средній ходъ», но . . . не двигались: ни малѣйшаго буруна не было замѣтно подъ ихъ носомъ. Неужели опять «моральный элементъ»? Ужасный моментъ! А непріятель все приближался, и съ минуты на минуту можно было ожидать, что онъ откроетъ огонь изъ своихъ 12" башенъ; намъ было ясно, что **тогда** уже никакими силами не вытащить корабли на позицію. Бахиревъ подошелъ ко мнѣ и процѣдилъ сквозь зубы: «Они не желаютъ идти! Что намъ дѣлать»? Мнѣ пришло въ голову, что если мы пойдемъ впередъ, то корабли послѣдуютъ за нами, — отчасти въ силу привычки «слѣдовать движенію адмирала», а отчасти изъ чувства стыда, что ихъ «ведетъ» слабѣйшій корабль. Я высказалъ это Бахиреву. Такъ и сдѣлали. Мы спустили шары и дали полный ходъ, повернувъ на позицію. Хитрость удалась — большіе корабли также спустили шары и подъ носами у нихъ забурлило. У Бахирева и меня отлегло отъ сердца. Однако, «нерѣшительность» большихъ кораблей задержала насъ минутъ на десять, такъ что, когда «Баянъ» приблизился къ позиціи, германскіе дредноуты уже открыли огонь, давая въ началѣ сильные недолеты. Мы нѣсколько задержались на позиціи, поджидая, чтобы «Слава» и «Гражданинъ по возможности съ нами сблизились; въ это время третій залпъ непріятеля легъ у самаго нашего борта, давъ небольшой перелетъ. Чтобы выйти изъ района обстрѣла, мы сразу дали полный ходъ и, обойдя наши броненосцы, остановились позади ихъ кабельтовыхъ въ трехъ. Одновременно съ этимъ «Слава» и «Граж-

данинъ», оказавшіеся въ строѣ фронта, немного не дойдя до позиціи, открыли изъ своихъ 12" орудій огонь по тральщикамъ и миноносцамъ непріятеля, разстояніе до которыхъ въ это время было около 100 кабельтовыхъ. Насколько можно было судить съ нашего форъ-марса, снаряды ихъ ложились хорошо: среди тральщиковъ было замѣтно замѣшательство, нѣкоторые выходили изъ строя. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, непріятельскіе дредноуты пристрѣлялись къ нашимъ броненосцамъ, за недостаткомъ мѣста для маневрированія вынужденнымъ стоять почти на мѣстѣ, и снаряды ихъ стали ложиться у самыхъ ихъ бортовъ. Наконецъ, одинъ изъ залповъ вкатилъ между трубъ «Гражданина», произведя пожаръ, который однако, вскорѣ былъ потушенъ; къ чести «Гражданина» нужно сказать, что онъ въ это время не прекращалъ огня и продолжалъ держаться на позиціи, по возможности мѣняя свое мѣсто. Вскорѣ послѣ этого случилось попаданіе въ «Славу», которая, тотчасъ же послѣ этого, замѣтно накренившись и сѣвши носомъ, повернула на нордъ и стала отходить по направленію къ Куйвасту. На наши сигналы и семафоры она не отвѣчала. Къ этому моменту огонь непріятеля настолько усилился, что вода около «Гражданина», продолжавшаго стрѣлять, буквально кипѣла отъ рвущихся снарядовъ. Учитывая абсурдность идеи продолжать бой при создавшихся условіяхъ, т. е. при наличіи одного слабаго подбитаго корабля противъ трехъ дредноутовъ, Бахиревъ поднялъ сигналъ: «Гражданину» идти въ каналъ» и одновременно съ этимъ другой сигналъ «Славѣ»: «Пропустить «Гражданина» впередъ». Послѣдній сигналъ былъ вызванъ тѣмъ соображеніемъ, что «Слава», имѣвшая повидимому подводную пробоину, сильно сѣла носомъ и при попыткѣ пройти каналомъ легко могла устопориться, чѣмъ бы совершенно преградила каналъ, сдѣлавъ невозможнымъ проходъ другихъ судовъ. «Гражданинъ», дѣйствія котораго во время боя вообще были безукоризненны (Командиромъ его состоялъ въ то время кап. 1 р. Руденскій), сразу разобралъ сигналъ и началъ разворачиваться на сѣверъ, продолжая все время отстрѣливаться. Кажется, въ это время въ него было еще одно попаданіе. «Слава» же, находившаяся уже около острова Шильдау (внѣ сферы огня) на сигналъ не отвѣчала и продолжала идти ко входу въ каналъ.

Желая отвлечь огонь непріятеля отъ подбитаго «Гражданина» пока онъ не выйдетъ изъ сферы огня, Бахиревъ предложилъ мнѣ остаться на позиціи. Разстояніе до непріятельскихъ большихъ кораблей въ это время уменьшилось до 90-95 кабельтовыхъ, такъ что «Баянъ» смогъ открыть огонь изъ своей 8" артиллеріи. Слишкомъ было очевидно, что положеніе «Баяна», принявшаго на себя весь огонь непріятеля, было отчаянное: противъ нашихъ **трехъ** 8" пушекъ (изъ которыхъ средняя не дѣйствовала, такъ какъ ея прислуга была совершенно не прикрыта) было **тридцать** 12" орудій непріятеля. Единственное, что я могъ придумать, это по возможности мѣшать пристрѣлкѣ непріятеля, непрерывно мѣняя мѣсто, въ самыхъ неожиданныхъ направленіяхъ; на наше счастье, машины работали безъ отказа, и большой крейсеръ вертѣлся какъ вьюнъ, совершенно не позволяя непріятелю пристрѣляться: за все время (15 минутъ) нашего пребыванія на позиціи **ни одинъ** снарядъ въ насъ не попалъ, хотя, съ момента отхода «Гражданина», непріятель перенесъ **весь** огонь свой на крейсеръ. Но, несмотря на это, я никогда не забуду этихъ 15 минутъ: сознаніе, что малѣйшая неисправность въ машинахъ или въ дѣйствіи рулевого привода могла сдѣлать насъ простой мишенью, и что **одного** случайнаго попаданія было достаточно, чтобы пустить крейсеръ ко дну, мало располагало къ сохраненію должнаго хладнокровія. Меня поддерживала лишь непоколебимая выдержка испытаннаго героя, М. К. Бахирева: съ полнымъ наружнымъ спокойствіемъ онъ расхаживалъ по мостику, совершенно не вмѣшиваясь въ мои распоряженія и, лишь съ сочувственной улыбкой, поглядывалъ на мою сумасшедшую «игру» на машинномъ телеграфѣ.

Наконецъ, «Гражданинъ» скрылся за островомъ Шильдау, и Бахиревъ приказалъ мнѣ вполголоса: «отходите»! Наступила самая опасная минута: фарватеръ на сѣверъ очень скоро съужался, и приходилось сразу же ложиться на постоянный курсъ, что давало непріятелю простѣйшій случай пристрѣлки. Я приказалъ въ кратчайшій срокъ развить самый полный ходъ, что и было выполнено въ точности: я думаю, не болѣе, какъ черезъ 5 минутъ, мы уже неслись 20-ти узловымъ ходомъ. Непріятель участилъ огонь, и тутъ, наконецъ, ему посчастливилось: одинъ 12" снарядъ попалъ въ носовую часть крейсера; онъ пролетѣлъ подъ самымъ мости-

комъ, пробилъ верхнюю палубу съ правой стороны носовой башни и разорвался о броневую палубу въ тросовомъ отдѣленіи; осколками онъ пробилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ броневую палубу и наружный бортъ ниже ватерлиніи. Въ помѣщеніи, гдѣ разорвался снарядъ, находилось много горючаго матерьяла: пеньковые тросы, маты, брезенты и т. д.; возникъ сильный пожаръ. Пришлось затопить сосѣдніе снарядные погреба 8" и 6"; черезъ подводныя пробоины, и благодаря затопленнымъ погребамъ, было принято свыше 1000 тоннъ воды, вслѣдствіе чего крейсеръ сѣлъ носомъ на четыре фута. Однако, слѣдуетъ считать, что крейсеръ отдѣлался очень дешево: переборки выдержали, чѣмъ была устранена опасность потопленія крейсера. А такъ какъ механизмы и котлы оказались совершенно незатронутыми, то мы и продолжали идти прежнимъ курсомъ, не уменьшая хода, хотя управленіе крейсеромъ осложнилось до чрезвычайности: возникшій пожаръ еще очень долго не удавалось потушить, и густой черный дымъ, выбиваясь черезъ пробоины и задраенные люки, несло прямо на мостикъ; всѣ мы, находившіеся на мостикѣ, задыхались отъ этого дыма и съ трудомъ могли разсмотрѣть что-либо спереди носа. Кто-то догадался принести къ намъ на мостикъ противогазныя маски, и тогда дѣло пошло нѣсколько лучше.

На наше счастье, непосредственно послѣ попаданія въ насъ, непріятель прекратилъ огонь и сталъ отходить; по всей вѣроятности, онъ рѣшилъ, что теперь всѣ наши большіе корабли окончательно выведены изъ строя. Но такъ или иначе, благодаря этому, мы имѣли возможность въ сравнительно спокойной обстановкѣ выяснить свои поврежденія, не стопоря машинъ, и заняться, затѣмъ, другими кораблями. Пройдя Шильдау, мы могли уяснить себѣ общее положеніе: всѣ транспорты находились уже въ каналѣ, «Гражданинъ», на которомъ не было замѣтно серьезныхъ поврежденій, держался съ застопоренными машинами въ такъ называемомъ «стратегическомъ мѣшкѣ», передъ входомъ въ каналъ, ожидая, чтобы транспорты, столпившіеся въ начальной части канала, продвинулись нѣсколько впередъ.

«Слава» же оказалась сидящей на мели правѣе «мѣшка», на банкѣ, огражденной вѣхами; она была подъ сильнымъ креномъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, причиной ея посадки

была полная растерянность управлявшихъ кораблемъ, въ распоряженіи которыхъ самымъ преступнымъ образомъ вмѣшались члены судового Комитета. Къ сожалѣнію, долженъ констатировать, что когда мы проходили очень близко отъ «Славы», наверху были только «комитетчики», офицеровъ же не было замѣтно; раздавались отдѣльные крики: «Пошлите миноносцы за командой»!, «Спасайте команду»!. Бахиревъ немедленно послалъ къ ней миноносецъ, приказавъ выяснить прежде всего серьезность ея положенія и, въ случаѣ невозможности снять ее немедленно съ мели, принять команду, корабль же взорвать. Затѣмъ, считая поврежденія «Баяна» серьезными (пожаръ еще не былъ прекращенъ), Бахиревъ приказалъ «Гражданину» идти вслѣдъ за «Баяномъ» и не ранѣе, какъ выяснится положеніе «Славы». Часть миноносцевъ и тральщиковъ была оставлена въ южной части Моонзунда для несенія дозорной службы и для поддержанія связи съ сѣверной частью острова Моона, гдѣ оставались еще наши сухопутныя войска и морской ударный батальонъ подъ командой кап. 2 р. Шишко.

Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ войти въ каналъ, куда обычно, въ нормальное время, мы входили съ буксиромъ; теперь же намъ пришлось входить подъ своими машинами и съ дифферентомъ на носъ въ 4 фута, что совершенно измѣняло качества поворотливости корабля. Однако, все обошлось благополучно, и черезъ два часа мы стали на якорь въ сѣверной части канала, въ его расширеніи, гдѣ насъ поджидала «Аврора». Долженъ отмѣтить, что при управленіи кораблемъ въ бою и при послѣдующемъ проходѣ каналомъ, для меня былъ незамѣнимымъ помощникомъ мой старшій штурманъ ст. лейт. Уховъ: этотъ выдающійся боевой офицеръ обладалъ всѣми качествами превосходнаго лоцмана и никогда не терялся въ самыя критическія минуты.

Черезъ часъ подошелъ «Гражданинъ», который доложилъ, что «Славу» снять немыслимо безъ разгрузки при помощи крана, вслѣдствіе чего пришлось ее взорвать, снявъ предварительно всю команду. Вслѣдъ затѣмъ всѣ корабли перешли къ Вормсу. Въ южной части канала былъ затопленъ одинъ изъ нашихъ транспортовъ, закрывшій совершенно проходъ: такимъ образомъ, хоть на нѣсколько дней, былъ прегражденъ доступъ непріятельскихъ большихъ кораблей въ

сѣверную часть Моонзунда. Для огражденія нашего флота отъ атакъ германскихъ миноносцевъ, которые свободно могли пройти на сѣверъ помимо канала, со стороны Кассарскаго плеса, были выставлены крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ» и цѣпь дозорныхъ миноносцевъ. Такой же дозоръ былъ высланъ къ сѣверу отъ Вормса.

Теперь мнѣ придется вернуться нѣсколько назадъ, чтобы разсказать одинъ очень характерный эпизодъ, происшедшій на моемъ кораблѣ во время боя: я не останавливался на немъ въ свое время, чтобы не нарушать связности повѣствованія.

Какъ я уже упоминалъ вскользь, команда «Баяна» во время боя въ общемъ держала себя безукоризненно, напоминая своей работой и дисциплинированностью лучшія старорежимныя времена. Но... все-таки и у насъ не обошлось безъ «но»: предсѣдатель Судового Комитета (котораго я не видѣлъ съ начала боя), по боевому расписанію не имѣвшій опредѣленныхъ обязанностей (онъ былъ водолазнымъ старшиной), забравшись, по его мнѣнію, въ самое безопасное мѣсто корабля — носовое подбашенное отдѣленіе, устроилъ тамъ подобіе митинга. Присутствовало, кромѣ него, всего пять человѣкъ изъ числа членовъ Комитета и просто его единомышленниковъ; всѣ эти люди по боевому расписанію числились «при подачѣ», почему отсутствіе ихъ не могло быть сразу замѣчено. По словамъ команды, отнесшейся къ этому «митингу» опредѣленно отрицательно, предметомъ обсужденія было «преступное» поведеніе Бахирева и мое, вступившихъ въ бой съ сильнѣйшимъ противникомъ спеціально для того, чтобы «предать казни» т. е. разстрѣлу непріятельской артиллеріи, нѣсколько сотъ «лучшихъ сознательныхъ товарищей — углубителей революціи». Совершилось же поистинѣ нѣчто изъ области «чудесъ»: непріятельскій снарядъ попалъ какъ разъ въ кучу митингующихъ, смертельно ранивъ или убивъ **всѣхъ безъ исключенія;** у Предсѣдателя Комитета оторвало обѣ ноги выше колѣнъ. Всѣ раненые скончались въ теченіе сутокъ. Ну не судьба ли это? Этотъ случай произвелъ сильнѣйшее, ошеломляющее впечатлѣніе на команду, говорившую въ одинъ голосъ, что «Богъ виноватыхъ нашелъ». Когда, уже по приходѣ къ Вормсу, смертельно раненаго Предсѣдателя Комитета выносили на катеръ, чтобы отправить въ Рогокюль, онъ истерически выкрики-

валъ: «Бахиревъ и Тимиревъ предатели! Измѣнники! Кровопійцы»! Команда, собравшаяся у трапа, сначала молчала, но затѣмъ не выдержала и раздались возгласы: «Молчи, самъ виноватъ! За дѣло Богъ наказалъ»! и т. д.

Разсказанный мною случай, по существу маловажный, имѣлъ для меня самыя неожиданныя послѣдствія: команда, въ своей массѣ, несмотря на революціонную эмансипированность, склонная къ суевѣрію, пожалуй, болѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовала ко мнѣ и къ моимъ офицерамъ какое-то особое, «проникновенное», если можно такъ выразиться, довѣріе, которое, несмотря на всѣ послѣдующія событія, не нарушалось до самаго конца, до момента моего демонстративнаго ухода съ бригады.

Возвращаюсь къ описанію событій.

Бахиревъ прекрасно понималъ, что сравнительно благополучный отходъ послѣ боя всѣхъ морскихъ силъ Рижскаго залива на сѣверъ Моонзунда отнюдь не знаменовалъ еще окончательнаго завершенія операцій. Къ вечеру 4-го октября, когда всѣ наши суда собрались у Вормса, выяснилось слѣдующее положеніе непріятеля: по окончаніи боя всѣ большія непріятельскія суда удалились на югъ; тральщики, уже безъ всякой помѣхи съ нашей стороны, дошли до самаго входа въ Моонзундъ, послѣ чего, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ миноносцевъ, къ Куйвасту приблизились транспорты съ войсками. Въ тотъ же вечеръ эти войска, высаженныя на берегъ, заняли островъ Моонъ и соединились съ Эзельской группой непріятельскаго десанта, не встрѣчая почти ни малѣйшаго сопротивленія. Наши сухопутныя войска, находившіяся на Моонѣ, разбѣжались при первомъ появленіи непріятеля и частью переправились на рыбачьихъ лодкахъ на материкъ, частью же были сняты и доставлены въ Рогокюль нашими тральщиками и миноносцами, оставленными Бахиревымъ послѣ отхода судовъ у сѣверной оконечности Моона. Единственная береговая часть, которая обнаружила стойкость — это былъ Морской Ударный Батальонъ кап. 2 р. Шишко: онъ отказался эвакуироваться и, выдержавъ нѣсколько неравныхъ боевъ съ непріятелемъ, частью былъ уничтоженъ, частью же забранъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ раненымъ своимъ командиромъ. Если бы нашъ флотъ остался въ Моонзундѣ, то наиболѣе вѣроят-

ныя дальнѣйшія дѣйствія нѣмцевъ должны были быть слѣдующія: образовавъ заслонъ съ сѣвера при помощи минныхъ банокъ и подводныхъ лодокъ, они бы начали наступать по каналу, очистивъ его отъ затопленнаго парохода; наши суда, частью подбитыя и съ израсходованнымъ боевымъ запасомъ, оказались бы запертыми и такъ или иначе были бы уничтожены.

Сознавая въ полной мѣрѣ безполезность и крайнюю опасность дальнѣйшаго пребыванія нашихъ судовъ въ Моонзундѣ, Бахиревъ, однако, не счелъ возможнымъ принять какое-либо рѣшеніе безъ указаній Командующаго Флотомъ. На посланный имъ по этому поводу запросъ, вмѣстѣ съ краткимъ донесеніемъ о событіяхъ, было получено категорическое распоряженіе о скорѣйшемъ очищеніи Моонзунда и переходѣ боевыхъ судовъ въ Лапвикъ; батареи должны были быть взорваны, команды и посты службы связи сняты, тыловая база Моонзунда — Рогокюль, эвакуирована и уничтожена; транспорты и мелкія суда должны были Нукке-Вормскимъ проливомъ перейти въ Ревель. Разработка деталей этого распоряженія предоставлялась на усмотрѣніе самаго Бахирева.

Для обсужденія этого распоряженія, Бахиревъ собралъ на «Баянѣ» всѣхъ командировъ большихъ судовъ и начальниковъ дивизіоновъ миноносцевъ; присутствовалъ также Начальникъ Минной Дивизіи контръ-адмиралъ Старкъ. Главный вопросъ, подлежащій обсужденію, заключался въ назначеніи срока для перехода большихъ кораблей и лодокъ на сѣверный берегъ. Всѣ понимали, что желательно было выполнить это какъ можно скорѣе, пока нѣмцы еще не успѣли послать свои подводныя лодки къ сѣверному выходу изъ Моонзунда и не выставили спеціальнаго миннаго загражденія. Большинство командировъ стояло за то, чтобы уходить сегодня же, съ темнотой, дабы затруднить атаки непріятельскихъ подводныхъ лодокъ. Но этотъ проектъ имѣлъ слабый пунктъ: у насъ была всего одна пара тральщиковъ, вызванный же изъ Лапвика дивизіонъ лучшихъ тральщиковъ могъ прибыть лишь на другой день. Между тѣмъ было извѣстно, что нѣмцы систематически подбрасывали мины къ сѣверу отъ Вормса, послѣднее же траленіе въ этомъ районѣ производилось около двухъ недѣль назадъ. Идти же съ одной парой тральщиковъ

было все равно, что идти вовсе безъ тральщиковъ, такъ какъ при первой же затраленной минѣ эта пара выходила изъ строя. Такимъ образомъ, можно было сказать съ большой увѣренностью, что при немедленномъ, безъ предварительнаго траленія, выходѣ въ море, нѣсколько кораблей **непремѣнно** подорвалось бы и, можетъ быть, погибло. Учитывая это, я высказалъ мнѣніе (я говорилъ послѣднимъ, какъ старшій изъ присутствующихъ, не считая Бахирева), что выходить сегодня — ничѣмъ неоправдываемое безуміе, что нужно отложить выходъ на сутки: на утро подойдутъ большіе тральщики, которые за день протралятъ и обезопасятъ выходной фарватеръ; затѣмъ я добавилъ, что принимая во вниманіе медлительность и нерѣшительность дѣйствій непріятеля, трудно ожидать, чтобы онъ успѣлъ что-либо организовать за сутки. Я считалъ себя обязаннымъ высказаться особенно опредѣленно, такъ какъ мнѣ, какъ старшему изъ командировъ, пришлось бы командовать отрядомъ: самъ Бахиревъ предполагалъ остаться въ Моонзундѣ съ нѣсколькими миноносцами, пока не закончится эвакуація острововъ и Рогокюля. Бахиревъ нѣкоторое время колебался, но затѣмъ присоединился къ моему мнѣнію.

На слѣдующій день, на наше счастье, была сильная пасмурность, временами переходящая въ туманъ, что не позволило нѣмцамъ слѣдить за нашими дѣйствіями, подошедшіе же изъ Лапвика тральщики могли безъ всякой помѣхи приступить къ тральнымъ работамъ на выходномъ фарватерѣ. Въ теченіе дня эвакуація острововъ и Рогокюля почти была закончена, такъ что Бахиревъ рѣшилъ также идти съ нами, оставаясь на томъ же «Баянѣ». Я былъ очень радъ этому, такъ какъ такимъ образомъ съ меня снималась лишняя отвѣтственность, а кромѣ того мнѣ пріятно было провести еще нѣсколько часовъ съ М. К. Бахиревымъ, съ которымъ за послѣднихъ два «страдныхъ» дня я особенно сблизился. Самъ Михаилъ Коронатовичъ тоже, повидимому, чувствовалъ себя хорошо на моемъ кораблѣ, такъ какъ предпочелъ остаться на немъ, вмѣсто того, чтобы пересѣсть на другой, неповрежденный.

За часъ до захода солнца (чтобы имѣть возможность пройти засвѣтло наиболѣе трудную въ навигаціонномъ отношеніи часть пути) корабли снялись и пошли къ выходу въ

кильватерной колоннѣ, имѣя головнымъ «Баяна»; за нимъ шли: «Адм. Макаровъ», «Аврора», «Гражданинъ», «Амуръ», всѣ канонерскія лодки и нѣсколько большихъ транспортовъ, углубленіе которыхъ не позволяло пройти Нуккэ-Вормскимъ фарватеромъ. Миноносцы держались по обѣ стороны большихъ судовъ. На траверзѣ Вормскаго маяка корабли были встрѣчены тральщиками, которые повели «армаду» къ выходу въ открытый заливъ курсомъ, которымъ обычно корабли не ходили, такъ какъ на такомъ курсѣ меньше всего было шансовъ встрѣтить непріятельскія мины и подводныя лодки. Въ самомъ началѣ движенія, въ какіе-нибудь полчаса, тральщиками было затралено семь минъ: хороши бы мы были, если бы пошли наканунѣ съ одной парой траловъ!

Дальнѣйшій переходъ былъ совершенъ безъ всякихъ инцидентовъ: непріятельская подводная лодка, дежурившая у Дагерорта, насъ прозѣвала. На разсвѣтѣ всѣ суда вышли на Лапвикскій рейдъ, гдѣ насъ поджидала 1-я бригада крейсеровъ. Тотчасъ же по постановкѣ на якорь, Бахиревъ, сердечно простившись со мной и съ командой, перебрался на миноносецъ, мы же вступили въ подчиненіе нашего прямого начальника адм. Пилкина, который еще при Бахиревѣ прибылъ на крейсеръ. Получивъ отъ Бахирева весьма лестный отзывъ о боевой работѣ крейсера, Пилкинъ поблагодарилъ офицеровъ и команду, и приказалъ затѣмъ немедленно идти въ Гельсингфорсъ, чтобы тотчасъ же приступить къ работамъ по исправленію поврежденій. При проходѣ крейсера мимо рейда «Севастополь», стоявшая тамъ бригада дредноутовъ и 2-я бригада кораблей устроила намъ оваціи; но характеръ этихъ овацій былъ настолько революціонно-разнузданный, что наши матросы, непривыкшіе ни къ чему подобному, были совершенно ошеломлены и ничѣмъ имъ не отвѣчали. Началось съ того, что буквально всѣ корабли расцвѣтились сигналами; первые же разобранные сигналы оказались чисто митинговой белибердой, вродѣ: «революціонный пролетаріатъ привѣтствуетъ доблестнаго борца за свободу» и т. д., все въ томъ же духѣ. Очевидно, всѣ эти сигналы поднимались самой командой, безъ вѣдома офицеровъ; да и что могли значить офицеры на судахъ, гдѣ, казалось, все было пропитано кровью замученныхъ и убитыхъ ихъ сотоварищей, и гдѣ убійцы жили тутъ же бокъ о бокъ, и совершенно безна-

казанно продолжали играть руководящую роль? Борта, башни и мостики кораблей были облѣплены людьми, которые по своему костюму и разнузданному виду, очень мало походили на матросовъ. Оркестръ музыки на флагманскомъ кораблѣ («Петропавловскѣ») игралъ Марсельезу и разную революцiонную ерунду, причемъ игра была очень нескладная: очевидно «сознательная распущенность» коснулась и музыкантовъ. Въ промежуткахъ команда на корабляхъ кричала «ура». Наша команда, столпившаяся на бакѣ и на шкафутахъ, пораженная и видимо скандализированная подобнымъ «прiемомъ», въ буквальномъ смыслѣ безмолвствовала. Къ этому нужно добавить, что наши матросы всегда открыто осуждали убiйства, совершенныя на «Петропавловскѣ», «Андреѣ» и «Павлѣ» и, по всей вѣроятности, смотрѣли на эти корабли съ чувствомъ даже нѣкотораго омерзенiя и страха.

Къ вечеру мы пришли въ Гельсингфорсъ и стали на якорь на почти пустомъ рейдѣ. Мы первые доставили сюда подробности о Моонзундскомъ боѣ, чѣмъ разсѣяли естественную тревогу многихъ женъ офицеровъ, бывшихъ въ Моонзундѣ. Со слѣдующаго же дня было приступлено самымъ энергичнымъ образомъ къ исправленiю полученныхъ въ бою поврежденiй.

ГЛАВА V.

БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ

(Октябрь и ноябрь 1917 г.).

Прибытіе въ Гельсингфорсъ. Производство въ адмиралы и назначеніе Начальникомъ Бригады. Отношеніе команды. Начало развала на "Баянѣ". Сборъ всей Бригады въ Гельсингфорсѣ и посѣщеніе кораблей. Большевистскій переворотъ въ Петроградѣ. Отношеніе къ нему высшихъ чиновъ Морского Вѣдомства. Кап. 1 р. Е. А. Беренсъ. Мой взглядъ на службу съ большевиками. Отношеніе къ перевороту въ Балтійскомъ Флотѣ. Начало вмѣшательства большевиковъ въ дѣла Флота. Декретъ о реформѣ власти во Флотѣ.

По приходѣ въ Гельсингфорсъ, со слѣдующаго же дня было приступлено самымъ энергичнымъ образомъ къ исправленію полученныхъ въ бою поврежденій.

Для большинства было очевидно, что съ паденіемъ Моонзунда роль флота въ связи съ обороной праваго фланга нашего сухопутнаго фронта была окончена: трудно было предположить, чтобы нѣмцы сунулись со своими большими кораблями въ Финскій заливъ, рискуя подорвать ихъ на нашихъ минныхъ загражденіяхъ и понести нѣкоторыя потери въ бою съ нашими дредноутами, когда и такъ на ихъ лѣвомъ флангѣ они имѣли совершенно развязанными руки (до самаго Ревеля, по крайней мѣрѣ) и, кромѣ того, въ своемъ продвиженіи по всему фронту встрѣчали самое слабое сопротивленіе. Однако, въ цѣляхъ сохраненія хотя бы послѣднихъ остатковъ боевого духа, а съ нимъ и порядка, Развозовъ и его Штабъ рѣшили всячески муссировать предположеніе о возможномъ наступленіи нѣмцевъ въ Финскій заливъ. Ради этого всѣ

большіе корабли оставались на своихъ боевыхъ позиціяхъ въ полной боевой готовности, моему же крейсеру приказано было закончить исправленія въ кратчайшій срокъ, дабы снова войти въ боевую линію (по новой диспозиціи боя 1-ая Бригада Крейсеровъ должна была изображать развѣдочный авангардъ).

Изъ Гельсингфорса я съѣздилъ на одинъ день въ Петроградъ. Я не былъ въ Петроградѣ съ дореволюціоннаго времени, и царящая въ городѣ мерзость запустѣнія произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Настроеніе въ «сферахъ» было тревожное: никто никому и ничему не довѣрялъ, и всѣ жили настоящимъ днемъ. Въ нашемъ Министерствѣ и Генеральномъ Штабѣ началось уже комиссарское засилье, но еще большинство офицеровъ оставалось на мѣстахъ (въ ихъ числѣ — Вердеревскій, Дудоровъ, Кукель, Капнистъ, Беренсъ, Дунинъ-Барковскій, Романовъ). Внѣшне еще кое-какой порядокъ поддерживался, даже старые курьеры и сторожа были на мѣстахъ, хотя держали они себя далеко не по прежнему: каждымъ своимъ словомъ и жестомъ эти господа старались показать, что они, а не офицеры теперь здѣсь хозяева.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія въ Гельсингфорсъ прибылъ туда Начальникъ Бригады Крейсеровъ Пилкинъ, но тотчасъ же вынужденъ былъ съѣхать на берегъ по болѣзни: у него сильно обострились его старыя легочныя недомоганія, грозящія перейти въ скоротечную чахотку. Онъ сообщилъ мнѣ конфиденціально, что уже окончательно рѣшенъ вопросъ объ его отчисленіи отъ должности по болѣзни (доктора посылали его въ санаторію) и о назначеніи меня вмѣсто него. Дѣйствительно, около 15 октября я получилъ телеграмму отъ Вердеревскаго (Морского Министра), въ которой онъ поздравлялъ меня съ производствомъ въ контръ-адмиралы «за отличія въ дѣлахъ противъ непріятеля», и почти одновременно съ этимъ пришла телефонограмма отъ Развозова (Командующаго Флотомъ) съ предложеніемъ мнѣ немедленно вступить въ командованіе 1-ой Бригадой Крейсеровъ, согласно уже вышедшаго приказа о моемъ назначеніи (Развозовъ въ это время былъ, кажется, въ Ревелѣ).

Въ нормальное время подобное производство, не по протекціи, не по линіи, а «за боевыя отличія», по представле-

нію такого начальника, какъ Бахиревъ, равно какъ и назначеніе начальникомъ нашей лучшей боевой Бригады, должно бы было преисполнить меня чувствомъ естественной гордости и доставило бы полное удовлетвореніе моему служебному честолюбію (откровенно говоря, довольно слабо развитому во мнѣ). Но сейчасъ, наблюдая все прогрессирующій развалъ и не предвидя ему конца, а также сознавая, что моя власть, какъ начальника, съ каждымъ днемъ сходитъ на нѣтъ, производство, и въ особенности назначеніе, вызвало во мнѣ далеко нерадостныя чувства: въ сущности говоря, отвѣтственность моя увеличивалась, создавались новыя, болѣе сложныя отношенія съ «товарищами», преимуществъ же мое новое положеніе почти не давало никакихъ.

Сейчасъ же послѣ моего производства и назначенія, мнѣ пришлось пережить нѣсколько исключительно пріятныхъ, доставившихъ мнѣ полное моральное удовлетвореніе, моментовъ, особенно цѣнныхъ въ переживаемое время, когда уже почти ничего не осталось отъ стараго уваженія къ офицерамъ. На другой же день послѣ полученія извѣстій о моемъ производствѣ и назначеніи, я пріѣхалъ на корабль (съ момента моего прихода изъ Моонзунда я обычно ночевалъ на берегу), собралъ команду и, сообщивъ имъ содержаніе приказовъ, сказалъ нѣсколько словъ по поводу того, что настоящія награды, выпавшія на мою долю, я отношу не къ своимъ заслугамъ, а къ безукоризненному поведенію офицеровъ и команды крейсера, сумѣвшихъ въ такое тяжелое время сохранить и дисциплину, и прекрасный боевой духъ. Въ отвѣтъ на мою рѣчь, сказанную отъ волненія не весьма краснорѣчиво, хотя и отъ души, выступилъ выборный отъ команды (артиллерійскій унтеръ-офицеръ), который, съ моего разрѣшенія, сказалъ обстоятельно и очень складно цѣлый диффирамбъ моимъ «доблестямъ», въ которомъ особенно напиралъ на то, что я своими дѣйствіями «спасъ» отъ почти неминуемой гибели корабль, а съ нимъ и команду. Послѣ этой рѣчи команда, державшая себя вообще вполнѣ дисциплинированно и корректно (всѣ были одѣты по формѣ и однообразно, какъ при старомъ режимѣ), непремѣнно пожелала пожать мнѣ руку. По выполненіи этой довольно утомительной процедуры, наступилъ самый непріятный моментъ: команда выразила желаніе меня качать... Однако, и это окончилось вполнѣ благополучно: качали очень осторожно

и не причинили мнѣ никакого «членовредительства». Для финала появилось откуда-то кресло, въ которое меня посадили и затѣмъ, по традиціонному старо-режимному обычаю, съ криками «ура» обнесли по всему кораблю, не пропустивъ машиннаго отдѣленія и кочегарокъ. Затѣмъ, въ полдень, при обычной церемоніи, былъ поднятъ вновь присвоенный мнѣ адмиральскій флагъ.

Долженъ, однако, съ прискорбіемъ отмѣтить, что этотъ день, который можно бы было назвать днемъ полной побѣды стараго, здороваго боевого духа корабля надъ разлагающей заразой большевистской пропаганды, уже болѣе не повторялся; наоборотъ, тлетворное вліяніе гельсингфорской береговой атмосферы, насыщенной недовѣріемъ и ненавистью къ офицерамъ, стало сказываться чрезвычайно быстро. Не мало способствовало быстро прогрессирующему упадку дисциплины и сама обстановка законнаго, заслуженнаго отдыха, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ — полное отсутствіе какого бы то ни было дѣла и вѣчное пребываніе добрыхъ трехъ четвертей команды на берегу, гдѣ разные «углубители», конечно, не дремали. Затѣмъ, по указкѣ такихъ же «углубителей», сидящихъ въ Петроградѣ, была проведена мѣра, благодаря которой корабли лишились самой надежной и стойкой по своимъ убѣжденіямъ части команды: были уволены въ запасъ два старшихъ призывныхъ года, задержанныхъ на службѣ съ войной. Оставшаяся послѣ этого молодежь уже не рѣшалась открыто выступать противъ своихъ большевистски настроенныхъ руководителей и, въ лучшемъ случаѣ, стушевывалась. Сплошь и рядомъ мнѣ приходилось встрѣчаться на улицѣ со своими матросами, которыхъ я зналъ съ самой хорошей стороны; несмотря на мою недавнюю популярность, люди эти старались проскользнуть мимо меня незамѣченными: имъ, очевидно, совѣстно было пройти, не отдавъ мнѣ чести, (тѣмъ болѣе, что отданіе чести, какъ «свободное» привѣтствіе, а не обязательная мѣра, было сохранено и революціоннымъ кодексомъ), съ другой же стороны они боялись, что «сознательные товарищи» растолкуютъ подобный актъ, какъ контръ-революціонный. Часто, чтобы вывести этихъ людей изъ затрудненія, я первый привѣтствовалъ ихъ, называя по фамиліи, чѣмъ приводилъ ихъ въ большое смущеніе.

Къ моменту моего назначенія Начальникомъ Бригады,

въ Гельсингфорсѣ, кромѣ «Баяна», другихъ судовъ бригады не находилось: всѣ крейсера стояли въ Люмѣ или Лапвикѣ. Въ телефонограммѣ же Развозова мнѣ предлагалось поднять флагъ на «Баянѣ» и остаться въ Гельсингфорсѣ. Подобное, не совсѣмъ понятное, распоряженіе слѣдовало объяснить тѣмъ, что Развозовъ не былъ совершенно увѣренъ, что мое назначеніе, сдѣланное безъ вѣдома «товарищей», пройдетъ вполнѣ гладко и не вызоветъ протестовъ съ ихъ стороны; а хотя Развозовъ и не признавалъ «выборнаго начала», установившагося явочнымъ порядкомъ на нѣкоторыхъ корабляхъ и даже бригадахъ (2-я бригада крейсеровъ и линейные корабли), но все же и ему, въ интересахъ службы, при назначеніяхъ на высшія должности, приходилось считаться съ мнѣніемъ командъ, и, по возможности, предварительно зондировать почву въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, оставляя меня временно вдали отъ «ввѣренной» мнѣ Бригады, лишь съ крейсеромъ, команда котораго относилась ко мнѣ завѣдомо благопріятно, Развозовъ хотѣлъ дать время, чтобы на бригадѣ улеглось волненіе отъ моего неожиданнаго назначенія. Однако, дѣло обошлось глаже, чѣмъ можно бы было предполагать: приблизительно черезъ недѣлю послѣ моего назначенія я получилъ офиціальную бумагу отъ «Бригаднаго Комитета» (о существованіи котораго я впервые узналъ изъ этой бумаги), въ которой сообщалось, что въ результатѣ выборовъ, произведенныхъ всѣми командами бригады, на должность Начальника Бригады, оказался избраннымъ огромнымъ большинствомъ голосовъ на эту должность я; въ заключеніе въ этой курьезной бумагѣ было сказано: «увѣдомляя объ этомъ избраніи, Бригадный Комитетъ полагаетъ, что Вы, г. Адмиралъ, вполнѣ подходите къ занятію этой должности по своимъ стратегическимъ и политическимъ (sic!) качествамъ».

Такимъ образомъ, страхи Развозова разсѣялись и, такъ или иначе, мое назначеніе оказалось санкціонированнымъ и «товарищами». Когда же, черезъ нѣкоторое время, на Гельсингфорскомъ рейдѣ собралась вся моя бригада (кромѣ «Рюрика», отправившагося прямо въ Ревель), то я безъ всякихъ недоразумѣній вступилъ въ фактическое командованіе бригадой, объѣхавъ по положенію всѣ корабли. Не обошлось, однако, безъ «революціонныхъ курьезовъ»: при объѣздѣ кораблей, я собиралъ команду и говорилъ приличествующую случаю, заранѣе обдуманную, рѣчь. Она, очевидно, не каса-

лась совершенно политики, но обрисовывала существующее боевое положеніе (т. е. опасность вторженія германскаго флота въ Финскій заливъ) и выражала настоятельную необходимость поддерживать корабли въ порядкѣ и полной боевой готовности, «не отвлекаясь ничѣмъ постороннимъ». Въ общемъ, команды отнеслись къ этой рѣчи сочувственно, что и выражалось, отвѣчая мнѣ болѣе или менѣе нескладно: «постараемся, г. адмиралъ». На «Богатырѣ», гдѣ меня оставилъ завтракать въ каютъ - компаніи, командиръ (кап. 1 р. Политовскій) заявилъ мнѣ, что одинъ изъ матросовъ, убѣжденный большевикъ, непремѣнно желаетъ со мной поговорить. Я выразилъ согласіе, послѣ чего появился очень привѣтливаго вида матросъ, который, начавъ съ бодраго «здравія желаю, г. адмиралъ», немедленно отрекомендовался моимъ землякомъ — крестьяниномъ одной изъ деревень, весьма близко расположенной отъ моего имѣнія. Онъ заявилъ, что уже семь лѣтъ не былъ на родинѣ и совершенно отсталъ отъ тамошнихъ новостей; послѣ этого онъ задалъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ по поводу разныхъ помѣщиковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ намъ обоимъ. Удовлетворивъ по возможности его любопытство, я, заинтересовался доброжелательнымъ тономъ его разспросовъ, который такъ мало вязался съ принадлежностью его къ большевизму, задалъ ему вопросъ: «правда ли, что вы большевикъ»? Онъ отвѣтилъ утвердительно. Тогда я началъ разспрашивать его объ его имущественномъ положеніи, причемъ выяснилось, что онъ сравнительно крупный собственникъ — имѣетъ что-то около 50 десятинъ. Послѣ этого я сказалъ ему: «а что же, вамъ не жалко будетъ отдавать землю, такъ какъ по «справедливой» разверсткѣ вамъ достанется не болѣе нѣсколькихъ десятинъ»? Онъ сразу взволновался: «Отдавать? Это съ какой же стати? Нѣтъ-съ, этого быть не можетъ: отъ помѣщиковъ, отъ купцовъ землю будутъ отбирать и намъ отдавать, а отъ крестьянъ ничего не возьмутъ; да я и не отдамъ!» Никакіе резоны не помогли, такъ онъ и остался при своемъ мнѣніи. Полагаю, что девять десятыхъ, если не всѣ крестьяне-большевики, разсуждали, да и до сихъ поръ разсуждаютъ такимъ образомъ.

26-го октября въ Петроградѣ состоялся послѣдній большевистскій переворотъ, послѣ котораго власть окончательно перешла въ руки Ленина и Троцкаго: гнилая, мотающаяся во всѣ стороны, «Керенщина» почти безъ борьбы уступила свое

мѣсто царству наглыхъ и безжалостныхъ авантюристовъ, ради личныхъ, узкихъ цѣлей рѣшившихъ продѣлать свой чудовищный «экспериментъ» надъ живымъ организмомъ, обезсиленной войной и въ особенности революціей, Россіи. Въ полномъ соотвѣтствіи съ законами исторической послѣдовательности, наступилъ послѣдній, финальный актъ революціоннаго «углубленія», ввергнувшій Россію на самое «дно» и вычеркнувшій ее на много лѣтъ изъ числа культурныхъ странъ.

Большевистскіе «лозунги» кореннымъ образомъ противорѣчили всѣмъ разумнымъ, уже установившимся понятіямъ объ организаціи власти, вслѣдствіе чего въ составѣ высшаго управленія всѣхъ вѣдомствъ сразу автоматически произошли крупныя перемѣны: всѣ сидѣвшіе еще на мѣстахъ дѣловые и разумные элементы, не утратившіе окончательно понятія о личной чести и служебной порядочности, почувствовали, что при создавшихся невыносимыхъ условіяхъ дальнѣйшее пребываніе у власти есть преступленіе передъ Родиной и своей совѣстью. Изъ состава высшей административной власти Морского Вѣдомства такимъ образомъ ушли Вердеревскій (Министръ), который, сказавшись больнымъ, благополучно избѣгъ ареста; гр. Капнистъ (Начальникъ Морского Генеральнаго Штаба) и Кукель (Помощникъ Морского Министра), которые открыто заявили о своемъ нежеланіи подчиниться новой власти, за что и были арестованы. Дудоровъ, другой Помощникъ Министра, уже назначенный на должность Морского Агента въ Японіи, пробрался черезъ Сибирь къ мѣсту своего назначенія. Большинство лучшихъ офицеровъ Морского Генеральнаго Штаба и Главнаго Штаба также ушло, остались лишь люди 20-го числа, которымъ безразлично было служить при какомъ угодно режимѣ, хотя бы готтентотскомъ. Во главѣ Морского Вѣдомства фактически оказался бателерскій юнга съ одного изъ дредноутовъ, нѣкій Дыбенко, руководителемъ же «мозга флота» — Генеральнаго Штаба явился мичманъ Раскольниковъ, о которомъ я уже упоминалъ раньше. Оффиціально, во главѣ Генеральнаго Штаба остался прежній помощникъ Капниста, кап. 1 р. Евг. Анд. Беренсъ. Этотъ немолодой уже и очень дѣльный офицеръ (онъ передъ войной былъ Агентомъ въ Германіи, а съ 1915 по 1917 г. въ Римѣ), до большевиковъ ни у кого не возбуждавшій сомнѣній въ своей внутренней порядочности, своимъ добровольнымъ оставленіемъ на службѣ у большевиковъ задалъ намъ всѣмъ,

его былымъ товарищамъ и друзьямъ, крупную загадку. По совѣсти могу сказать, что изъ морскихъ офицеровъ высшаго ранга, вполнѣ безупречныхъ въ нравственномъ смыслѣ, онъ былъ единственнымъ, согласившимся вѣрой и правдой служить большевикамъ. Въ чемъ же дѣло? Впослѣдствіи, передъ моимъ отъѣздомъ на Дальній Востокъ (весной 18-го года), мнѣ удалось съ нимъ нѣсколько разъ потолковать по душѣ. Онъ заявилъ мнѣ, что остался на службѣ у большевиковъ, въ унизительной и трудной роли исполнителя нелѣпѣйшихъ велѣній главарей большевизма и кучки безграмотныхъ матросовъ, составившихъ «Верховную Морскую Коллегію», съ единственной цѣлью веденія тайной работы для поддержанія и возсозданія должнаго, не-большевистскаго, конечно, порядка. На мое возраженіе, что не беретъ ли онъ на себя непосильной, физически неосуществимой задачи, и не сведется ли его дѣятельность по-просту къ вящему укрѣпленію Совѣтской власти, онъ отвѣтилъ, что «теперь» онъ уже самъ начинаетъ убѣждаться, что при настоящихъ условіяхъ ежесекунднаго контроля надъ нимъ, работа дѣлается чрезвычайно трудной, почти невыполнимой; но что теперь уже поздно, все равно возврата для него нѣтъ, и онъ останется до конца «на своемъ посту». Я нисколько не сомнѣваюсь, что принятая имъ на себя «миссія», въ основѣ, можетъ быть, и благородная, свелась въ лучшемъ случаѣ къ оказанію нѣкоторой моральной поддержки той массѣ несчастныхъ рядовыхъ морскихъ офицеровъ, которыхъ голодъ и семейныя обстоятельства заставили работать съ большевиками; во всемъ же остальномъ, спасая свою собственную шкуру, онъ былъ вынужденъ плыть по теченію, т. е., иначе говоря, не Беренсъ, и ему подобные дѣлали эволюцію большевизма, а большевизмъ тащилъ ихъ за собой, извлекая изъ нихъ посильную пользу для себя. Насколько намъ извѣстно, всѣ мало-мальски честные и энергичные противники большевизма, пошедшіе на большевистскую службу ради тайной борьбы съ нимъ, уже давно разстрѣляны или бѣжали за-границу; тѣ же, которые, подобно Беренсу, остались и дожили до настоящаго момента, продолжая числиться у власти, должны были неизбѣжно поступиться своимъ красивымъ лозунгомъ и обратиться въ рядовыхъ работниковъ большевизма изъ подъ палки, или изъ-за куска насущнаго хлѣба. Для Беренса еще могло служить оправданіемъ то, что онъ, какъ убѣжденный германофилъ и поклонникъ германской культуры, надѣялся, что большевики, заключивъ миръ съ

нѣмцами, подпадутъ подъ ихъ «благотворное» вліяніе, чѣмъ въ высшей степени ускорятъ свою внутреннюю эволюцію и сойдутъ со сцены, не успѣвъ причинить особаго вреда странѣ. Убѣдившись же въ своей ошибкѣ, онъ, по всей вѣроятности, рѣшилъ держаться выжидательной политики, тѣмъ болѣе, что другого выхода у него и не было: въ то время, въ самомъ началѣ осуществленія коммунистическаго эксперимента, бѣжать заграницу ему, весьма приближенному къ Ленину и Троцкому лицу, было, очевидно, невозможно.

Можетъ быть я слишкомъ подробно останавливаюсь на личности Беренса и мотивахъ его рѣшенія — служить съ большевиками, но къ этому меня побудила, во-первыхъ, незаурядность его фигуры, а во вторыхъ, тотъ жгучій интересъ, который вызывалъ, и въ особенности вызываетъ теперь, среди мыслящаго честнаго офицерства, вопросъ о томъ, что было правильнѣе: остаться съ большевиками, пытаясь, подобно Беренсу, тайной работой подготовить путь для реакціонной эволюціи, или же, сознавши безплодность и даже вредъ подобной работы, бороться открыто съ большевиками, подобно Колчаку, Деникину и многимъ другимъ, ставя на карту свою жизнь и обрекая себя, въ случаѣ неудачи, на продолжительную эмигрантскую жизнь? Для меня лично вопросъ всегда былъ ясенъ, также, какъ и сейчасъ: никогда тайными, кривыми, іезуитскими путями нельзя добиться правды или вообще положительныхъ результатовъ ни въ какомъ дѣлѣ: построенное такимъ образомъ зданіе рано или поздно разрушится, какъ карточный домикъ. Если же прямой путь, честная борьба невозможны, то лучше остаться въ сторонѣ, обречь себя на изгнаніе, чѣмъ принимать **добровольное** участіе въ разрушеніи Родины, прикрываясь іезуитской логикой или софизмами.

Въ первый періодъ послѣ большевистскаго «воцаренія», среди людей, достойныхъ уваженія, не было разногласія при рѣшеніи этого вопроса: всѣ считали, что работать съ большевиками нельзя. Этому въ значительной степени способствовала сила непосредственныхъ впечатлѣній и личныя, очень острыя переживанія, связанныя съ осуществленіемъ на землѣ большевистскаго рая. Теперь же, когда острота ощущеній давнымъ давно прошла, слабыя, хотя и честныя «бѣженскія» сердца начинаютъ мучиться сомнѣніями: такъ ли они посту-

пили. А не лучше ли было остаться въ Совдепіи? Развитію подобныхъ мыслей, опредѣленно ведущихъ къ «смѣнѣ вѣхъ», въ высшей степени способствуютъ тяготы эмигрантской жизни, естественная тоска по Родинѣ и наглая и лживая, хотя подчасъ и сладко звучащая, большевистская пропаганда «совѣтскаго рая», ведомая ихъ агентами за границей. Къ сожалѣнію, всѣ склонные къ «соглашательству» забываютъ или не желаютъ осмыслить того, что всякій, вернувшійся сейчасъ на Родину идейный эмигрантъ, т. е. непримиримый противникъ большевизма, прежде всего столкнется съ необходимостью выбрать между тремя альтернативами: или, порвавъ все съ прошлымъ, «чистосердечно» покаяться передъ большевиками, вступивъ затѣмъ на путь дѣятельнаго сотрудничества съ ними во славу «интернаціонала», а не Родины, конечно; или же, убѣдившись съ первыхъ шаговъ въ невозможности подобнаго отступничества, предаться жалкому, унизительному прозябанію подъ пятой большевистскаго режима, подобно большинству оставшейся въ Россіи интеллигенціи, выполняющей безсмысленную, противную убѣжденіямъ работу изъ подъ палки, ради куска хлѣба. Есть еще третій путь — подпольная работа для сокрушенія совѣтскаго режима; но, по моему мнѣнію, при идеальной организцаіи жандармской слѣжки въ Совѣтской Россіи, подобная работа совершенно безплодна, да и, кромѣ того, она требуетъ спеціальныхъ способностей, которыми большинство нашей интеллигенціи не обладаетъ. Что же лучше при такихъ условіяхъ — ѣхать въ Совѣтскую Россію или прозябать заграницей, выжидая естественной смерти или сверженія Совѣтской власти? Мнѣ кажется, двухъ мнѣній быть не можетъ. Я считаю, что человѣку стойкихъ и честныхъ убѣжденій, ѣхать сейчасъ, пока еще существуетъ Совѣтская власть, въ Россію — это значитъ обречь себя на самоубійство, физическое или моральное, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

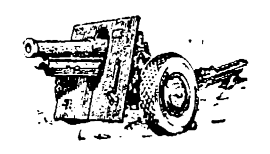
Однако, я сильно уклонился въ сторону отъ нити разсказа, увлекшись столь наболѣвшей для всѣхъ русскихъ эмигрантовъ темой. Мнѣ еще придется возвращаться къ этому вопросу, теперь же перейду къ дальнѣйшему описанію событій.

Въ первые дни большевистскій переворотъ не вызывалъ ни эксцессовъ, ни какихъ либо существенныхъ перемѣнъ въ

Балтійскомъ Флотѣ. Это можно было объяснить тѣмъ, что за послѣднее время боевыя событія значительно отвлекли Флотъ отъ участія во внутренней политикѣ, вслѣдствіе чего интересъ къ борьбѣ за власть у центра сильно упалъ; всѣ оперативныя распоряженія и указанія получались непосредственно отъ Главнокомандующаго Сѣвернымъ Фронтомъ (ген. Черемисова), которому нашъ флотъ былъ подчиненъ, съ Петроградомъ же связь была чисто формальная. Затѣмъ, большевики, оказавшіеся у власти, въ первые дни чувствовали себя еще очень непрочно и далеко не были увѣрены въ единодушномъ сочувствіи къ нимъ командъ Дѣйствующаго Флота, вслѣдствіе чего и не спѣшили съ осуществленіемъ своихъ новыхъ порядковъ на флотѣ. Возможно еще и то, что, убѣдившись на опытѣ, что интеллигенція съ ними идти не хочетъ, они побоялись излишней торопливостью распугать командный составъ флота, подобно тому какъ это произошло въ центральныхъ учрежденіяхъ Петрограда: флотъ потерялъ бы тогда послѣднюю тѣнь своей боеспособности, и нѣмцамъ уже ничто не препятствовало бы забрать Ревель и продвинуться къ Петрограду. Такъ или иначе, но мы были лишь «освѣдомлены» о событіяхъ, но никакихъ особыхъ распоряженій получено не было. На другой же день послѣ переворота, Развозовъ собралъ у себя наличныхъ адмираловъ и постарался разобраться въ создавшемся положеніи. Рѣшено было, не признавая офиціально большевистской власти, остаться пока всѣмъ на своихъ мѣстахъ и продолжать свою боевую работу, выжидая дальнѣйшихъ событій. Главнымъ мотивомъ къ оставленію команднаго и офицерскаго состава на своихъ мѣстахъ послужило то соображеніе, что война съ нѣмцами еще продолжалась и вполнѣ возможны были боевыя дѣйствія; а разъ отъ насъ, начальниковъ, не была отнята еще окончательно власть, и корабли еще не потеряли своей боеспособности, то мы и считали себя обязанными, оставаясь на нашихъ постахъ, продолжать свой боевой долгъ передъ Родиной до конца, по возможности игнорируя тѣхъ, кто узурпировалъ правительственную власть. Однако, политическія событія продолжали развертываться, и очень скоро, дней черезъ десять, уже стало ясно, что подобный порядокъ долго существовать не можетъ. Первымъ указаніемъ на это явилось распоряженіе, прошедшее не черезъ Командующаго Флотомъ и его Штаба, а непосредственно черезъ Комитеты, о немедленной высылкѣ со всѣхъ кораблей отъ 50 до 100 «охотниковъ»

на «внутренній фронтъ» около Петрограда, для защиты большевистской власти отъ якобы наступающихъ съ фронта войскъ. Команда, съ момента переворота пребывавшая въ нѣкоторомъ смятеніи (я считаю, что по крайней мѣрѣ три четверти общаго числа матросовъ не сочувствовали большевикамъ, но смертельно ихъ боялись), безпрекословно выполнила это распоряженіе, сообщивъ о немъ по начальству лишь post factum. Такъ, «охотники» эти еще съ вечера были отправлены по желѣзной дорогѣ, я же, Начальникъ Бригады, узналъ объ этомъ лишь утромъ, когда пріѣхалъ на корабль. Мало того: въ числѣ отправленныхъ матросовъ «Баяна» оказался мой вѣстовой, очень хорошій человѣкъ и, конечно, совсѣмъ не большевикъ. Мнѣ съ нѣкоторымъ конфузомъ было доложено, что на него «палъ жребій», охотниковъ же, кажется, вовсе не оказалось. Я помчался къ Развозову, но тотъ только разводилъ руками и говорилъ, что безсиленъ что-либо сдѣлать: всѣ распоряженія исходили помимо него, и лишь удалось заручиться увѣреніемъ, что всѣ эти люди, по минованіи надобности, немедленно будутъ возвращены на корабли. Развозовъ, однако, послалъ телеграфный протестъ въ Петроградъ, но получилъ отвѣтъ (кажется, за подписью Дыбенко), что это распоряженіе не оперативное, а по части «внутренней политики», поэтому адмираловъ и вообще начальниковъ не касается. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ «грянулъ» уже настоящій «громъ». Былъ полученъ «декретъ» Народныхъ Комиссаровъ о полной реорганизаціи высшаго управленія флотомъ: во главѣ этого управленія было поставлено коллегіальное учрежденіе, которое избиралось на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Комитеты, т. е. не имѣло въ своемъ составѣ ни одного офицера; этому учрежденію, которое называлось по-прежнему «Центральнымъ Комитетомъ» (въ Балтійскомъ Флотѣ — «Центробалтомъ»), предоставлялась вся полнота власти, раньше принадлежавшая Командующему Флотомъ. Въ составѣ этого Комитета создавался особый подчиненный органъ — «Военный Отдѣлъ», во главѣ котораго находился одинъ изъ Членовъ Комитета, тоже матросъ, именовавшійся «Предсѣдатель Отдѣла». Въ помощь Предсѣдателю Отдѣла назначался по выбору Центробалта одинъ изъ старшихъ офицеровъ флота, который назывался «Завѣдывающимъ Отдѣломъ» и, въ сущности, продолжалъ выполнять всѣ прежнія функціи Командующаго Флотомъ, но подъ непосредственнымъ контролемъ и по указкѣ матроса — Предсѣдателя,

а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ — и Центробалта. Прежній Штабъ Командующаго Флотомъ цѣликомъ вошелъ, со всѣми своими отдѣлами и ихъ начальниками, въ составъ Военнаго Отдѣла, но съ той только разницей, что во главѣ каждой отдѣльной части Штаба былъ поставленъ Членъ Центробалта — матросъ. Декретъ касался реорганизаціи лишь высшаго управленія Флотомъ, т. е. должности Командующаго Флотомъ и его Штаба; по проведеніи его въ жизнь предполагалось приступить къ перестройкѣ по тому же шаблону и всѣхъ прочихъ подчиненныхъ частей флота т. е., отдѣльныхъ бригадъ, отрядовъ, дивизій и береговыхъ управленій. Однако, съ осуществленіемъ этой мѣры большевики не торопились, такъ что, до самаго моего отъѣзда изъ Гельсингфорса (въ началѣ января 1918 г.), моя бригада еще продолжала существовать на старыхъ основаніяхъ. Ясно, что съ введеніемъ въ жизнь новаго «положенія», роль офицеровъ-начальниковъ сводилась бы къ безпрекословному выполненію приказаній и распоряженій матросовъ, поставленныхъ во главѣ различныхъ учрежденій; протестовать или спорить съ этими послѣдними было бы немыслимо, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, сейчасъ же явилось бы на сцѣну обвиненіе въ контръ-революціонности, и вольнодумцы офицеры въ лучшемъ случаѣ арестовывались бы. Продолженіе какой бы то ни было боевой работы дѣлалось бы немыслимымъ, такъ какъ она прежде всего требовала единоличнаго командованія, каковое настоящимъ декретомъ сводилось на нѣтъ.

ГЛАВА VI.

АГОНІЯ ФЛОТА

Борьба Развозова съ Центробалтомъ и Морской Коллегіей. Пріѣздъ Модеста Иванова. Арестъ Развозова. Уходъ его съ должности Командующаго Флотомъ. Собраніе адмираловъ у Бахирева. Расколъ среди нихъ. Офицерскій митингъ въ Морскомъ Собраніи. Руженъ на службѣ у большевиковъ. Подача рапортовъ объ отчисленіи отъ должностей. Переходъ съ Бригадой въ Ревель. Положеніе въ Ревелѣ. Оставленіе Бригады и переѣздъ въ Гельсингфорсъ. Отъѣздъ въ Петроградъ и увольненіе въ отставку.

Немедленно по полученіи декрета (около 15 ноября), Развозовъ собралъ Начальниковъ частей для обсужденія создавшагося положенія. Кажется, это было послѣднее засѣданіе, на которомъ не присутствовали матросы, члены Центробалта. Всѣ участники этого собранія единогласно постановили, что проведеніе въ жизнь подобнаго декрета гибельно для флота, лишая его возможности не только продолжать боевую работу, но и поддерживать какой бы то ни было дальнѣйшій порядокъ. Затѣмъ было рѣшено уполномочить Развозова всѣми возможными способами бороться съ осуществленіемъ декрета и настаивать на сохраненіи стараго порядка; пока же, впредь до фактическаго введенія новаго положенія, всѣмъ, вмѣстѣ съ Развозовымъ, оставаться на своихъ мѣстахъ. На этомъ собраніи не присутствовалъ Бахиревъ, который еще раньше, какъ только стало извѣстно о декретѣ, заявилъ, что онъ уходитъ. Узнавъ же о рѣшеніи собранія, онъ согласился не покидать должности, пока будетъ оставаться у власти Развозовъ.

На послѣдовавшее затѣмъ требованіе Центробалта о немедленномъ введеніи новаго «Положенія», Развозовъ отвѣ-

тилъ, что онъ не можетъ согласиться на введеніе его впредь до пересмотра его въ особой комиссіи съ участіемъ представителей Штаба — офицеровъ, о чемъ онъ телеграфируетъ въ Петроградъ; въ случаѣ же, если Центробалтъ будетъ настаивать, то онъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ адмиралы и начальники, вынуждены будутъ покинуть свои должности. Центробалтъ обвинилъ Развозова въ призывѣ къ «саботажу», но не рѣшился, однако, настаивать на немедленномъ осуществленіи своего требованія, боясь остаться безъ опытныхъ «спецовъ». Петроградская «Морская Коллегія», однако, не согласилась съ Развозовымъ, разъяснивъ, что въ составленіи декрета принималъ участіе «опытный офицеръ», а именно кап. 1 р. Модестъ Ивановъ. Этотъ безпринципный, до крайности честолюбивый и завистливый офицеръ, до сего времени пребывавшій въ должности Начальника 2-й Бригады Крейсеровъ (по выбору команды еще во времена Максимова), своей безудержной и наглой демагогіей довелъ свою бригаду до полнаго разложенія еще задолго до большевиковъ; онъ считался на самомъ плохомъ счету у всѣхъ командующихъ флотомъ, не исключая даже и Максимова. Незадолго передъ тѣмъ онъ «потребовалъ» отъ Развозова производства въ адмиралы, въ чемъ ему было отказано въ довольно рѣзкой формѣ. Тотчасъ же послѣ большевистскаго переворота, онъ, учтя моментъ, помчался (безъ разрѣшенія Развозова) въ Петроградъ и предложилъ свои услуги «новой власти», отрекомендовавшись «убѣжденнымъ большевикомъ». Какъ выяснилось впослѣдствіи, имъ руководили въ данномъ случаѣ два главныхъ побужденія: добиться адмиральства и «насолить» Развозову. Большевики уже поняли въ это время, что имъ безъ старыхъ кадровыхъ офицеровъ не обойтись, а потому очень обрадовались его появленію; а такъ какъ онъ былъ не только кадровый офицеръ, но и Начальникъ Бригады, почти адмиралъ, да еще пострадавшій отъ «начальства» большевикъ, то и дали ему самое высокое назначеніе, какое могли придумать: они сдѣлали его Членомъ Морской Коллегіи «на правахъ Морского Министра», т. е. «спецомъ» при Коллегіи, состоявшей изъ матросовъ. Затѣмъ — первая его мечта исполнилась: онъ былъ произведенъ въ адмиралы. Какъ только появились первые протесты Развозова противъ введенія новаго «положенія» и жалобы на него со стороны Центробалта, онъ началъ осуществлять и вторую мечту, т. е. приводить въ

исполненіе свое «мщеніе» Развозову. Развозовъ къ этому времени почувствовалъ нѣкоторую почву подъ ногами, такъ какъ, во первыхъ, всѣ подчиненные ему начальники были съ нимъ солидарны (по крайнѣй мѣрѣ на словахъ), а затѣмъ выяснилась его большая популярность среди судовыхъ командъ, въ особенности на Минной Дивизіи и 1-й Бригадѣ Крейсеровъ: большевики съ этимъ не могли не считаться. Все это дало возможность Развозову разговаривать съ Центробалтомъ болѣе увѣреннымъ языкомъ, продолжая настаивать на невозможности исполнить ихъ требованіе — привести въ исполненіе декретъ. Наконецъ, Морская Коллегія рѣшила, повидимому, что упорство Развозова подрываетъ «престижъ власти» и командировала въ Гельсингфорсъ для улаженія конфликта, т. е. приведенія въ дѣйствіе декрета, «самого Министра», т. е. Модеста Иванова. Прибывъ въ Гельсингфорсъ безъ всякаго предупрежденія, онъ началъ съ того, что проѣхалъ прямо на корабль, гдѣ командиромъ былъ его бывшій подчиненный, и приказалъ поднять брейдъ-вымпелъ Морского Министра. Когда Развозову доложили объ этомъ «казусѣ», то онъ заявилъ, что никакого «Морского Министра» не признаетъ и считаетъ поднятіе безъ его вѣдома брейдъ-вымпела на кораблѣ ему подчиненномъ, на рейдѣ, гдѣ старшимъ является его, Командующаго Флотомъ, флагъ — нарушеніемъ всѣхъ существующихъ правилъ и личнымъ ему, Развозову, оскорбленіемъ. Это, конечно, было передано Модесту Иванову. Я не знаю, что онъ собирался предпринимать раньше, но послѣ этого онъ поѣхалъ въ Центробалтъ (на бывшую яхту «Штандартъ») и потребовалъ экстреннаго созыва собранія съ вызовомъ Развозова для дачи показаній по поводу цѣлаго ряда тяготѣющихъ на немъ обвиненій. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до офицерства, то группа командировъ изъ числа близкихъ друзей Развозова по Минной Дивизіи (суда которой стояли около «Кречета», гдѣ жилъ Развозовъ), рѣшили сдѣлать попытку какъ нибудь уладить конфликтъ: не трудно было предвидѣть, что создавшееся положеніе, при озлобленности и абсолютной непорядочности Модеста Иванова, грозило Развозову, по меньшей мѣрѣ, тюрьмой. Одинъ изъ состава этой группы, кап. 1 р. Вилькенъ, взялъ на себя неблагодарную задачу вести переговоры съ Ивановымъ. Этотъ послѣдній, какъ трусъ, уже началъ побаиваться, какъ бы ему не «провалиться» вмѣстѣ съ Разво-

зовымъ, а потому очень охотно пошелъ навстрѣчу и заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы поѣхать къ Развозову «для предварительныхъ переговоровъ», но что онъ не увѣренъ, что тотъ его приметъ и «подастъ ему руку». Послѣ этого уговорили Развозова, и было рѣшено сдѣлать такъ: сигналомъ собрать на «Кречетѣ» всѣхъ флагмановъ, послѣ чего, черезъ полчаса, туда прiѣдетъ Модестъ Ивановъ. Флагмана должны были оказать поддержку Развозову. Такъ и сдѣлали. За полчаса нашего пребыванiя на «Кречетѣ», до прiѣзда Иванова, выработанъ былъ планъ дѣйствiй, а именно: по возможности не оскорбляя Иванова, постараться доказать ему всю непорядочность его поведенiя, заставить его извиниться передъ Развозовымъ за некорректность дѣйствiй и уговорить его не выступать въ Центробалтѣ противъ Развозова. Очутившись въ обществѣ своихъ бывшихъ товарищей и сослуживцевъ («товарищей» въ ковычкахъ на засѣданiи не было ни одного), настроенныхъ къ нему чрезвычайно враждебно, Ивановъ сразу сдалъ и перешелъ на тонъ «обиженнаго ребенка». На словахъ онъ безъ труда согласился на всѣ пункты нашихъ требованiй, но подъ однимъ условiемъ: чтобы Развозовъ и всѣ мы, собравшiеся на «Кречетѣ», признали его, какъ Морского Министра. Не видя выхода, мы согласились, но въ свою очередь потребовали отъ него письменнаго заявленiя въ томъ, что онъ считаетъ личные счеты свои съ Развозовымъ поконченными и не будетъ ничего предпринимать во вредъ ему. Послѣ долгихъ препирательствъ въ самыхъ недостойныхъ тонахъ, онъ, наконецъ, согласился и подписалъ бумагу, нами заранѣе составленную. Но — увы, мы упустили изъ вида, что подобная бумага для мерзавца ничего не значитъ . . .

Въ три часа того же дня состоялось засѣданiе Центробалта въ бывшей Царской столовой яхты «Штандартъ»; на это засѣданiе были приглашены и мы, адмиралы; ради Развозова мы рѣшили придти. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и горькимъ чувствомъ вступилъ я въ первый и послѣднiй разъ послѣ революцiи на палубу яхты, гдѣ въ свое время проплавалъ болѣе трехъ лѣтъ въ должности старшаго офицера, и съ которой у меня было соединено столько свѣтлыхъ воспоминанiй съ заточенной въ далекой Сибири Царской Семьей... Времена перемѣнились: Императорская яхта, въ свое время любимое жилище Царской Семьи, единственное, кажется,

мѣсто, гдѣ Государь находилъ полный отдыхъ отъ своихъ непосильныхъ трудовъ, обратилась въ притонъ убійцъ и разбойниковъ, разрушающихъ и уничтожающихъ все, что имѣло хоть какое-либо отношеніе къ монархическому началу... Какая злая иронія судьбы...

За длиннымъ столомъ Царской столовой размѣстилось около 40 членовъ Центробалта — исключительно матросовъ; одѣты они были во что угодно, но только не въ форму, и имѣли распущенный, невоенный видъ. По бокамъ, вдоль оконъ, было поставлено нѣсколько стульевъ для адмираловъ. Въ кормовой части столовой, тамъ, гдѣ прежде былъ закусочный столъ, было сооружено нѣчто вродѣ кафедры для ораторовъ.

Послѣ открытія засѣданія, первое слово было предоставлено «товарищу» Модесту Иванову. Этотъ послѣдній, забывъ всѣ свои обѣщанія, въ длинной и горячей, хотя и нескладной рѣчи, прочелъ Развозову полный обвинительный актъ. По счастію для Развозова, въ этой рѣчи было столько личнаго, столько злобнаго, обнаруживающаго всю низость мелкой и подлой душонки Иванова, что она произвела даже на «сѣрую» аудиторію невыгодное впечатлѣніе. Послѣ Иванова слово было предоставлено Развозову, который, въ строго обдуманной, сдержанной, лишенной какихъ бы то ни было личныхъ выпадовъ, рѣчи, возражалъ по пунктамъ на обвиненія Иванова. Затѣмъ начались довольно нелѣпые, безсистемные дебаты и разговоры, въ результатѣ коихъ выяснилось съ достаточной очевидностью, что большинство имѣетъ противъ назначенія Комиссіи для пересмотра декрета объ организаціи власти. Затронутый Ивановымъ самый острый вопросъ, о непризнаніи Развозовымъ существующей большевистской власти, прошелъ, какъ это ни странно, также вполнѣ благополучно, благодаря курьезному заявленію одного изъ вліятельныхъ членовъ Центробалта, который объявилъ, что это «дѣло личной совѣсти, а вторгаться въ эту область мы не можемъ, такъ какъ сейчасъ свобода совѣсти».

Почувствовавъ, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, Ивановъ сразу перемѣнилъ тонъ и, желая подладиться подъ общее настроеніе, началъ восхвалять Развозова, что было уже совершенно противно слушать. Такъ какъ Разво-

зовъ въ своей «оправдательной» рѣчи ссылался и на насъ, адмираловъ, то и мы оказались втянутыми въ общіе разговоры. Я не помню точной формулировки вопросовъ, которые намъ задавались, но помню только свой отвѣтъ; я заявилъ, что во всемъ солидаренъ съ Развозовымъ и, въ случаѣ введенія новаго положенія и ухода съ поста Командующаго Флотомъ Развозова, я тоже вынужденъ буду уйти. Нѣчто подобное заявили и другіе адмиралы. Въ результатѣ этого довольно бурнаго «засѣданія» было вынесено постановленіе о желательности оставленія въ должности Развозова впредь до окончательнаго введенія въ дѣйствіе новаго положенія; оправданія Развозова были признаны удовлетворительными. Почувствовавъ полный провалъ своей «игры», Ивановъ, чтобы сколько-нибудь исправить впечатлѣніе, рѣшилъ сдѣлать послѣдній «красивый жестъ»: въ своей заключительной рѣчи онъ поздравилъ Развозова съ подобнымъ довѣріемъ къ нему со стороны «товарищей» и затѣмъ, совершенно неожиданно, объявилъ ему о производствѣ въ вице-адмиралы, согласно состоявшагося уже якобы постановленія Верховной Морской Коллегіи. Однако, въ этомъ пунктѣ, очевидно, Ивановъ превысилъ свои полномочія: фактъ производства не только не подтвердился, но, наоборотъ, черезъ нѣсколько дней вышелъ декретъ объ упраздненіи всѣхъ чиновъ, а въ томъ числѣ, конечно, и адмиральскихъ.

На этотъ разъ побѣда надъ Ивановымъ была полная, но она дала мало утѣшенія Развозову и всѣмъ намъ: чувствовалось, что онъ уѣхалъ отъ насъ непримиримымъ врагомъ и слѣдуетъ ожидать дальнѣйшей травли съ его стороны. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, дѣйствительно, произошло событіе, которое нарушило наше «неустойчивое равновѣсіе» и привело флотъ въ состояніе окончательнаго хаоса. Это событіе почти совпало съ декретомъ объ упраздненіи чиновъ и произошло, если не ошибаюсь, около 10 декабря. Въ Гельсингфорсъ прибылъ вѣрный слуга Ленина и Троцкаго, Раскольниковъ, и довершилъ то, что не сумѣлъ сдѣлать Ивановъ. Онъ прибылъ также безъ предупрежденія, собралъ на «Штандартѣ» часть Центробалта, настроенную противъ Развозова, (кажется около 15 человѣкъ) и безъ труда заставилъ ихъ вынести постановленіе о немедленномъ арестѣ Развозова, ввиду его «явно контръ-революціонныхъ» дѣйствій; инкри-

минировано ему было, главнымъ образомъ, противодѣйствіе къ введенію новаго положенія. Немедленно послѣ этого засѣданія нѣсколько человѣкъ изъ числа присутствовавшихъ матросовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, на автомобилѣ были командированы на квартиру Развозова, гдѣ объявили ему объ арестѣ и отвезли его на томъ же автомобилѣ въ городскую тюрьму. Раскольниковъ, тотчасъ же послѣ этого, въ тотъ же вечеръ, уѣхалъ обратно въ Петроградъ. Еще ночью вѣсть объ арестѣ Развозова распространилась по судамъ и дошла до прочихъ, непричастныхъ къ аресту, Членовъ Центробала. По иниціативѣ нѣсколькихъ ярыхъ защитниковъ Развозова было экстренно собрано пленарное засѣданіе Центробалта, на которомъ было вынесено постановленіе о полной незаконности дѣйствій «меньшинства», арестовавшаго Развозова, о немедленномъ его освобожденіи и объ арестѣ «за самоуправныя дѣйствія» главнаго виновника всего происшедшаго — Раскольникова. Это послѣднее не могло быть, однако, выполнено, такъ какъ Раскольниковъ уже уѣхалъ въ это время изъ Гельсингфорса. На утро слѣдующее послѣ ареста, Развозовъ былъ освобожденъ и торжественно привезенъ на «Кречетъ», гдѣ флагъ его, между прочимъ, такъ и не спускался. Однако, это событіе, доказавшее полную шаткость положенія даже такого популярнаго человѣка, какъ Развозовъ, переполнило чашу его терпѣнія: онъ заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ больше оставаться въ должности. Никакіе уговоры не подѣйствовали, и онъ въ тотъ же день съѣхалъ на берегъ, временно сдавъ командованіе Начальнику Штаба кн. Черкасскому.

Въ то же утро у старшаго наличнаго адмирала, Бахирева (державшаго свой флагъ на «Чайкѣ), состоялось собраніе всѣхъ флагмановъ. Присутствовали : Вейсъ (Сторожевая Бригада), Паттонъ (2-я Бригада Линейныхъ Кораблей), Зарубаевъ (1-я Бригада Линейныхъ Кораблей), Дмитріевъ (2-я Бригада Крейсеровъ), Мих. Андр. Беренсъ (Начальникъ Штаба Бахирева) и я. Бахиревъ напомнилъ объ общемъ рѣшеніи, состоявшемся еще мѣсяцъ назадъ, оставить службу въ случаѣ ухода Развозова и введенія большевистскаго «положенія». По его мнѣнію, этотъ моментъ наступилъ, такъ какъ Развозовъ уже ушелъ, а съ его уходомъ, очевидно, нѣтъ уже больше помѣхъ для введенія новыхъ порядковъ: большевики, нѣтъ сомнѣнія, безъ труда найдутъ офицера, который замѣнитъ

Развозова, согласившись на всѣ условія. Бахиревъ предлагалъ составить мотивированный протестъ, связавъ его съ заявленіемъ о сложеніи съ себя должностей. Однако, проектъ его встрѣтилъ неожиданные протесты. Зарубаевъ, до сего имѣвшій репутацію вполнѣ порядочнаго человѣка, всѣхъ насъ поразилъ неожиданнымъ заявленіемъ, что «большевики фактически взяли власть въ свои руки, и наше дѣло имъ подчиниться, а не разсуждать». Я, можетъ быть, не совсѣмъ точно передаю его слова, но смыслъ былъ такой. Остальные адмиралы, не выказывая сочувствія заявленію Зарубаева, протестовали, однако, противъ немедленнаго ухода со службы, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «еще неизвѣстно, какъ повернется дѣло».

Видя подобное «шатаніе» во мнѣніяхъ, основанное, несомнѣнно, на избыткѣ «благоразумія» ради шкурныхъ интересовъ, но въ ущербъ, очевидно, личной порядочности и стойкости въ убѣжденіяхъ — Бахиревъ заявилъ, что онъ остается при своемъ прежнемъ взглядѣ, и ни въ коемъ случаѣ, не останется служить у большевиковъ, помогая имъ разрушать Родину и флотъ. Мнѣніе Бахирева раздѣлили Беренсъ и я, а черезъ нѣкоторое время къ намъ примкнулъ еще Паттонъ; остальные промолчали и удалились. Съ этого момента среди адмираловъ произошелъ рѣзкій расколъ, который раздѣлилъ ихъ на два совершенно непримиримыхъ лагеря. Къ первому лагерю — убѣжденныхъ и твердыхъ противниковъ большевизма, не идущихъ ни на какіе компромиссы и считающихъ несовмѣстимымъ со своей совѣстью, честью, понятіемъ о служебномъ долгѣ и пользой Родины оставаться **добровольно** на службѣ у большевиковъ, принадлежали: Развозовъ, Бахиревъ, кн. Черкасскій, Паттонъ, Старкъ, Мих. Беренсъ и я; ко второму — работавшихъ съ большевиками не за страхъ, а за совѣсть — Зарубаевъ, Ружекъ, Зеленой; наконецъ, примкнули къ этому лагерю по слабости, боясь за свою шкуру — Ст. Дмитріевъ, Вейсъ, Киткинъ.

Расколъ во мнѣніяхъ среди адмираловъ сыгралъ огромную роль въ борьбѣ съ проведеніемъ большевистскихъ порядковъ: онъ лишилъ офицерство его главнаго оружія — сплоченности и единодушія. Большевики понимали, что безъ опытныхъ и образованныхъ спеціалистовъ имъ не обойтись, и очень боялись, что вся масса офицерства уйдетъ, оставивъ ихъ у «разбитаго корыта»; этимъ слѣдуетъ объяснить ихъ

осторожность по отношенію введенія новаго «положенія» и деликатничаніе съ Развозовымъ, популярности котораго они боялись. По уходѣ же Развозова и по выясненіи факта расхожденія во мнѣніяхъ адмираловъ (которыхъ до сего спаивалъ авторитетъ Развозова), большевики почувствовали свои руки развязанными и со спокойнымъ сердцемъ приступили къ проведенію «реформъ». Рядовое же офицерство, готовое до того идти за своими адмиралами, узнавъ о фактѣ раскола, потеряли къ нимъ довѣріе, и рѣшило идти своей дорогой. По инціативѣ нѣсколькихъ энергичныхъ молодыхъ офицеровъ, въ Морскомъ Собраніи было организовано общее собраніе всѣхъ морскихъ офицеровъ, находившихся въ Гельсингфорсѣ. На этомъ собраніи присутствовало около 200 офицеровъ; обсуждался приблизительно тотъ же вопросъ, который былъ поднятъ на засѣданіи у Бахирева. Нѣсколько горячихъ, искреннихъ рѣчей, сказанныхъ безъ цензуры, наэлектризовали аудиторію, и на словахъ была вынесена единогласная резолюція — всѣмъ присутствующимъ отказаться отъ службы съ большевиками. Къ сожалѣнію, резолюція эта не была **немедленно** зафиксирована подписями. Однако, несмотря на внѣшнее единодушіе, чувствовалось, что далеко не всѣ сочувствуютъ резолюціи, подчиняются же ей лишь изъ страха прослыть ренегатомъ. Нѣсколько же ораторовъ (положимъ освистанныхъ) даже выступили съ рѣчами, совершенно подобными заявленію Зарубаева (кап. 1 р. Дудкинъ). Черезъ нѣсколько дней, когда стали собирать подписи, уже очень многіе отказывались отъ резолюціи, ссылаясь на отсутствіе единодушія даже у адмираловъ. Такимъ образомъ дѣло было окончательно проиграно.

Какъ упоминалось уже выше, я лично рѣшилъ во всякомъ случаѣ уйти со службы. Уходъ Развозова послужилъ толчкомъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ декабря уже стала совершенно очевидной, по состоянію нашихъ судовъ, невозможность какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ боевыхъ дѣйствій. Кромѣ того, большевики въ это время уже начали вопить о «мирѣ безъ аннексій и контрибуцій» и, не сегодня-завтра, слѣдовало ожидать позорнаго заключенія сепаратнаго перемирія съ Германіей. Поэтому мною былъ поданъ Командующему Флотомъ (хотя его уже и не существовало) рапортъ такого содержанія: «Проводимая въ настоящее время во флотѣ ре-

форма, по моему мнѣнію, ведетъ его къ окончательной гибели, почему, не имѣя возможности воспрепятствать этому, и не считая себя вправѣ принимать участіе въ работѣ, идущей во вредъ флоту, я прошу ходатайства объ отчисленіи меня отъ должности». Подобные же рапорты были поданы одновременно Бахиревымъ, Беренсомъ, Шевелевымъ и нѣкоторыми другими. Рапортъ Шевелева былъ написанъ нѣсколько болѣе рѣзко, вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ по обивненію въ оскорбленіи «существующей власти»; черезъ нѣкоторое время его, однако, выпустили, въ чемъ ему очень помогли матросы подчиненнаго ему дивизіона миноносцевъ. Наши рапорты также вызвали сначала сильное возмущеніе въ Центробалтѣ, гдѣ они обсуждались; насъ обвиняли въ «саботажѣ» и угрожали посадить въ «угольную яму», но затѣмъ, узнавъ, что команды подчиненныхъ намъ частей къ намъ благоволятъ, рѣшили оставить насъ въ покоѣ, препроводивъ наши рапорты въ Петроградъ на усмотрѣніе Верховной Морской Коллегіи. Въ это время мѣсто «Завѣдывающаго Военнымъ Отдѣломъ Центробалта» уже было замѣщено Ружекомъ, который, кажется, самъ себя предложилъ. Ружекъ до этого исполнялъ обязанности Начальника Бригады Заградителей и также считался въ числѣ «обиженныхъ начальствомъ»; съ начала революціи онъ все время подыгрывалъ къ «товарищамъ», которые и выбрали его на должность. Онъ никогда ничѣмъ не выдѣлялся, кромѣ чрезмѣрной склонности къ алкоголю.

Подавъ рапорты объ увольненіи, мы всѣ продолжали числиться на своихъ должностяхъ, дабы самовольнымъ оставленіемъ службы не подать повода къ эксцессамъ, могущимъ повредить другимъ офицерамъ. Я же, кромѣ того, былъ связанъ обѣщаніемъ, даннымъ Развозову: передъ самымъ своимъ уходомъ онъ взялъ съ меня слово, что я не брошу Бригады, пока не доведу ее въ Ревель и не поставлю на зимнюю стоянку.

Оставаясь на своихъ мѣстахъ, мы, однако, не имѣли никакихъ сношеній съ Ружекомъ, совершенно игнорируя его назначеніе. Отъ него тоже никакихъ распоряженій первыя недѣли не исходило, равно какъ и отъ Центробалта.

Между 15 и 20 декабря я перешелъ съ Бригадой въ Ревель; при этомъ я дѣйствовалъ не по приказанію Ружека, а на осно-

ваніи распоряженія, сдѣланнаго еще Развозовымъ. Развалъ сразу сказался: корабли не держали строя, растянулись на нѣсколько миль; «Олегъ» при выходѣ коснулся мели. Боны своевременно не были разведены. Въ Ревелѣ порядка было какъ будто больше, и черезъ нѣсколько часовъ всѣ корабли были установлены въ гавани у стѣнки. Въ тотъ же день я постарался повидаться на берегу со всѣми начальствующими лицами, дабы выяснить степень порядка въ крѣпостномъ районѣ и возможности обороны въ случаѣ наступленія нѣмцевъ. Оказалось, что старшій начальникъ (которому, однако, флотъ не былъ подчиненъ) — Комендантъ Крѣпости, былъ боленъ и никого не принималъ. Комендантомъ въ то время состоялъ сухопутный генералъ Изместьевъ, который всячески старался ладить и съ большевиками, и съ мѣстными эстами, уже начавшими играть въ «самостійность». Начальникомъ Штаба былъ молодой полковникъ генеральнаго штаба Костанди, сидѣвшій въ то время на гауптвахтѣ по какому то доносу; арестованъ онъ былъ, конечно, не властями, а «комитетчиками» изъ солдатъ. Среди морскихъ начальниковъ я оказался старшимъ; для обсужденія положенія я, на слѣдующій же день, собралъ въ помѣщеніи Службы Связи всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Собрались: Командиръ Порта полковникъ Яронъ, Начальникъ Службы Связи кап. 1 р. Новопашенный, Начальникъ Морского Фронта Крѣпости кап. 1 р. Жерве и за Начальника Дивизіи Подводнаго Плаванія — старшій изъ Начальниковъ дивизіоновъ.

Выяснилась вполнѣ безотрадная картина: сухопутныя войска и крѣпостныя части находились въ состояніи полной деморализаціи; морскія батареи, по словамъ Жерве, были въ лучшемъ положеніи, но на фонѣ картины общаго развала это большого значенія не имѣло. Въ связи съ возможнымъ наступленіемъ нѣмцевъ, общее настроеніе среди войскъ и жителей не-нѣмецкаго происхожденія было паническое, что, однако, способствовало поддержанію внѣшняго порядка въ городѣ. Разрабатывался планъ эвакуаціи. По мнѣнію наиболѣе пессимистически настроеннаго и, пожалуй, наиболѣе разумнаго начальника, Ярона, нѣмцевъ можно было ожидать недѣли черезъ три, много черезъ мѣсяцъ, причемъ никакого сопротивленія имъ, конечно, оказано быть не можетъ. По словамъ Начальника Службы Связи, всѣ вышеизложенные

факты были извѣстны въ Штабѣ Флота. Мнѣ оставалось только пожалѣть, что я привелъ Бригаду въ Ревель, такъ какъ было очевидно, что черезъ нѣсколько недѣль придется начать эвакуацію крѣпостного района; помочь же оборонѣ крѣпости, осаждаемой съ сухопутья (заливъ уже началъ замерзать и морскія операціи были невозможны), Бригада не могла и въ нормальныя времена. Вслѣдъ затѣмъ я устроилъ на «Рюрикѣ», куда я перенесъ свой флагъ въ первый же день по приходѣ, совѣщаніе изъ всѣхъ моихъ командировъ и представителей (по одному) судовыхъ Комитетовъ; обрисовавъ военное положеніе, я обратился къ «комитетчикамъ» и просилъ ихъ всячески повліять на команды, чтобы они «не разбѣгались» и сохраняли корабли въ готовности къ выходу въ море, что потребуется въ случаѣ приближенія нѣмцевъ къ Ревелю. Какъ это ни странно, «просьба» моя въ точности была исполнена, и черезъ мѣсяцъ (уже безъ меня) корабли благополучно перешли сначала въ Гельсингфорсъ, а потомъ въ Кронштадтъ, убѣгая отъ нѣмцевъ. Приписываю это не моему вліянію или вліянію другихъ начальниковъ, а просто естественному чувству самосохраненія «товарищей» и нежеланію ихъ покидать даровыя квартиры — корабли. Считая, такимъ образомъ, свою роль на Бригадѣ законченной, я на другой день собралъ уже однихъ командировъ, сообщилъ имъ офиціально о своемъ уходѣ, изложилъ подробно мотивы и затѣмъ разъяснилъ имъ свою точку зрѣнія на то, какъ, по моему мнѣнію, командиры и офицеры должны отнестись къ моему уходу. Я сказалъ, что каждый командиръ и отдѣльный офицеръ можетъ поступать какъ онъ хочетъ, совершенно не считая мое рѣшеніе и мое мнѣніе обязательнымъ для себя; что я никоимъ образомъ не осуждаю и не буду осуждать тѣхъ офицеровъ, которые не по собственной волѣ останутся на службѣ у большевиковъ, такъ какъ, во первыхъ, я прекрасно понимаю, въ какія тяжелыя матеріальныя условія они попадутъ со своими семьями въ случаѣ ухода, а во-вторыхъ, вообще признаю разницу въ положеніи **моемъ и другихъ** офицеровъ: я, по своей должности, долженъ подчиняться непосредственно «товарищамъ», съ чѣмъ я примириться никакъ не могу, остальные же, младшіе офицеры, продолжаютъ оставаться въ подчиненіи офицеровъ — командировъ, старшихъ офицеровъ и т. д. Конечно, это послѣднее заключеніе страдало нѣкоторой условностью, но я

не хотѣлъ, чтобы офицеры шли за мной не по убѣжденію, а изъ рабской подражательности примѣру старшаго, поэтому и старался дать имъ побольше выходовъ для компромисса со своей совѣстью. Вслѣдъ затѣмъ я сообщилъ, что согласно вышедшаго недавно циркуляра Верховной Морской Коллегіи, разрѣшено до 50% личнаго состава Дѣйствующаго Флота уволить въ отпускъ срокомъ на три недѣли; поэтому я и предлагаю тѣмъ офицерамъ, которые, подобно мнѣ, не желаютъ оставаться на службѣ у большевиковъ, воспользоваться теперь же этимъ отпускомъ, что дастъ имъ возможность покинуть большевистскую службу безъ всякаго риска быть обвиненнымъ въ саботажѣ и т. д. Командиры молчаливо выслушали меня, не сдѣлавъ почти никакихъ заявленій или возраженій. Впослѣдствіи, когда Бригада дложна была уходить въ Кронштадтъ, два командира — «Рюрика» кап. 1 р. Рудневъ и «Богатыря» кап. 1 р. Политовскій, остались на берегу и попали въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Офицеры же немедленно послѣ моего заявленія уѣхали въ отпускъ въ количествѣ 50%, причемъ бо́льшая ихъ часть на свои корабли не вернулась. Изъ командировъ на Бригадѣ остались: командиръ «Макарова» кап. 1 р. Сполатбогъ (впослѣдствіи Начальникъ Бригады) и командиръ «Баяна» кап. 1 р. Старкъ, вскорѣ скончавшійся.

Съ этого момента я фактически пересталъ быть Начальникомъ Бригады, съѣхалъ на берегъ и сталъ ожидать извѣщенія объ отставкѣ или отпускѣ, о чемъ меня обѣщалъ немедленно увѣдомить новый Начальникъ Штаба кап. 1 р. Щастный. Я поселился въ городѣ, въ нѣмецкомъ меблированномъ домѣ, гдѣ уже раньше заняли комнаты два моихъ командира — Политовскій и Старкъ.

За этотъ краткій періодъ моей ревельской береговой жизни только одинъ разъ мнѣ пришлось принять участіе въ морскихъ дѣлахъ, не касающихся Бригады. Какъ то утромъ ко мнѣ зашелъ конторщикъ мѣстнаго Морского Собранія (закрытаго съ момента большевистскаго переворота) и сообщилъ, что мѣстные анархисты-эсты только что осматривали помѣщенія Собранія и заявили сторожу (бывшему швейцару), что они намѣрены его занять со всѣмъ имуществомъ, которое въ немъ находится. На возраженіе сторожа, что

Собраніе принадлежитъ Морскому Вѣдомству и безъ разрѣшенія мѣстныхъ портовыхъ властей и Портоваго Комитета никому не можетъ быть передано, анархисты отвѣтили, что имъ на это «наплевать» и что они во всякомъ случаѣ Собраніе займутъ, хотя бы силой. Нужно сказать, что незадолго передъ тѣмъ анархистами же было занято Морское Собраніе въ Гельсингфорсѣ, только тамъ они продѣлали это безъ всякаго предупрежденія, и никакіе Центробалты не могли ихъ оттуда выставить. Сторожъ взволновался и побѣжалъ съ докладомъ къ Команиру Порта, который, разобравъ дѣло, командировалъ ко мнѣ для сообщенія о происшедшемъ конторщика. Сначала я не понялъ, при чемъ тутъ я, но потомъ сообразилъ, что, какъ старшій изъ мѣстныхъ морскихъ начальниковъ, я по уставу являлся Предсѣдателемъ Совѣта Старшинъ. Совмѣстно съ Ярономъ мы выработали слѣдующій планъ дѣйствій: немедленно собрать старшинъ на экстренное засѣданіе и провести постановленіе о передачѣ Собранія и его имущества (весьма цѣннаго, между прочимъ) «на храненіе» мѣстному Портовому Комитету, который, въ свою очередь, долженъ гарантировать ихъ неприкосновенность и защищать отъ посягательствъ всякихъ безотвѣтственныхъ хулиганскихъ политическихъ партій. Такъ и сдѣлали: постановленіе вынесли и переговорили затѣмъ съ представителями Портового Комитета (матросами), которые охотно взяли на себя охрану Собранія, давъ мнѣ соотвѣтствующую подписку. Пришедшіе черезъ нѣсколько дней анархисты были встрѣчены вооруженными матросами, что ихъ заставило благоразумно ретироваться. Въ концѣ концовъ я сознавалъ, что подобный «выходъ», т. е. передача Собранія матросамъ (хотя бы и для охраны только), ничего не гарантируетъ въ такое смутное время; но я рѣшилъ, что пусть лучше Собраніе будетъ расхищено своими же матросами, чѣмъ постороннимъ хулиганьемъ.

Около 26 декабря я, наконецъ, получилъ телефонограмму отъ Щастнаго о томъ, что мнѣ разрѣшенъ отпускъ «впредь до увольненія отъ службы», и на другой же день, простившись только съ командирами (команды мною уже весьма мало интересовались, такъ какъ военныхъ дѣйствій больше не ожидалось), отбылъ въ Гельсингфорсъ со всѣми моими вещами. При выходѣ на рейдъ на маленькомъ ледокольномъ пароходѣ, поддерживавшемъ пассажирское движеніе

между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ, я съ грустью последній разъ полюбовался на корабли моей Бригады, еще недавно столь мощные и грозные, теперь же потерявшіе всякое боевое значеніе и обратившіеся въ даровыя квартиры для «сознательныхъ товаищей»... Мой флагъ еще нѣсколько дней продолжалъ висѣть на «Рюрикѣ», пока, наконецъ, Центробалтъ не догадался приказать его спустить и предложить Сполатбогу поднять брейдъ-вымпелъ Командующаго Отрядомъ. Кстати упомянуть, что незадолго передъ моимъ отъѣздомъ съ Бригады, у меня по поводу флага произошли курьезные переговоры съ «Баяномъ»: я какъ-то обратился къ командиру «Баяна» и просилъ достать мнѣ тотъ флагъ, который былъ поднятъ на этомъ крейсерѣ въ день моего назначенія Начальникомъ Бригады. Черезъ нѣсколько дней Старкъ, нѣсколько сконфуженный, сообщилъ мнѣ, что Судовой Комитетъ, который фактически вѣдалъ хозяйствомъ корабля, отказался выдать мнѣ флагъ на томъ основаніи, что онъ составляетъ «казенное имущество». Я просилъ тогда передать Комитету, что готовъ уплатить стоимость флага по инвентарю, но что мнѣ очень хочется его имѣть, какъ память о кораблѣ. Тогда, наконецъ, я получилъ флагъ при бумагѣ отъ Комитета, въ которой было сказано, что Комитетъ исполняетъ мою просьбу «въ знакъ уваженія ко мнѣ», но что онъ проситъ меня «никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не упоминать о томъ, что флагъ полученъ съ корабля, дабы не вышло какихъ-либо непріятностей для Комитета». Забавно, — въ періодъ уже полнаго развала, такая забота о казенномъ имуществѣ и боязнь какой-то отвѣтственности! Вѣрно, что «Баянъ» былъ всегда особенно исправнымъ кораблемъ.

Въ Гельсингфорсѣ мнѣ пришлось прожить еще дней десять, въ ожиданіи необходимыхъ документовъ и разрѣщенія на выѣздъ «на родину».

Гельсингфорсъ въ то время уже сильно измѣнилъ свою физіономію. Съ начала большевистскаго переворота Финляндія объявила свою самостоятельность, а въ концѣ ноября или въ началѣ декабря мѣстные большевики — финны, поддержанные нашими «товарищами», разогнали Сенатъ и установили свою власть. Но, однако, эта власть сильно разнилась отъ нашей: мѣстные большевики, состоявшіе, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ многочисленныхъ пригородныхъ фаб-

рикъ, оказались и организованнѣе, и культурнѣе нашихъ, а что главное, сплошь націоналистами, вовсе не склонными служить «Интернаціоналу», вслѣдствіе чего реформы проводились съ большой осторожностью и порядокъ въ городѣ поддерживался образцовый. Подвергались преслѣдованіямъ и арестовывались лишь представители мѣстной буржуазіи — шведы; къ намъ же, русскимъ, отношеніе было вполнѣ корректное. Подобный порядокъ, однако, существовалъ очень недолго: съ приближеніемъ нѣмецкихъ войскъ воспрянули духомъ «бѣлые» и, съ оккупаціей края, окончательно захватили власть въ свои руки.

Наконецъ, съ дѣлами было покончено, всѣ необходимые документы были получены (не безъ препятствій со стороны Центробалта), и около 10 января мы съ женой, напутствуемые добрыми пожеланіями нашихъ друзей, остававшихся пока еще въ Гельсингфорсѣ, отбыли въ Петроградъ. Около 15 января я получилъ извѣщеніе о моемъ увольненіи въ отставку «безъ права на пенсію». Приказъ былъ формулированъ такъ: «увольняются отъ службы безъ права на пенсію: военные моряки — бывшій вице-адмиралъ Бахиревъ, бывшіе контръ-адмиралы Развозовъ, кн. Черкасскій, Тимиревъ, бывшіе кап. 1 р. Шевелевъ и еще кто-то, не помню фамилій. Такимъ образомъ, для меня закончился «Балтійскій періодъ» революціонной страды; вынужденный покинуть родной флотъ, которому такъ или иначе я посвятилъ двадцать пять лѣтъ моей жизни, я оказался въ положеніи человѣка, принужденнаго начинать жизнь съ начала — безъ почвы подъ ногами, безъ средствъ, безъ всякихъ надеждъ на что-либо въ ближайшемъ будущемъ, съ однимъ лишь, весьма сомнительнымъ, «революціоннымъ» опытомъ.

Конецъ.

С. Тимиревъ.

Шанхай. **1922 годъ.**

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Въ январѣ 1915 года, Командующій Флотомъ получилъ заданіе Высшаго Командованія поставить загражденіе на нѣмецкомъ протраленномъ фарватерѣ къ сѣверу отъ Данцига.

Для выполненія этой операціи были назначены: I Бригада Крейсеровъ въ составѣ «Рюрика», флагъ контръ-адмирала Бахирева, «Адмиралъ Макаровъ», «Богатырь» и «Олегъ» и полудивизіонъ Особаго Назначенія въ составѣ «Сибирскаго Стрѣлка», «Генерала Кондратенко», «Охотника» и «Пограничника», подъ командой флагъ-капитана по оперативной части Штаба Флота, Каперанга Колчака. Полудивизіонъ Особаго Назначенія принялъ мины загражденія и крейсера «Олегъ» и «Богатырь» приняли по 100 минъ каждый. Миноносцы шли въ операцію вдоль берега, огибая Даго, а крейсера моремъ, подходя ночью съ сѣвера къ Готланду, для опредѣленія. Въ строю головнымъ былъ крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ».

Крейсера шли, большей частью, въ крупномъ, битомъ льдѣ, а потому были лишены возможности опускать лаги или лоты.

Островки Готска Сандэ и о-въ Готландъ періодически заволакивались шквалами со снѣжной пургой.

До Готланда крейсера шли ходомъ въ 16 узловъ. Въ 4 утра было приказано по линіи уменьшить ходъ до 12 узловъ. Въ 3 ч. 30 м. пошелъ мокрый снѣгъ, и пургой заволакивался горизонтъ. Маякъ сѣверной оконечности Готланда не открывался, также какъ не былъ виденъ и Готска Сандэ. Ввиду этого явилось предположеніе, что крейсера находятся дальше отъ берега, чѣмъ предполагали, хотя «Адмиралъ Макаровъ» слегка уклонялся вправо отъ курса.

Въ 4 ч. 02 м. «Адмиралъ Макаровъ» измѣнилъ курсъ на 10 влѣво и легъ на 190 градусовъ, открывъ по курсу слабый свѣтъ маяка.

Въ 4 ч. 07 м. Начальникъ Бригады приказалъ лечь на 160. Въ это время на «Рюрикѣ» почувствовался легкій ударъ. Ходъ уменьшили до 12 узловъ. Въ это время открылся по курсу маякъ, свѣтящій съ силой прожектора. Немедленно положили «лѣво на бортъ». Въ это время послѣдовалъ второй ударъ. Застопорили машины. Я взялъ дальномѣромъ разстояніе до маяка — 21 кабельтовъ. На этомъ мѣстѣ никакой банки или отмели не значилось.

«Рюрикъ» прошелъ черезъ неизвѣстную банку, срѣзалъ на ней почти все наружное дно, принялъ 2700 тоннъ воды. Затопило междудонное пространство, нижнія угольныя ямы, 3-ю кочегарку и др. помѣщенія. Прогнуло карапасъ. Крейсеръ началъ погружаться въ воду, сойдя съ банки на чистую воду. Водоизмѣщеніе «Рюрика» въ моментъ выхода было 17.300 тоннъ, а послѣ аваріи стало 20.050 тоннъ. Среднее углубленіе при выходѣ было 27.8 фута, а послѣ аваріи 32 фута.

Въ шесть съ половиной утра дали осторожно малый ходъ въ 6 узловъ, построились въ строй кильватера и пошли на Нордъ къ маяку Утэ.

Впослѣдствіи Слѣдственная Комиссія, выяснявшая причины аваріи пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1. Никакой вины со стороны Командованія Отрядомъ и командировъ крейсеровъ Комиссія не находитъ.

2. Навигаціонныя условія плаванія были исключительно тяжелыми.

3. Причиной приближенія отряда къ Готланду можно считать случайное теченіе, т. к. таковаго ожидать было нельзя.

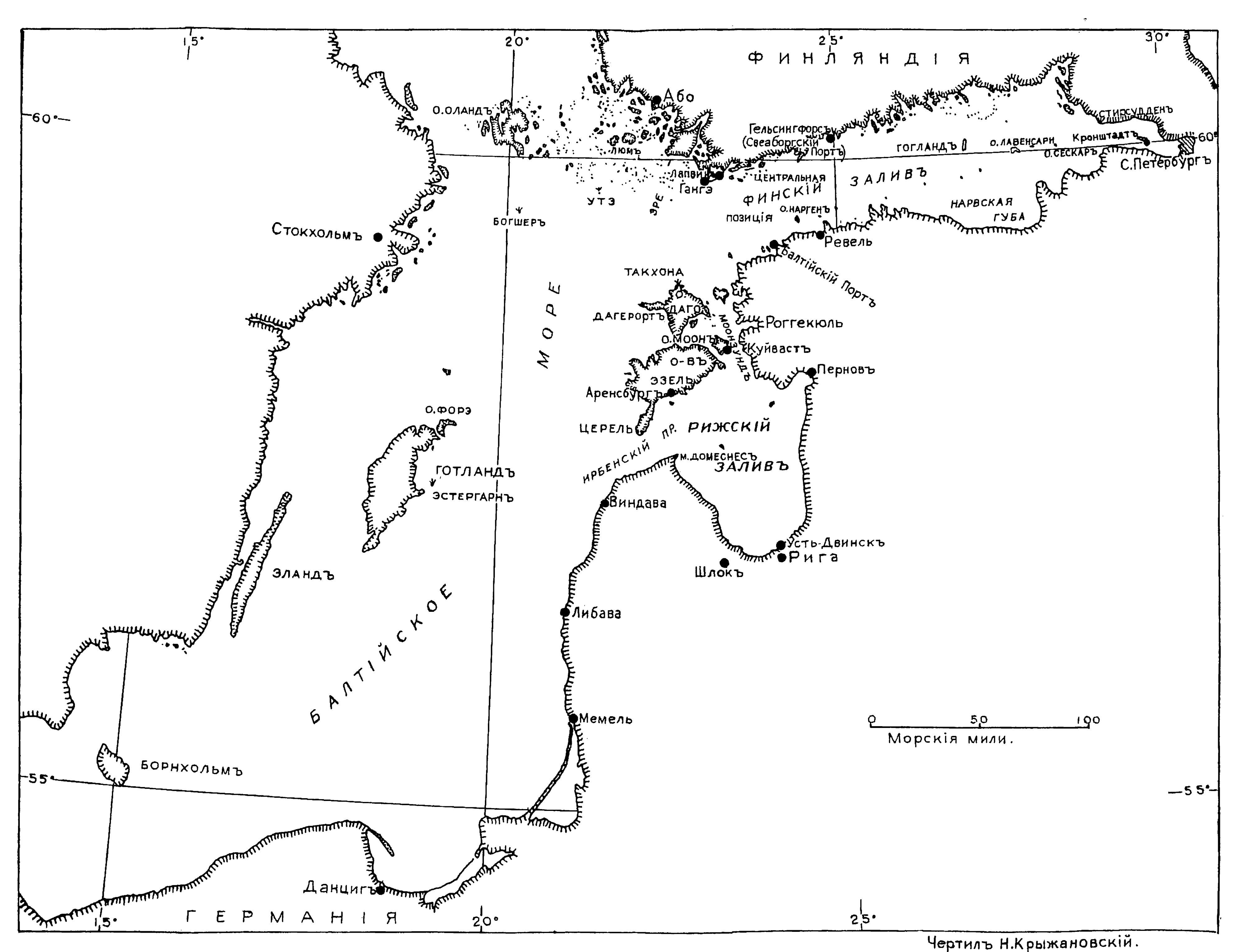
4. Слѣдственная Комиссія считала, что бр. кр. «Рюрикъ» проскочилъ черезъ банку, не обозначенную на картѣ, гдѣ глубина была указана въ 6 сажень.

5. Кромѣ того Комиссія сочла нужнымъ отмѣтить, что за все время отъ начала и до конца плаванія никакихъ упущеній ни съ чьей стороны она не усмотрѣла.

Бывшій Флагманскій Штурманъ I Бригады Крейсеровъ Балтійскаго моря

Капитанъ 2 р. Н. Крыжановскій

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

Чертилъ Н.Крыжановскій.

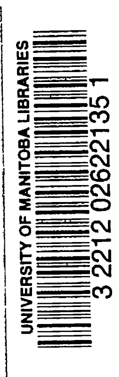
ОГЛАВЛЕНІЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДО РЕВОЛЮЦІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Наборъ и тисненіе типографіи "Монастырская печать". Монреаль. Канада.
Printed by "Monastery Press", 8601, Bloomfield Ave. Montreal, Que. Canada.